

Учредитель:
АНО ВО «Московский институт государственного управления и права»

ISSN 2074-9201

Решением Президиума Российской
Академии естественных наук
от 17 сентября 2007 года
«Вестник Академии права и управления»
награжден Почетной
серебряной медалью В.И. Вернадского

Решением Президиума Российской
Академии естественных наук
от 17 марта 2010 года
«Вестник Академии права и управления»
награжден Почетной
серебряной медалью А.С. Попова

**ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ
№ 1 (50)
2018**

Журнал включен

в Перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК

Тексты статей размещены в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU

12+

Редакционный совет

Председатель:

Пузанов Ю.П., кандидат юридических наук, профессор, действительный член Европейской академии естественных наук, президент Московского института государственного управления и права;

Ахамер Гилберт, доктор наук, член Австрийской Академии наук (Институт экономической географии), профессор Университета Грац, профессор Университета Зальцбурга, профессор Австрийского института прикладных наук, профессор Университета Челло (Вена), Университета Кремс, эксперт Европейской комиссии по вопросам образования, науки и экологии, соредактор и член редакционных советов в международных научных журналах (*Springer, Emerald, IGI Global, Inderscience, BRICS*), Вена, Австрия.

Члены редакционного совета:

08.00.00 Экономические науки

Рагулина Ю.В., доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Всероссийского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства Федерального научного центра аграрной экономики и социального развития сельских территорий;

Салихов Б.В., доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и менеджмента Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство.);

Солодуха П.В., доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры, декан экономического факультета Российского государственного социального университета;

Шкодинский С.В., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории Московского государственного областного университета.

12.00.00 Юридические науки

Агапов П.В., доктор юридических наук, доцент, старший советник юстиции, ведущий научный сотрудник отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере федеральной безопасности, межнациональных отношений и противодействия экстремизму НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации;

Бажанов С.В., доктор юридических наук, профессор, старший советник юстиции, ведущий научный сотрудник отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере экономики НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации;

Гаврилов Б.Я., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации;

Дорская А.А., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права юридического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена;

Кузнецов П.У., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права Уральского государственного юридического университета;

Минбалева А.В., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры «Теория государства и права, конституционное и административное право», заместитель директора по научной работе Юридического института Южно-Уральского государственного университета;

Нарутто С.В., доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА);

Пашенцев Д.А., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского городского педагогического университета;

Полякова Т.А., доктор юридических наук, доцент, заведующая сектором Информационного права Института государства и права Российской академии наук;

Радько Т.Н., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист Российской Федерации;

Тарасов А.М., доктор юридических наук, профессор, советник в отделе Главного территориального управления Администрации Президента РФ, заслуженный юрист Российской Федерации.

Зарубежные члены редакционного совета:

Анил Сарвал, доктор наук, профессор Пенджабского университета (г. Чандигарх, Индия);

Дэвид Рейнольдс, доктор наук, действительный член Британской академии наук, профессор истории Колледжа Христа в Кембридже, почетный профессор Колледжа Далвич, Университетов Кембриджа и Гарварда, Небраски, Оклахомы, Нихон (Токио) и По (Париж). С октября 2013 г. возглавляет исторический факультет в Кембридже;

Мкртумян А.Ю., заслуженный юрист Республики Армения, доктор юридических наук, председатель Кассационного Суда Республики Армения;

Пол Смит, доктор наук, профессор Университета Претории, Южная Африка (ЮАР);

Уоррен Кимбол, доктор наук, почетный профессор исторического факультета Колледжа искусств и наук Рутгерс, профессор Университета Кембриджа;

Ю Синода, доктор наук, профессор права Университета Хокусэй-Гакуэн, г. Саппоро (Япония).

Эксперты:

Меськов В.С., доктор философских наук, профессор кафедры педагогики Высшей школы образования, профессор кафедры теологии филологического факультета, директор Учебно-научного центра Междисциплинарных проблем образования и когнитивистики Московского педагогического государственного университета;

Тихонов А.В., доктор социологических наук, профессор, действительный член Российской Академии социальных наук, руководитель Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии РАН;

Шеремет И.А., доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой «Информационная безопасность» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, член-корреспондент РАН, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса.

Редакционная коллегия:

Главный редактор: Золотарев В.А., доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, почетный профессор Военного университета Министерства обороны России, президент Ассоциации историков Второй Мировой войны, действительный государственный советник РФ 1-го класса, заместитель Генерального директора Международного биографического центра от России (Великобритания, Кембридж), действительный член Итальянской академии экономики и социальных наук, почетный доктор Нью-Йоркского Университета; почетный член Западноевропейской академии науки и культуры

Зам. главного редактора: Шкурко Н.М., кандидат психологических наук, заслуженный работник высшей школы, консультант АНО ВО «Московский институт государственного управления и права»

Директор Научно-издательского центра: Чеботарев В.Е., кандидат экономических наук, доцент

Технический редактор: Савеличев М.Ю.

Корректор: Игнашина А.А.

Establisher:
ANO HE «Moscow Institute of Public Administration and Law»

ISSN 2074-9201 Vestnik Akademii prava i upravleniâ

By decision of the Presidium of Academy
for Natural Sciences of the Russian Federation
from September 17, 2007 «The Bulletin of
Academy of Law and Management» is awarded with
V.I. Vernadsky's Honourable silver medal

By decision of the Presidium of Academy
for Natural Sciences of the Russian Federation
from March 17, 2010 «The Bulletin of
Academy of Law and Management» is awarded with
A.S. Popov's Honourable silver medal

BULLETIN

OF ACADEMY OF LAW AND MANAGEMENT

№ 1 (50)

2018

By the decision of the Higher Commission on Attestation Ministry of Education
and Science of the Russian Federation. The magazine has been put
on the «List of the front-line reviewing scientific magazines and printing editions,
where chief scientific results of dissertation researches, pretending to get
an academic degree, doctor or candidate of sciences, must be published»

«Bulletin of Academy of Law and Management» is included
in the Russian Science Citation Index (Rints, in Russian), a bibliographic database
of scientific publications in Russian at the academic periodicals, based
at the eLIBRARY.RU website platform of the Russian Scientific Electronic Library

Editorial Board

Chairman:

Puzanov Y.P., PhD in Law, Professor, Full Member of the European Academy for Natural Sciences,

President of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Ahamer Gilbert, PhD, Member of the Austrian Academy of Sciences (the Institute of Economic Geography), professor of Graz University, professor of Salzburg University, professor of the Austrian Institute of Applied Sciences, professor of Cello University (Vienna), Krems University, expert of the European Commission for Education, Science and Environment, co-editor and member of editorial boards at the international scientific journals (Springer, Emerald, IGI Global, Inderscience, BRICS), Vienna, Austria.

Members of Editorial Board:

08.00.00 Economic sciences:

Ragulina Yu., Doctor of Economics, Professor, Deputy Director of the all-Russian Research Institute of Agricultural Economics of the Federal Research Center of Agrarian Economy and Social Development of Rural Areas;

Salikhov B., Doctor of Economics, Professor, Professor of Chair of Economics and World Business of the Moscow State Linguistic University, Professor of the Moscow Witte University, Retired Colonel;

Solodukha P., Doctor of Economics, Professor, Chairholder, Dean of the Faculty of Economics of the Russian State Social University;

Shkodinskiy S., Doctor of Economics, Professor, Head of Chair of Economic Theory of the Moscow Region State University.

12.00.00 Sciences of Law:

Agapov P., Doctor of Law, Associate Professor, Senior Counselor of Justice, Leading Researcher of the Department of Issues of Public Prosecutor's Supervision and Consolidation of Legality in the Matter of Federal Security, Interethnic Relations and Counteracting Extremism of the Research Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation;

Bazhanov S., Doctor of Law, Professor, Senior Counselor of Justice, Leading Researcher of the Department of Issues of Public Prosecutor's Supervision and Consolidation of Legality in the Matter of Economy of the Research Institute of Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation;

Dorskaya A., Doctor of Law, Professor, Head of Chair of International Law of the Russian State Pedagogical University of A. Herzen (Saint-Petersburg);

Gavrilov B., Doctor of Law, Professor, Head of Chair of International Law of the Law Faculty of the Russian State Pedagogical University of A. Herzen;

Kuznetsov P., Doctor of Law, Professor, Head of Chair of Information Law of the Ural State Law University;

Minbaleev A., Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair "Theory of State and Law, Constitutional and Administrative Law", Deputy Director for Science of the Law Institute of the South-Ural State University;

Narutto S., Doctor of Law, Professor of Chair of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL);

Pashentsev D., Doctor of Law, Professor, Professor of Chair of Theory and History of State and Law of the Moscow City University;

Polyakova T., Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Information Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;

Rad'ko T., Doctor of Law, Professor, Professor of Chair of Theory of State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation;

Tarasov A., Doctor of Law, Professor, Advisor in the Department of the Main Territorial Administration of the Presidential Administration, Honored Lawyer of the Russian Federation.

Foreign Members of Editorial Board

Anil Sarwal, PhD, professor of the Punjab University (Chandigarh, India);

David Reynolds, Full Member of the British Academy of Sciences, Professor of History in Christ College of Cambridge, Honored Professor of Dulwich College, Cambridge and Harvard Universities, Nebraska, Oklahoma, Nihon (Tokyo), Po (Paris). From October of 2013 he heads the History Faculty at Cambridge;

Mkrtumyan A., Honored Lawyer of the Republic of Armenia, Doctor of Law, Chairman of Court of Cassation of the Republic of Armenia;

Paul Smit, PhD, professor of the University of Pretoria, South Africa (RSA);

Warren Kimbol, Honored Professor of Historic Faculty of the Rutgers College of Arts and Sciences, Professor of Cambridge University;

Yu Sinoda, Professor of Law of Khokusay-Gakuan University, Sapporo city (Japan).

Expert members:

Mes'kov V., Doctor of Philosophy, Professor of Chair of Pedagogy of the Higher School of Education, Professor of Chair of Theology of the Faculty of Philology, Director of Educational-Scientific Center of Interdisciplinary Issues of Education and Cognitive Science of the Moscow Pedagogical State University;

Sheremet I., Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of the Chair "Information safety" of Financial University under the Government of the Russian Federation, Full State Counselor of the Russian Federation of the 3rd Class;

Tikhonov A., Doctor of Sociology, Professor, Full Member of Russian Academy of Humane Sciences, Head of the Center of Sociology of Management and Social Technologies ISRAS.

Editorial Board

Editor-in chief: Zolotarev V., Doctor of Law, Doctor of History, Professor, Professor of Lomonosov Moscow State University, Honorary Professor of the Military University of the Russian Ministry of Defense, President of the Association of the Second World War Historians, Full State Counselor of the Russian Federation of the 1st Class, Deputy Director General of the International Biographical Center from Russia (United Kingdom, Cambridge), Full Member of the Italian Academy of Economics and Social Sciences, Honorary Doctor of New York University, Honorary Member of the Western European Academy of Science and Culture

Deputy Chief Editor: Shkurko N., PhD in Psychology, Honorary Figure of the Russian Higher Education, Consultant of Autonomous Nonprofit Organization for Higher Education "Moscow Institute of Public Administration and Law"

Director of scientific-publishing center: Chebotarev V., PhD in Economics, Associate Professor

Make-up Editor: Savelichev M.

Proofreader: Ignashina A.

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Духно Н.А., ОСМОТР МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ.....	9
Гончарова М.В., Шиян В.И., СОСТОЯНИЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ.....	21
Матиенко Т.Л., ФУНКЦИИ СЫСКНОЙ ПОЛИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1908-1917 ГГ.): СООТНОШЕНИЕ ДОЗНАНИЯ И РОЗЫСКА	27
Афанасьева О.Р., Афанасьев П.Б., СТРАХ ПЕРЕД НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ	33
Шамаров В.М., К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ПРИНЦИПАХ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА	40
Чернявский А.Г., Червяков Н.Н., ПЕРВООСНОВЫ ПРАВА И ПОИСК НОВЫХ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПАРАДИГМ.....	47
Ширкин А.А., УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ В ДРЕВНЕМ ВАВИЛОНЕ	54
Аль Али Насер Абдель Рахим, ПРИНЦИП ПРАВА НАРОДА НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ПРАВО НА ОТДЕЛЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ.....	57
Абдрахманов А.И., О СООТНОШЕНИИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СТИХИИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВОЛИ В ЛИКВИДАЦИИ ЦАРСКОЙ ПОЛИЦИИ В ХОДЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА.....	63
Чеботарева А.А., ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ	67
Иголина Н.А., Ережипалиев Д.И., ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ	74
Никитина А.В., ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ДЕПУТАТСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ	80
Федоров Р.В., ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СОЗДАНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ФАБИАНИСТОВ	86
Кузнецов Е.С., ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ МИРОВЫХ СОГЛАШЕНИЙ В АРБИТРАЖНОМ СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ И КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ.....	92
Галицкая А.А., ДОГОВОР СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ	97
Агаев А.И., ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГРАЖДАН, ПРИЗВАННЫХ НА ВОЕННЫЕ СБОРЫ, И ВОИНСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ	104
Борисова Н.В., НАЧАЛЬНАЯ СТАДИЯ ПРОИЗВОДСТВА В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ	108

Романько Э.А., ОСНОВАНИЯ РАСТОРЖЕНИЯ ДОГОВОРА.....	113
--	------------

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Салихов Б.В., КАЧЕСТВЕННАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ КРЕАТИВНОГО КАПИТАЛА КАК ОСНОВЫ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ.....	119
--	------------

Шкодинский С.В., Грасмик К.И., ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА НА ИННОВАЦИОННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАЛЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ	126
--	------------

Смоленский А.М., РОЗНИЧНАЯ ТОРГОВЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОСТОЯНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ	131
---	------------

Мишина А.А., ФИНАНСОВЫЕ ИННОВАЦИИ: ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ И ВИДАМ	136
--	------------

CONTENTS

THEORY AND PRACTICE OF SCIENCE OF LAW

Dukhno N., VIEW OF PLACE OF OCCURRENCE UNDER INVESTIGATION	9
Goncharova M., Shiyan V., THE STATE OF ORGANIZED CRIMINALITY IN RUSSIA	21
Matienko T., THE FUNCTIONS OF THE CRIMINAL INVESTIGATION DEPARTMENT OF THE RUSSIAN EMPIRE (1908-1917): INTERRELATION OF PRELIMINARY INVESTIGATION AND DETECTION	27
Afanas'eva O., Afanas'ev P., FEAR OF VIOLENT CRIME: CONCEPT AND ESSENTIAL FEATURES.....	33
Shamarov V., REVISITING THE CONCEPT AND PRINCIPLES OF A LEGAL STATE.....	40
Chernyavskiy A., Chervyakov N., FUNDAMENTAL PRINCIPLES OF LAW AND THE SEARCH FOR NEW COGNITIVE PARADIGMS	47
Shirkin A., CRIMINAL SANCTION IN ANCIENT BABYLON	54
Ali Al Nasser Abdel Rahim, THE PRINCIPLE OF THE RIGHT OF PEOPLE TO SELF-DETERMINATION AND THE RIGHT TO THE DIVISION IN INTERNATIONAL LAW	57
Abdrakhmanov A., ON THE CORRELATION OF REVOLUTIONARY ELEMENT AND THE POLITICAL WILLPOWER TO ELIMINATE TSARIST POLICE DURING THE FEBRUARY REVOLUTION OF 1917	63
Chebotareva A., ORGANIZATIONAL-LEGAL MAINTENANCE OF INFORMATION SAFETY OF THE PERSONALITY IN THE RUSSIAN FEDERATION REGIONS: TRENDS AND CHALLENGES	67
Igonina N., Erezhipaliev D., PREVENTION OF DEVIANT BEHAVIOR OF MINORS: ISSUES AND WAYS OF SOLUTION	74
Nikitina A., THE ISSUES OF JUDICIAL-PROCEDURAL LEGAL IDENTITY OF DEPUTY ASSOCIATIONS	80
Fedorov R., SOME HISTORICAL FACTS ABOUT ESTABLISHING OF THE FABIAN SOCIETY	86
Kuznetsov E., FEATURES OF AMICABLE AGREEMENTS IN ARBITRATION COURT OF APPEAL AND CASSATION INSTANCE.....	92
Galitskaya A., THE BUILDING CONTRACT IN AN ESTABLISHED PRACTICE IN APPLYING THE LAW	97
Agaev A., ON THE CRIMINAL RESPONSIBILITY OF CITIZENS CALLED FOR RESERVE TRAINING, AND MILITARY OFFENCES	104
Borisova N., INITIAL STAGE OF PRODUCTION IN THE COURT OF APPEAL INSTITUTION.....	108

Roman'ko E., GROUNDS OF TERMINATION OF THE CONTRACT.....	113
--	------------

ISSUES OF ECONOMICS AND MANAGEMENT

Salikhov B., QUALITY INTEGRITY OF THE CREATIVE CAPITAL AS THE BASIS FOR INNOVATION ECONOMY.....	119
---	------------

Shkodinskiy S., Grasmik K., THE IMPACT OF THE ECONOMIC CRISIS ON INNOVATION ACTIVITY OF SMALL ENTERPRISES	126
---	------------

Smolenskiy A., RETAIL TRADING IN THE RUSSIAN FEDERATION: CURRENT STATE AND PRESENT TROUBLES.....	131
--	------------

Mishina A., FINANCIAL INNOVATIONS: APPROACHES TO THE CLASSIFICATION AND TYPES	136
--	------------

УДК 343

Духно Н.А.,

доктор юридических наук, профессор Российского университета транспорта

ОСМОТР МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

В статье раскрываются основные проблемы производства осмотра места происшествия, связанные со многими спорными вопросами участия понятых, участия специалистов, применением технических средств, правильной оценки их результатов. Даны предложения о полноценном проведении этого следственного действия, для получения объективных и полных сведений указывающих на конкретные признаки совершенного преступного деяния. Проведено разграничение между протоколом осмотра, который является доказательством, и протоколом допроса, как средством фиксации показаний. Изложенные в письменном виде, показания могут быть искажены, и, чтобы избежать ошибки, показания доказательством признаются, когда они даются в устной форме. Соблюдение предложений, выработанных теорией уголовного процесса и криминалистикой, будет способствовать получению доброкачественных доказательств, охране прав лиц, попадающих в сферу уголовного судопроизводства, что выразится в быстром и полном раскрытии совершенного преступления.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, понятые, технические средства, протокол осмотра, доказательство, протокол допроса, следы преступления, следователь

Dukhno N.,

Doctor of Law, Professor of the Russian University of Transport

VIEW OF PLACE OF OCCURRENCE UNDER INVESTIGATION

The article reveals the main issues of the execution of view of the place of occurrence under investigation, associated with many controversial issues of participation of witnesses of investigative action, the participation of experts, the use of technical devices, the correct evaluation of their results. This proposal is about the full conduct of this investigative action to obtain objective and complete information indicating specific characteristics of the executed criminal act. A distinction is made between protocol of inspection, which is factual in evidence, and protocol of interrogation, as a means of recoding testimonies. Putting into written form, testimonies can be corrupted, and to avoid the error, the testimonies of the proof are recognized when they are given orally. Compliance with the proposals developed from the theory of criminal process and Criminalistics, will contribute to make of quality evidences, the protection of the rights of persons, falling into the sphere of criminal procedure, which will be reflected in the rapid and full detection of executed criminal act.

Keywords: view of place of occurrence under investigation, witnesses, technical devices, protocol of inspection, evidence, protocol of interrogation, trace of crime, investigator

Одно из следственных действий, предназначенных для собирания доказательств по уголовным делам, является осмотр места происшествия. Его главной особенностью следует признать возможность получить обширный круг доказательственной информации, наличие которой существенно сокращает сроки расследования происшествия и даст основания для правильной правовой квалификации содеянного. В юридической литературе место происшествия определяется так, как толкуют его криминалисты, видя в нем то место, где произошло расследу-

емое правонарушение. В большинстве случаев место происшествия появляется после совершенного преступления. Поэтому к месту происшествия относят и место, где велась его подготовка, и где обнаружены последствия преступления. При расследовании одного уголовного дела может быть одно, два, и более мест происшествий [1]. Осмотр места происшествия, как указано в статьях 144, 176 УПК РФ, может быть произведен до возбуждения уголовного дела. На практике, как правило, осмотр места происшествия производится до возбуждения уголовного дела. Ког-

да у следователя, кроме сведений о случившемся происшествии, других данных нет, тогда, прибыв на место происшествия, незамедлительно приступает к его осмотру.

В ранее действовавшем УПК РСФСР, принятого в 1960 году, в статье 178, указывающей на основания производства осмотра, в числе других видов осмотра, значился осмотр места происшествия, с емким описанием цели этого следственного действия и с требованием выяснения обстановки места происшествия. В принятом новом УПК РФ в 2001 году, с последующими многими изменениями, в статье 176 основания для осмотра места происшествия прописаны менее удачно. Требования о выяснении обстановки места происшествия не выражены. Большая значимость этого следственного действия в получении полных, всесторонних и объективных сведений, повышает ответственность всех, кто причастен не только к производству осмотра, но тех, кто формулирует и принимает статьи УПК. Небрежность, допущенная в формулировке статьей УПК, может стать основанием причинения огромного вреда обществу и государству. Отсутствие в УПК важного требования, ухудшает гарантии в объективности расследования происшествий, что может стать причиной неправильной правовой квалификации содеянного и утраты юридических оснований для возмещения причиненного вреда. Под влиянием законов, лишенных полноты и смысла основного закона логики, требующего употребления понятия в одном смысле, теряется возможность воспитания следователей и судей с нравственным и мировоззренческим началом стремиться к объективной истине и справедливости при расследовании и разрешении дел.

Много причин окружают нас, препятствуя установлению объективной истине и не давая возможности принимать правильные решения. Когда совершаются происшествия часто информация об этом к следователю приходит не быстро. Бывают случаи, когда к приезду следователя, место происшествия меняет свой облик. Лицемерное сочувствие можно наблюдать в глазах тех, кто торопился сгладить следы происшествия, отводя от себя подозрения. По разным причинам меняется обстановка, но в любом случае изменения уничтожают первичные следы происшествия, что создает серьезные препятствия для установления достоверных сведений о случившемся. Для того, чтобы представить, какую важную роль в раскрытии всей картины преступления, играет осмотр места, где оно произошло, требуется понимание, сколько полезной доказательственной информации можно получить, если осмотр будет произведен немедленно после произошедшего события. Это первое, но не единственное обстоятельство, которое умножает значимость осмотра места происшествия.

Важно не пропустить при осмотре ни одной детали, ни одного следа, которые могут указать путь получения других доказательств, изобличающих виновных в совершении преступления.

В широком кругу разных источников, осмотр места происшествия представляется, как неотложное следственное действие, направленное на установление, фиксацию и исследование обстановки места происшествия, следов преступления и преступника, и иных фактических данных, позволяющих в совокупности с другими доказательствами сделать вывод о механизме происшествия и других обстоятельствах расследуемого события. Когда воспринимаешь такую трактовку, то сразу возникает желание уточнить, прежде всего, термин «исследовать». Осмотр выражает собой непосредственное восприятие места, предметов, следов преступления. Все, что доступно чувственному восприятию должно быть описано в протоколе осмотра. По существу осмотр представляет собой разновидность исследований. Процессуальная форма осмотра устанавливает пределы исследования в этом следственном действии. Но исследования этим не заканчиваются, они продолжают на всем пути доказывания обстоятельств, посредством которых и раскрывается вся картина происшествия. Следы, предметы со следами преступления, обнаруженные при осмотре места происшествия, становятся объектами дальнейших исследований. Воля, профессиональные способности следователя обнаружить при осмотре места происшествия следы преступления, создают дополнительные гарантии доброкачественности исследования в ходе этого следственного действия. Обнаруженные и изъятые с места происшествия предметы, подлежат дополнительному детальному осмотру, и в случае необходимости направляются, в установленном порядке, на экспертизу. Обнаруженные на месте происшествия следы и предметы, при их осмотре дают важные фактические данные, которые становятся основанием производства других следственных действий для получения новых доказательств. На всем этом пути проходит процесс исследования фактов совершенного преступления. При производстве экспертизы применяются иные методики исследования, которые обеспечивают получение нового выводного знания об обстоятельствах совершенного преступления. Чем полнее и всесторонне осматривается место происшествия, тем насыщеннее окажутся сведения в протоколе осмотра, дополняемом фотографиями и другими результатами применения технических средств. Емкие сведения, полученные при осмотре места происшествия, станут основаниями для получения новых важных доказательств, раскрывающих картину совершенного преступления.

Доброкачественный осмотр места происшествия обеспечивает возможность решить целый ряд

важных задач, в числе которых следует выделить следующие:

- Получить сведения о характере происшествия, вызванного преступными, или иными противоправными деяниями.

- Установить способ воздействия на объект, который пострадал, и в результате которого наступил вред. Определить характер вреда, который может быть физическим, материальным, имущественным и моральным.

- Обнаружить, зафиксировать следы преступного характера и изъять предметы со следами преступления, определить виды первоочередных, неотложных экспертиз по выявленным следам и предметам, которые со временем могут менять, или даже терять, свои свойства.

- Получить сведения о причинах и условиях, способствовавших совершению преступления.

- Выявить изменения в обстановке объекта, который разрушен в результате происшествия.

- Получить сведения, необходимые для выдвижения следственных версий, для собирания других доказательств по раскрытию происшествия, определить направления оперативно-розыскных мероприятий для розыска виновных лиц и получения оперативной информации о совершенном преступлении.

Решая эти задачи, следователь в процессе осмотра места происшествия получает содержательное доказательство, и если это удастся достичь, то оно способствует быстрому и полному раскрытию совершенного преступления. Осмотр места происшествия является отправной точкой, не только на первоначальном этапе расследования, но и на протяжении всего предварительного следствия. Полно и всесторонне произведенный осмотр, объективно и правильно составленный протокол осмотра места происшествия, образует условия для верного выдвижения следственных версий, дает основания для производства разных следственных действий по получению необходимых доказательств, ориентируют работников розыска на правильный путь поиска лиц, причастных к совершенному событию, устремляет следователя к правильному определению видов экспертиз. Полученная при осмотре доказательственная информация способствует правильному формулированию и постановки вопросов экспертизу.

К осмотру места происшествия следует готовиться заранее. Мероприятия подготовительного характера по своему содержанию разные, но все они должны обеспечить готовность технических средств, список предполагаемых специалистов, готовых по своему профессиональному уровню и волевому изъятию выехать со следователем на место происшествия. Следователю нужно готовиться и быть всегда готовым к быстрому прибытию на место происше-

ствия в составе следственно-оперативной группы. Заранее вести подготовку к созданию следственно-оперативной группы, означает, что в нужный момент она быстро прибудет на место происшествия. Помня нашу привычку к волоките и многоступенчатому согласованию, пренебрегая процессуальным требованием о самостоятельности следователя, следует все делать заблаговременно, и всегда быть готовым выехать на место происшествия в составе хорошо подготовленной следственно-оперативной группы. В УПК РФ нет упоминания об следственно-оперативной группе, но в законе есть трактовка «следственная группа». По требованию п. 2 ст. 163 УПК РФ решение о производстве предварительного следствия следственной группой, об изменении ее состава принимает руководитель следственного органа. В постановлении должны быть перечислены все следователи, которым поручено производство предварительного следствия, в том числе указывается, какой следователь назначается руководителем следственной группы. И в этом же пункте ст. 163, указано, что к работе следственной группы могут быть привлечены должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность [2]. По существу УПК РФ дает законные основания создавать следственно-оперативную группу, предоставляя возможность включать в нее следователей и оперативных работников. Сложности в создании следственно-оперативных групп возникают по причине ожидания указаний начальников, что влечет за собой потерю времени. Если следственно-оперативная группа будет создаваться в момент возбуждения уголовного дела по факту происшествия с признаками преступления, то без предварительной подготовки лиц, которые должны в ней участвовать, ее состав может оказаться малоквалифицированным. Причиной тому послужит поспешное включение в группу лиц, которые оказались менее всего заняты, но не те, кто обладает опытом и высокой квалификацией. Предварительная договоренность следственных органов с органами, ведущими оперативно-розыскную работу, на уровне Следственного комитета и органов ФСБ и МВД России, выражающаяся в разнообразных нормативных правовых актах, должна совершенствоваться, обеспечивая подготовку лиц, способных для работы в следственно-оперативных группах. Их надо подбирать по профессиональной пригодности, проводить с ними семинары и тренировки, достигая высокого мастерства в осуществлении мероприятий по обеспечению доброкачественного осмотра места происшествия, и в расследовании всего уголовного дела. В состав следственно-оперативных групп следует включать опытных следователей, и высококвалифицированных оперативных работников, способных быстро разыскивать нужную информацию, отражающую факты совершенного преступления. Кроме того,

в состав следственно-оперативной группы должны включаться специалисты, обладающие знаниями из разных отраслей. Специалисты участвуют в осмотре места происшествия и могут привлекаться к участию в других следственных действиях, и они не являются постоянными участниками следственно-оперативной группы. В состав следственно-оперативной группы не включаются лица, призванные охранять место происшествия, но их следует всех переписать, и в тех случаях, если кто-то из них окажется носителем важной информации, то таких лиц следует допросить в качестве свидетеля.

Работникам, следственно-оперативной группы нужны современные технические средства, какие позволяют значительно расширить возможности обнаружения и фиксации следов происшествия. Трудно сравнить, с чем-то другим, так влияющим на раскрытие преступления, как своевременное получение следователем информации о месте и времени происшествия. Время, разделяющее событие от момента его совершения, до момента прибытия оперативно-следственной группы на место происшествия, должно быть максимально сближено. Система оповещения следователя о времени и месте происшествия, должна гарантировать достоверность и своевременность поступления к нему информации. Оповещение следственных органов о происшествии, нуждается в серьезной и безупречной системе, подчиненной регламенту, принятом на законодательном уровне. Руководитель объекта обязан незамедлительно, сообщить в следственный орган о факте произошедшего происшествия. В трудовом договоре каждого руководителя должна быть прописана обязанность, немедленно докладывать о происшествии на вверенном ему объекте, с указанием конкретного следственного органа. Невозможно признать существующую практику полезной, при которой доклады о происшествии идут цепью, от одного начальника к другому, а следователь получает информацию позднее всех. Правовую оценку происшествия обязан осуществлять следователь, но ему об этом следует сообщить быстро. Только ломка сознания, от привычки покорности к убеждению жить по закону, может переменить наши отношения к исполнению своего долга в каждой профессиональной деятельности. Скорое прибытие следователя на место происшествия, гарантирует сохранность важных следов в первоначальном виде, что обеспечит их фиксацию и положительную динамику их использования для установления причин происшествия. Запоздалое прибытие следственно-оперативной группы на место происшествие, таит опасность уничтожения или изменения следов свершившегося чрезвычайного события. Сколько сил и средств не редко тратится заинтересованными лицами, чтобы скрыть истинную причину происшествия и

отвести подозрения на непричастные субъекты. До прибытия на место происшествия оперативно должна быть организована работа по получению первичных данных о характере происшествия, об обстановке, в которой придется производить следственные действия. Такие данные важны для корректировки плана первоначальных и неотложных мероприятий, а также для определения круга специалистов, которых необходимо будет приглашать для участия в осмотре места происшествия. До момента прибытия на место происшествия, следователь, используя свое процессуальное положение, в порядке требований ч.2, п.4, ст. 38 УПК, поручает органу дознания содействовать при осуществлении осмотра места происшествия. По содержанию статьи 40 УПК РФ, самым опытным, доступным, и обладающим широкими возможностями, может быть орган дознания, в лице органа внутренних дел Российской Федерации, входящий в состав территориальных, в том числе линейных, управлений (отделов, отделений, пунктов) полиции, которому следователь даст поручение. Используя современные возможности Интернета, следователь письменно направляет органу дознания, ближайшему от места происшествия отделу полиции, поручение о принятии мер: по оказанию помощи пострадавшим, если они есть; по охране места происшествия; по выявлению подозрительных лиц и фотографированию общего состояния места происшествия. На практике складываются тенденции, когда требования УПК, а это федеральный закон, корректируются ведомственными инструкциями и положениями, в которых прописываются правила согласования, с определенным кругом лиц, участия работников полиции в обеспечении проведения осмотра места происшествия. Исполнение требований таких инструкций ведет к потере времени и к созданию угроз уничтожения следов преступления. Полномочия следователя дают ему право добиваться такого порядка, при котором любые его поручения, по обеспечению осмотра места происшествия, выполнялись непосредственно, без всяких согласований. Как только следователь прибывает на место происшествия, он обязан: уточнить обстановку и быстро принять неотложные меры по оказанию помощи пострадавшим; по организации охраны места происшествия, или внести в нее коррективы, если охрана была выставлена, и начать общий осмотр места происшествия. Подлежат срочной фиксации общая обстановка места происшествия и наиболее значимые следы, а также предметы, которые могут стать вещественными доказательствами, подтверждающими характер и способ совершенного преступления.

В процессе осмотра места происшествия следователь обязан установить, путем непосредственного восприятия, с участием специалистов и с применением технических средств, характер происшествия,

определить обстановку произошедшего, конкретизировать время события, зафиксировать общую картину и следы происшествия. Оперативные работники, включенные в состав оперативно-следственной группы, обязаны изучить оперативную обстановку в районе происшествия, выявить подозрительных лиц, очевидцев события, а также содействовать розыску предметов и следов, связанных с происшествием. Особенно важно обратить внимание на такие обстоятельства, какие принято именовать в криминалистической литературе «негативными», и которые указывают на способ совершения преступления. К ним относятся следы взрыва, посторонние предметы, не свойственные объекту, где свершилось событие, предметы которые могли быть орудием преступных действий. По их характеру, особенностям, появляется возможность выявить изменения в расположении объектов и определить свойства отдельных предметов, на месте происшествия. Негативные обстоятельства имеют особо значение для выявления инсценировок, искусственного создания угроз объектам или людям. Полученные сведения о негативных обстоятельствах, могут служить информацией, раскрывающей причины происшествия, что способствует более быстрому раскрытию картины события.

Успех осмотра зависит и от того, как и насколько точно следователь, опираясь на свои способности, и на полученные первичные сведения о происшествии, определит его пространственные границы. Верно намеченные границы осмотра, создают дополнительные возможности в выявлении следов происшествия, способствуют получению более полной информации, которая может стать основанием выдвижение правильных, продуктивных версий, направляющих путь производства следственных действий по собиранию доказательств. Ошибочное определение пространства осмотра места происшествия, пагубно тем, что следователь, либо будет необоснованно тратить процессуальные силы и средства, что ничего не добавит к расследуемому делу, либо не получит нужных для раскрытия происшествия сведений. То и другое, приводит к значительным потерям времени, к просчетам, к построению ошибочных версий, и к необоснованному проведению следственных действий. При таком нежелательном ходе событий образуются факторы, препятствующие раскрытию происшествия и создающие угрозы нарушений прав лиц, попавших в орбиту уголовного судопроизводства. Любое необоснованное следственное действие ведет к нарушениям прав человека. Необоснованно, а значит, и незаконно, принуждают человека участвовать в том действии, в каком он не может быть полезным для раскрытия преступления, или иного правонарушения.

Полные и объективные результаты осмотра места происшествия дают следователю доброкаче-

ственный материал, прежде всего полезный для построения следственных версий. Удачно и полно сформулированные следственные версии – это фарватер, по которому беспрепятственно, быстро и объективно пойдет расследование происшествия. В научно-практической литературе, посвященной осмотру места происшествия, справедливо замечено, что не только осмотр, но и другие источники образуют основание для построения версий. Но осмотр места происшествия имеет особую значимость в получении объективных сведений о том, что произошло в действительности. Следы происшествия следователь воспринимает сам непосредственно, применяя специальную технику и привлекая нужных специалистов, что способствует формированию объективных данных о событии. Сведения, полученные при осмотре места происшествия, образуют те основания, при которых следователь быстрее получит новые доказательства, которые во взаимосвязи с иными данными, полнее раскрывают картину совершенного преступления.

Участвующие в осмотре места происшествия оперативные работники, содействуют сотрудникам полиции и иным лицам охраняющим место происшествия, под руководством следователя, в охране, не допуская нарушая обстановки и не меняя расположения предметов. Охрана заключается в том, чтобы не допустить проникновения на место происшествия посторонних лиц, а также в том, чтобы пресечь уничтожение следов происшествия и предотвратить попытку выноса предметов из места происшествия. Если оперативные работники и полиция прибыли раньше следователя на место происшествия, то они обязаны, прежде всего, принять меры к оказанию помощи пострадавшим лицам и обеспечить охрану места происшествия, а также установить всех лиц, которые оказались на месте происшествия.

Порядок осмотра места происшествия осуществляется по правилам, указанным в статье 177 УПК РФ. Одним из важных вопросов, вызывающих жаркие споры, является вопрос участия понятых при осмотре места происшествия. По смыслу процессуального закона, участие понятых не всегда является обязательным при производстве осмотра. Проведение осмотра без участия понятых допускается, если его производство связано с опасностью для жизни и здоровья людей, а также в некоторых других случаях при соблюдении условий, предусмотренных ч. 3 ст. 170 УПК РФ. Содержание статьи 170 УПК РФ, отражающее порядок участия понятых, связано со ст. 60 УПК РФ, где раскрывается понятие «понятой», как не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, привлекаемое дознавателем, следователем для удостоверения факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результатов следственного действия. Согласно требованиям УПК, основанием назначения

понятого участником следственного действия является потребность удостовериться факт производства следственного действия, его ход и результаты. Такая трактовка законодателя, позволяет понимать, что понятия могут участвовать в любых следственных действиях, а не только в тех, где протекает процесс непосредственного восприятия фактов совершенного преступления. Основной задачей понятого является удостоверение непосредственного восприятия следователем тех обстоятельств, которые могут быть доступны непосредственному познанию, и удостоверение соответствия содержания протокола, тому, что было непосредственно воспринято. Это возможно при производстве осмотров, обысков, выемок, но не при допросах, где воспринимаются показания о фактах, а не сами факты, совершенного преступления. По требованию статьи 170 УПК участие понятых при осмотре места происшествия должно быть осуществлено в порядке, предусмотренном статьей 177 УПК РФ. В части первой этой статьи, действовавшей до 4 марта 2013 года, было выражено требование, что осмотр производится с участием понятых. С утратой силы ч.1, ст. 177 УПК РФ, порядок участия понятых при осмотре изменился. Федеральным законом, от 04.03.2013, № 23-ФЗ, исключено требование об обязательном участии понятых при производстве осмотра места происшествия и ряда других следственных действий. В настоящее время при производстве осмотра места происшествия понятые принимают участие по усмотрению следователя. Это требование статьи 170 УПК РФ обязывает следователя, если по его решению понятые в осмотре не участвуют, применять технические средства фиксации процесса и результатов осмотра. Но, в случаях, когда в ходе следственного действия применение технических средств невозможно, по разным причинам, то следователь обязан внести в протокол соответствующую запись об этом.

В труднодоступной местности, при отсутствии надлежащих средств сообщения, а также в случаях, если производство следственного действия связано с опасностью для жизни и здоровья людей, следственные действия, предусмотренные частью первой настоящей статьи, могут производиться без участия понятых, о чем в протоколе следственного действия делается соответствующая запись. Но если при производстве осмотра следственного понятые не участвуют, то применяются технические средства фиксации его хода и результатов. Вопрос об участии понятых в следственных действиях давно превратился в широкую дискуссию. Существует много точек зрения, по поводу необходимости участия понятых в отдельных следственных действиях, но еще больше противников приглашать их для участия в следственных действиях. Новый подход законодателя об участии понятых при производстве осмотра дает возмож-

ность следователю определять и принимать решение, нужны или нет понятые. Даже когда технические средства при осмотре не применяются, то об этом делается только запись в протоколе, но не требуется обязательное присутствие понятых. Такой порядок производства осмотра лишает гарантий достоверности поучаемых при осмотре сведений. Ориентация процессуального закона на замену понятых техническими средствами фиксации места происшествия, или следов преступления, вызвана потребностями более широкого использования современных технических средств, при производстве следственных действиях. Но, как правильно замечено в различных источниках: Если приобщить к материалам уголовного дела фото-таблицу, или видеозапись не представится возможным из-за поломки технического средства, или утери электронного носителя информации, или по другим причинам, то протокол осмотра места происшествия, произведенный без участия понятых, должен быть признан недопустимым доказательством [3]. Новые требования процессуального закона о том, что в случаях, когда участие понятых не является обязательным, следователь, по собственной инициативе, или по ходатайству участников уголовного судопроизводства, может принять решение об участии понятых и привлечь их к производству следственного действия, не решает проблему укрепления процессуальных гарантий. Отсутствие в уголовно-процессуальном законе перечня следственных действий, при производстве которых должны обязательно участвовать понятые, разрушает гарантии в достижении объективной истины по уголовным делам. В уголовно-процессуальной литературе нового времени не содержатся обоснованные предложения о том, при производстве каких следственных действий должны присутствовать понятые, а при каких они не нужны. Понятым следует приглашать для участия только в тех следственных действиях, в процессе которых следователь непосредственно сам воспринимает следы преступления. При производстве допросов понятые не нужны, они ничего гарантировать не могут в показаниях допрашиваемого лица. Присутствие понятых не может удостоверять достоверность показаний, а только усугубит процесс допроса, насторожит допрашиваемого, помешает сосредоточению и даче объективных показаний. Когда следователь непосредственно сам воспринимает след преступного деяния и описывает его в протоколе осмотра, тогда роль понятого выполняет гарантию достоверности действий следователя, понятой удостоверяет соответствие воспринятого с записью в протоколе следственного действия. При любом сомнении суда в содержании протокола осмотра, появляется возможность пригласить понятого на судебное следствие и допросить его в качестве свидетеля. В разных источниках такая

позиция находить аргументацию и поддержку в необходимости участия понятых, не без указания на то, что их участие должно быть только в тех следственных действиях, где происходит непосредственное восприятие следователем следов преступления [3]. В своих показаниях понятый, либо подтвердит, либо опровергнет содержание протокола, в случае, если была допущена ошибка или совершена фальсификация процессуального документа.

Важную роль при производстве осмотра места происшествия играют специалисты. Закон, ч.1, ст.58 УПК РФ, выражает определение понятия специалиста, как участника процессуальных действий, не конкретизируя их. Специалист – это лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое в процессуальных действиях для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию [4]. Применяемое законодателем понятие «процессуальные действия» затрудняет правильно определить, в любых ли следственных действиях может участвовать специалист и содействовать в обнаружении, изъятии и закреплении следов преступления, предметов и документов. Трудно представить, чтобы специалист при допросах мог содействовать в обнаружении и изъятии следов преступления. Эту задачу специалист может решать только в тех следственных действиях, где происходит непосредственное восприятие следов, или предметов преступления. К таким следственным действиям относится и осмотр. Неудачно сформулированная статья 58 УПК РФ, создает трудности в следственной практике при решении вопроса привлечения специалистов и постановки им конкретных задач. Обладая специальными знаниями, специалисты оказывают следователю помощь в выявлении следов, сведения о которых помогут раскрыть происшествие. При этом они помогают применять технические средства, позволяющие обнаружить следы преступления и изъять предметы, вещества с места осмотра. Специалисты помогают описывать обстановку места происшествия и оказывают помощь в изложении текста протокола осмотра в выражениях, какие точно отражают предметы и другие детали места происшествия. В зависимости от характера происшествия и места, где оно произошло, специалисты могут быть из разных отраслей. Из инженерных областей могут потребоваться специалисты-строители, механики, энергетики, специалисты из разных видов транспорта, а также специалисты других отраслей знаний. Специалист, профессионалы своего дела, оказывает большую помощь следователю в обнаружении следов преступления, в установлении способа их образования, в розыске предметов,

относящихся к преступному событию, в правильном их изъятии, не допуская повреждений и сохраняя их в том состоянии, в каком они находились при обнаружении. При наличии пострадавших обязательно должны участвовать врачи и другие медицинские работники. Кроме того, для осмотра места происшествия должны приглашаться специалисты-криминалисты и специалисты по применению технических средств, фиксирующих как саму обстановку места происшествия, так и отдельные следы, предметы. В отличие от фиксации самой обстановки, следователь, согласно ст. 189 УПК РФ, имеет право применять при допросах технические средства фиксации, как фото-, аудио- или видеозапись, киносъемка, не только по своей инициативе, но и по ходатайству допрашиваемого лица. В таких случаях специалист может оказывать помощь следователю в применении технических средств, для записи показаний допрашиваемого лица. Материалы, фиксирующие процесс допроса, не являются доказательством, а служат средством, отображающий ход допроса и хранятся при уголовном деле. В процессе допроса допрашиваемое лицо дает показание, свидетельство, рассказ о том, что он сам наблюдал или слышал от других лиц. Показание, данное при допросе, является доказательством, но не сам протокол допроса. Запись в протоколе не является показанием, а лишь письменным изложением рассказа допрашиваемого лица. Протокол допроса, как и применяемое техническое средство при допросе, могут исказить показания. Принимая протокол допроса, или его запись, выполненную техническим средством, за доказательство, мы создаем угрозы для разрушения процессуальных гарантий достижения объективности при расследовании уголовного дела. В судебной практике не редкие случаи, когда вместо показаний свидетеля, зачитывается протокол допроса, полученный на предварительном следствии. Пренебрегая требования процессуального закона и нарушая принципы непосредственности, устности и гласности, суд создает обстановку, лишаящую заслушать показания свидетеля, подменяя их протоколом допроса. Кто узнает, соответствует ли такой протокол показаниям свидетеля и каково истинное содержание доказательства. Нарушения процессуального закона всегда создает угрозу к необоснованному судебному решению, а это ведет к существенному ущемлению прав человека.

В криминалистической литературе дано достаточно полное описание тактики осмотра места происшествия, разделенного на три, основные стадии: предварительную, основную рабочую и заключительную. Все они находятся в тесной связи, не ломая целостность следственного действия, подчиняются требованиям процессуального закона. Стадии систематизируют работу следователя на месте происшествия, способом установления последовательности

действий, что обеспечивает доброкачественность осмотра. Систематизация помогает следователю на месте происшествия, сосредоточить внимание на главных вопросах и решить их. Решая основные вопросы, следователь устремляет свое внимание на соблюдение требований УПК РФ; обеспечение прав всем участникам осмотра; создание условий для сохранения обстановки и следов происшествия; выявление и фиксация следов и предметов на месте происшествия; определение способов применения технических средств; оформление протокола осмотра места происшествия и приложений к нему. Следователь не ограничивается только этим, в ходе осмотра решаются многие другие вопросы, обеспечивая условия для получения полной, всесторонней и объективной доказательственной информации.

Приступая к осмотру, следователь стремится к выяснению общей картины происшествия в целом, устанавливая характер события и его последствия. Не теряя времени, приступает к определению расположения отдельных предметов, обращая внимание на явные следы, чтобы на основе общего представления, создать образ происшедшего события. На этом этапе следует все фотографировать для получения снимков общего вида места происшествия. Применение технических средств, при осмотре в наше новое время поднялось на высокую вершину, что обусловлено техническим прогрессом, цифровыми, иными технологиями и появлением современных технических средств, значительно расширяющих возможности непосредственного восприятия. Хотя закон и не дает перечня технических средств, допустимых к применению в процессе осмотра, но его сущность раскрывает пределы возможного их использования. В уголовном процессе осмотр необходим, как способ получения доказательства, формирующегося при непосредственном восприятии следователем следов, предметов, иных обстоятельств, доступных непосредственному восприятию. Для расширения возможностей восприятия применяются технические средства, которые способствуют обнаружению недоступных невооруженному глазу увидеть невидимые следы преступления. Все технические средства, которые могут усилить непосредственное восприятие следователя, и иных участников осмотра, для обнаружения следов преступления, применяются при производстве этого следственного действия. Допустимость применения технических средств, при производстве следственных действий определяется, с одной стороны, точным исполнением требований уголовно-процессуального закона, а с другой, - правилами криминалистики, основанными как на законодательстве, так и на этических нормах. При этом обязательными являются тактические приемы, выработанные криминалистической. Соблюдением этих рекомендаций обеспечива-

ется полное и объективное обнаружение и фиксация следов преступления, а также создаются условия для охраны прав участников уголовного процесса.

Важным аспектом подготовки к осмотру места происшествия является правильное комплектование технических средств. Наиболее полезным был бы выезд на каждое место происшествия передвижной криминалистической лаборатории, полно оснащенной необходимыми техническими средствами, которые могут оказаться полезными при обнаружении, изъятии и фиксации следов преступления. Передвижные криминалистические лаборатории имеют разную комплектацию, но все они предназначены для выездов экспертов-криминалистов с набором технических средств на место происшествия, для принятия участия в осмотре и оказания высокой квалифицированной помощи следователю для поиска, фиксации, изъятия, а также для проведения предварительного исследования следов и вещественных доказательств путем детального их осмотра. Когда имеются данные о том, что причиной происшествия стал взрыв, тогда следует использовать передвижную криминалистическую взрыво-техническую лабораторию (ПКВЛ) ПЗ-2004, предназначенную для технико-криминалистического обеспечения неотложных оперативных мероприятий и следственных действий на местах чрезвычайных происшествий, связанных со взрывами и обезвреживанием взрывных устройств (ВУ), и взрывчатых веществ (ВВ) [5]. В настоящее время могут использоваться и более новые образцы передвижных криминалистических лабораторий. По разным обстоятельствам, следователь не всегда имеет возможность использовать передвижную криминалистическую лабораторию. В таких случаях следователь обязан быть готов к выезду на место происшествия с заранее подготовленными техническими средствами.

Обычно при осмотре места происшествия используются, рекомендуемые в криминалистической литературе, следующие технические средства:

-Унифицированный чемодан для осмотра, в котором находятся: Осветитель «Квадрат». Лупы, разной кратности. Порошки дактилоскопические; кисти; набор для дактилоскопирования; пленка дактилоскопическая. Перчатки. Бинт. Ножницы. Пинцеты. Скальпель, Зонды; шпатель; стекла предметные. Пакеты полиэтиленовые. Стеклорез. Гипс. Пластилин. Лак для волос. Рулетка. Фонарь электрический. Компас. Индикатор напряжения. Штангенциркуль. Набор фломастеров. Лента склеивающая. Комплект бирок с номерками. Набор инструментов. Фото-сумка с принадлежностями.

-Малый комплект технико-криминалистических средств для работы с микрообъектами на месте происшествия, в который входят: лупы, магнит, пленка липкая, кисть колонковая, электростатическая па-

лочка, пинцеты, иглы, стекла предметные, пробирки, капилляры, ножницы, пакеты полиэтиленовые, бумага, этикетки для маркировки), комплект технических средств «Капля».

- Комплект для изъятия запаховых следов.

- Комплекты для обнаружения микрочастиц: Электростатический съемник отпечатков на пыли Electrostatic DUST PRINT LIFTER. Включает в себя высоковольтный источник/регулятор питания, стальную никелированную пластину заземления и металлोलзированный съемник. Прибор «Следокоп», служит для изъятия пылевидных следов на ворсистых и тканевых поверхностях, а также для обнаружения и изъятия следов на кафеле, бетоне и на других поверхностях.

- Комплект наборов «Нарко-2М» и «Нарко-3» для анализа наркотических веществ.

- Комплексы «Орион-2М» и «Сириус», которые предназначены для проведения статического и динамического осмотра места пожара, установления очага и причины возгорания, путей распространения огня, отбора и упаковки вещественных доказательств различной природы.

- Поисковые приборы: Ультрафиолетовые осветители, излучающие, как длинные, так и короткие волны, Электронно-оптические преобразователи. Детектор скрытых следов, работающий на основе переносного лазера. Магнитный подъемник. Металлоискатель; щупы различного назначения.

- Современная, цифровая фото- и видеоаппаратура, с принадлежностями к ней; компьютер, специализированный программно-аппаратный комплекс «Растр-5», позволяющий получать, хранить, обрабатывать цифровые фотоизображения. Включает в себя персональный компьютер, или переносной компьютер – ноутбук, периферийные устройства для ввода изображений [6].

Процесс дальнейшего исследования выявленных, зафиксированных и изъятых следов и иных вещественных доказательств, может продолжаться при производстве различных видов экспертиз; при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, а также при определении следователем оснований производства иных следственных действий по собиранию и проверке доказательств. Для того чтобы выявленные следы стали объектом дальнейших исследований и дали возможность для раскрытия всей картины происшествия, их следует полно и правильно зафиксировать. Фиксация и изъятие самых разнообразных следов, предметов являются элементами осмотра места происшествия и образуют вместе с протоколом следственного действия единое целое доказательство, отражающее содержание воспринятого и зафиксированного.

При производстве осмотра места происшествия следователь обязан с помощью специалистов

осуществить фото-видеосъемку, как всего места события, так и отдельных узлов, деталей. В криминалистике такие съемки классифицируют, как ориентирующая, обзорная, узловая и детальная. Общий осмотр начинается с обзора места происшествия. Воспринятая следователем обстановка должна фиксироваться с помощью фотосъемки, в пределах определенных границ, подлежащего осмотру пространства. Решая вопрос об исходной точке и способе осмотра, следователь определяет последовательность его производства и одновременно руководит фотосъемкой, которую осуществляет специалист, выбирая позицию для ориентирующей и обзорной фотосъемки. Вместе с участниками осмотра, следователь выясняет, какие предметы, иные следы находятся на месте происшествия, фиксирует их при помощи технических средств и путем фотографирования. Полный комплекс мер, по выявлению и фиксации обстановки места происшествия, выявлению следов и предметов, с признаками происшествия, подлежит тщательному описанию в протоколе осмотра. Все полученные фото-таблицы, как общей, так и узловой, детальной фотосъемки прилагаются к протоколу осмотра места происшествия и составляют вместе с ним содержательное доказательство. Технические средства фото-видеофиксации применяются для закрепления в изображениях всего места происшествия, в панорамном виде, в отдельных узлах, деталях, сложившейся обстановки, со следами, предметами, отражающие событие происшествия. Изготовленные снимки должны полностью совпадать с описанием воспринятых фактов, полно описанных в протоколе осмотра места происшествия. С учетом широких возможностей современных средств фотографирования цифровыми фотокамерами, применение фотографической фиксации места происшествия становится доступным и весьма полезным способом отображения места происшествия. В различных источниках даны рекомендации по использованию компьютерной сферической фотопанорамы, (по тексту КСФП). Метод КСФП позволяет охватить фотосъемкой границы места происшествия на 360° с использованием современных цифровых фотоаппаратов. Применение данного вида судебной фотографии существенно увеличивает возможность отразить на фотоснимках всю картину происшествия, и представить вместе с протоколом емкую информативность результатов использования современной фотосъемки. Фотографирование места происшествия, рекомендуется производить из центра, что предполагает применение эксцентрического метода осмотра. Изначально изготавливается два или три снимка с углами поворота в горизонтальной плоскости соответственно 180°, или 120°. Дальнейшее изготовление КСФП включает в себя два последовательных этапа. Первый этап – «сшивание», трех круговых фотоснимков в еди-

ную сферическую панораму на плоскости с использованием компьютерной программы типа «Stitcher» (Сшиватель). Второй этап – процесс подготовки КСФП для показа в обозревателе. Для этого используется специальная компьютерная программа: мастер виртуальных мест осмотра «Tour Compiler» [7].

В литературе раскрываются преимущества фотосъемки места происшествия по сравнению с видеосъемкой, выражающиеся в том, что применение видеосъемки требует высоких профессиональных способностей, что весьма трудно обеспечить в складывающейся оперативной обстановке на месте происшествия. Прерывание видеосъемки, или монтаж полученного результата, недопустимы по причине того, что такие видеоматериалы трудно отличить от фальсификаций. При видеосъемке недопустимо вмешательство, или появление в кадре, посторонних лиц, не имеющих отношения к событию происшествия. В сложившейся практике, когда на место происшествия устремлен большой поток лиц разных ведомств, добиться при видеосъемке изображения без постороннего вмешательства, практически невозможно. Применение видеосъемки будет продуктивным при производстве тех следственных действий, ход и результаты которых можно фиксировать так, как они происходят без постороннего вмешательства. В процессе осмотра места происшествия, когда его не только окружают руководители и специалисты разных ведомств, но и пытаются вносить свои предложения, производить видеосъемку крайне затруднительно. Если видеозапись будет вестись в ходе осмотра места происшествия безостановочно, то существенная информация попросту затмится в изображениях, не имеющих доказательственного значения, а ее монтаж уголовно-процессуальным законом не предусмотрен, а значит и не гарантирует допустимость такой видеозаписи в уголовное дело [6]. УПК РФ исключает монтаж, полученной видеозаписи в ходе следственного действия, чтобы не допустить возможной фальсификации материалов, укрепляя гарантии доброкачественности получаемых доказательств.

Протокол осмотра места происшествия является доказательством, чем он существенно отличается от протокола допроса, который лишь фиксирует факт того, что доказательство было получено. При допросе доказательством всегда будут показания допрашиваемого. Чтобы показания стали доказательством, они должны быть получены в ходе допроса и изложены в устной форме. Процессуальные требования к доказательствам – это выстроенная система гарантий правильного пути познания фактов совершенного преступления, тесно скрепленная с гарантиями охраны прав человека. Способности и умения следователя процессуально правильно собирать доказательствами и оперировать ими, приобретаются и сохраняют-

ся только тогда, когда он обладает высоким уровнем правосознания. Сегодня, даже опытные следователи, не все обладают высоким уровнем правосознания. Старые привычки принимать много законов, не обдумывая, как их исполнять, провоцируют жить по другим правилам, которые мало совпадают с правовыми принципами. Для того, чтобы протокол осмотра не потерял своего процессуального значения, он должен быть составлен в строгом соответствии с требованиями УПК РФ. В литературе можно встретить различные рекомендации по подготовке документов при первоначальном осмотре места происшествия. Когда такой осмотр производится следователем с соблюдением требований процессуального закона, тогда каких-либо серьезных вопросов не возникает. Но в отдельных предложениях высказывается мысль о том, что первоначальный осмотр может быть произведен администрацией ведомства, под чьим управлением находится объект, на котором произошло происшествие. Не трудно предположить, какую удобную ситуацию мы создаем для администрации, предоставляя возможность защиты своих ведомственных интересов и скрывая истинные следы преступления. Вместе с тем, воспринятая администрацией обстановка места происшествия, считается некоторыми криминалистами осмотром. Размывая процессуальные гарантии, мы не замечаем, как возникает возможность изменить представление о том, что фактически произошло и скрыть следы явного преступления. В данном случае речь может идти о досмотре, не имеющем процессуальных гарантий. Лица, осуществлявшие такой досмотр, могут быть допрошены следователем в качестве свидетелей и их показания станут допустимыми доказательствами. Если при досмотре были сделаны фотоснимки, или видеозапись, то они должны быть представлены следователю, который может признать их, в установленном процессуальном порядке, доказательствами, или отвергнуть их. Лица, осуществляющие фотосъемку, или видеозапись места происшествия должны быть допрошены в качестве свидетеля и дать показания о способах фотосъемки, с указанием аппаратуры, которая использовалась при съемке, а также о месте и времени производства фотосъемки.

В новой редакции статьи 166 УПК РФ, изложены основные требования к протоколу следственного действия. Эти требования применяются и к протоколу осмотра места происшествия, что подтверждает статья 180 УПК РФ. В протоколе подробно описываются все действия следователя, все обнаруженные следы преступления, их особенности, предметы, место их расположения и общая обстановка места происшествия, воспринимаемая во время осмотра. Чем подробнее и правильнее, будут описаны все следы преступления, тем насыщение окажется доказательство. Протокол осмотра места происшествия, на всех

стадиях судопроизводства, следует оценивать как доказательство. Когда в этом протоколе подробно излагаются сведения об обстановке места происшествия, о выявленных следах преступления, их особенностях, и все это подтверждается присутствующими при осмотре понятными и специалистами, а также снимками, тогда появляется возможность уверенно использовать полученные при осмотре материалы для производства экспертиз и собирания других доказательств, раскрывающих картину преступления. Перечисленные и описанные предметы, изъятые при осмотре, с указанием времени, погоды, освещения, при каком производился осмотр, с описанием, какие технические средства были применены, в последующем помогут эксперту при исследовании и формировании заключения эксперта.

Протокол пишется от руки или с помощью технических средств, в ходе следственного действия, а может быть подготовлен после его окончания осмотра, когда вся информация о происшествии собрана, зафиксирована. В протоколе осмотра места происшествия необходимо указывать: место, дату производства осмотра; время его начала и окончания, с точностью до минуты; должность, фамилию и инициалы следователя. В протоколе указываются фамилии, имя и отчество каждого участника осмотра места происшествия, отмечается их процессуальное положение. Протокол осмотра должен также содержать запись о разъяснении участникам следственного действия, в соответствии с требованиями УПК РФ, их прав, обязанностей, ответственности и порядка производства осмотра места происшествия. Запись удостоверяется подписями участников осмотра. В случаях возникшей необходимости обеспечить безопасность потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц, которые по разным причинам могут участвовать при осмотре места происшествия, следователь, вправе в протоколе осмотра, не приводить данные об их личности. В этом случае, как указано в ч. 9, ст.166 УПК РФ, следователь, с согласия руководителя следственного органа, выносит постановление, в котором излагаются причины принятия решения о сохранении в тайне данных, лиц участвующих в осмотре места происшествия. В этом случае указывается их псевдоним и приводится образец их подписи, которые он будет использовать в протоколах следственных действий, произведенных с их участием. Постановление помещается в конверт, который после этого опечатывается, приобщается к уголовному делу и хранится при нем в условиях, исключающих возможность ознакомления с ним иных участников уголовного судопроизводства. В случаях, не терпящих отлагательства, осмотр места происшествия может производиться на основании постановления следователя о сохранении в тайне данных о

личности участника следственного действия без получения согласия руководителя следственного органа. В данном случае постановление следователя передается руководителю следственного органа, для проверки его законности и обоснованности незамедлительно при появлении для этого реальной возможности [8]. Процессуальные гарантии направлены на охрану прав и законных интересов лиц, участвующих в уголовном процессе. Когда практика идет по пути пренебрежительного отношения к процессуальным гарантиям, тогда судопроизводство деградирует, становится расправой, теряя свою воспитывающую и предупредительную направленность, превращаясь в глазах народа в репрессивный инструмент.

Все представленные, участвующими в осмотре лицами, заявления, имеющие отношение к происшествию, заносятся в протокол осмотра. В содержание протокола заносятся только те сведения, какие стали результатом непосредственного восприятия следователем и участниками осмотра. Следы, обнаруженные при помощи технических средств, и ставшие доступными непосредственному восприятию, также подлежат описанию в протоколе осмотра. Не нужно стремиться заносить в протокол осмотра мнения, предположения, или какие-либо выводы, из чьих бы уст, участвующий в осмотре лиц, они не исходили. В протокол осмотра вносятся только те сведения, которые стали результатом непосредственного восприятия следователем обстановки места происшествия, со всеми следами, доступными непосредственному познанию. Информация, которая может поступать к следователю от присутствующих при осмотре лиц, в форме словесных сообщений, в протокол осмотра не вносится. Она может учитываться следователем, как ориентирующая и использоваться для выдвижения следственных версий, или для получения иных видов доказательств. Сведения, полученные за пределами следственного действия, не могут служить доказательством, так как они не соответствуют требованиям, выражающим сущность процессуального доказательства, и не содержат должных гарантий, устанавливающих допустимость их в процесс доказывания. В уголовном процессе доказательство может быть получено только строго указанными в УПК способами. Каждый вид доказательства имеет свою процессуальную природу и процессуальный режим. Для каждого вида доказательства в УПК прописан свой способ получения. В протоколе осмотра места происшествия следователь обязан отразить все то, что было обнаружено в ходе этого следственного действия при непосредственном восприятии конкретных следов, предметов и общей обстановки их нахождения и расположения. Замечания участников осмотра по поводу порядка производства следственного действия, должны отражаться в протоколе осмотра. Но если участвующие

могут сообщить о происшествии важные сведения, то их следует допросить в качестве свидетелей и показания записать в протокол допроса. Законодатель, в ч.5, ст. 166 УПК РФ установил общее правило об обязательном отражении в протоколах следственных действий применяемых технических средств. На основании процессуальных требований, в протоколе осмотра места происшествия следователь обязан указать название технических средств, примененные при производстве следственного действия, указать условия и порядок их применения, а также отразить результаты, которые были получены в ходе применения каждого технического средства. В протоколе осмотра должны быть указаны данные лица, которое использовало то, или иное техническое средство. Протокол осмотра, как доказательство, обогащается, подлежащими

обязательному приложению, результатами применения технических средств. Изготовленные и надлежащим образом оформленные при осмотре: таблицы фотографических снимков; современные флэшки с видеозаписью; чертежи, планы, схемы; слепки и оттиски следов, являются приложениями к протоколу осмотра. Протокол с приложениями предъявляется следователем для ознакомления всем лицам, участвовавшим в следственном действии. Если участник осмотра места происшествия выразит замечание, дополнение или уточнение по содержанию протокола, то они должны быть внесены в него и удостоверены подписями лиц, внесших уточнения. Протокол осмотра места происшествия и приложения к нему, на каждой странице подписываются следователем и лицами, участвующими в этом следственном действии.

Список литературы

1. [Электронный ресурс] – https://dic.academic.ru/dic.nsf/eng_rus/149683
2. [Электронный ресурс] – <http://stupkrf.ru/163>
3. [Электронный ресурс] – <http://upkodeksrf.ru/ch-2/rzd-8/gl-22/st-170-upk-rf>
4. [Электронный ресурс] – https://studwood.ru/503489/pravo/obyazannosti_spetsialista
5. [Электронный ресурс] – <http://www.bnti.ru/index.asp?tbl=01.07.01>.
6. [Электронный ресурс] – https://studwood.ru/1150431/pravo/tehnicheskie_sredstva_ispolzuemye_osmotre_mesta_proisshestiya
7. [Электронный ресурс] – <http://www.livelawyer.ru/ugolovnyj-protsess/dokazatelstva/item/908-primenienie-tekhnicheskikh-sredstv-fiksatsii-osmotra-mesta-proisshestiya-proizvodimogo-bez-uchastiya-ponyatykh>
8. [Электронный ресурс] – <http://upkodeksrf.ru/ch-2/rzd-8/gl-22/st-166-upk-rf>

Reference list

1. [Electronic resource] – https://dic.academic.ru/dic.nsf/eng_rus/149683
2. [Electronic resource] – <http://stupkrf.ru/163>
3. [Electronic resource] – <http://upkodeksrf.ru/ch-2/rzd-8/gl-22/st-170-upk-rf>
4. [Electronic resource] – https://studwood.ru/503489/pravo/obyazannosti_spetsialista
5. [Electronic resource] – <http://www.bnti.ru/index.asp?tbl=01.07.01>.
6. [Electronic resource] – https://studwood.ru/1150431/pravo/tehnicheskie_sredstva_ispolzuemye_osmotre_mesta_proisshestiya
7. [Electronic resource] – <http://www.livelawyer.ru/ugolovnyj-protsess/dokazatelstva/item/908-primenienie-tekhnicheskikh-sredstv-fiksatsii-osmotra-mesta-proisshestiya-proizvodimogo-bez-uchastiya-ponyatykh>
8. [Electronic resource] – <http://upkodeksrf.ru/ch-2/rzd-8/gl-22/st-166-upk-rf>

УДК 343.352

Гончарова М.В.,

доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России

Шиян В.И.,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика»
Юридического института Российского университета транспорта

СОСТОЯНИЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ

Противодействие организованной преступности является одной из мировых проблем, требующей консолидации усилий всех государств, поскольку преступная деятельность организованных групп и преступных сообществ оказывает негативное влияние на все сферы жизнедеятельности общества. Криминологические исследования различных видов преступности позволяют выявить их специфику и выработать эффективные предупредительные меры. На основании официальной статистической отчетности в статье представлены результаты проведенного исследования современного состояния организованной преступности. Отмечается, что на фоне общего снижения зарегистрированных преступлений, зафиксирован рост преступных деяний, совершенных организованными группами и преступными сообществами. Наблюдается смещение их преступной деятельности в экономическую сферу. С организованной преступностью тесно связаны незаконный оборот наркотиков и оружия, терроризм и экстремизм, киберпреступность. Существенное внимание уделено криминологической характеристике организованных групп и преступных сообществ, сформированных по этническому принципу (этнической преступности). В условиях полиэтничной России особую тревогу вызывает их деятельность, которая отличается ярко выраженной спецификой (определенным «преступным почерком», криминальной специализацией, уникальной внутренней структурой и т.п.), обусловленной обычаями, традициями и этнопсихологическими особенностями участников. С одной стороны подобные обстоятельства усложняют раскрытие и расследование преступлений, совершенных такими группами, с другой – делают их более предсказуемыми. Представлены результаты исследования организованной преступности на региональном уровне. Итоги проведенного исследования позволят своевременно выявлять новые криминальные угрозы, определять приоритетные направления профилактической деятельности, разрабатывать и эффективно применять соответствующие меры, направленные на противодействие не только организованной преступности, но преступных деяний в целом.

Ключевые слова: криминологическая характеристика, организованная преступность, этническая преступность, состояние преступности, тенденции организованной преступности

Goncharova M.,

Doctor of Law, Associate Professor, Chief Researcher
of All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Shiyan V.,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Chair "Criminal Law, Criminal Process and Criminalistics"
of the Law Institute of the Russian University of Transport

THE STATE OF ORGANIZED CRIMINALITY IN RUSSIA

Countering organized criminality is one of the global issues that require the consolidation of the efforts of all states, since the criminal activity of organized gangs and criminal communities have a negative impact on all spheres of living abilities of the society. Criminological studies of various types of criminality allow to determine their specificity and to develop effective preventive measures. In the article there are presented the results of the conducted study of the current state of organized criminality on the basis of official statistical reporting. It is noted that against the background of the general decrease in reported crimes, there is an increase in criminal acts, committed by organized gangs and criminal activity in the economic sphere. Organized criminality is closely linked to illegal drug trade and arms traffic, terrorism and extremism and cybercrime. Significant attention is devoted to the criminological characteristics of organized gangs and criminal communities, formed on ethnic lines (ethnic criminality). In the multi-ethnic Russia their activity is a disturbing particular concern, which has a very high-profile specific-

ity (a certain "criminal hand writing", criminal specialization, unique internal structure, etc.), caused by customs, traditions and ethnic-psychological characteristics of the members. On the one hand, such circumstances complicate the detection and investigation of crimes, committed by such gangs, on the other hand – make them more predictable. The results of the study of organized criminality at the regional level are presented in the article. The conclusions of the conducted study allow identifying new threats, to assess priority areas for preventive activity, to develop and effectively appropriate measures to counter not only organized criminality but also criminal acts in general.

Keywords: criminological characteristics, organized criminality, ethnic criminality, state of criminality, trends in organized criminality

Одной из основных угроз безопасности и стабильности, препятствующей социально-экономическому, политическому и культурному развитию государства, продолжает оставаться организованная преступность, которая в настоящее время носит ярко выраженный транснациональный характер. С ее проявлениями в той или иной форме сталкивались и сталкиваются все государства мира. Истории известны гонконгские «триады», японская «якудза», итальянские преступные сообщества (неаполитанская «каморра», калабрийская «ндрангета»), американская «Ла Коца Ностра».

По нашему мнению, современная организованная преступность представляет собой транснациональное, самовоспроизводящееся, негативное социально-правовое явление, выражающееся в функционировании технически и финансово оснащенных, устойчивых, сплоченных, управляемых конгломераций преступников, имеющих сложную иерархическую структуру; совершающих общеуголовные, а также в

высокодоходных криминальных сферах преступления в виде промысла; защищенных от социального контроля коррумпированными связями в органах государственной власти и иными формами обеспечения безопасности, включающими насилие, устрашение, подкуп, масштабная деятельность которых нацелена на извлечение максимальной прибыли в определенной контролируемой сфере (сферах) [2, с. 161-171].

Результаты анализа официальной статистической отчетности ФКУ «ГИАЦ МВД России» состояния организованной преступности в 2017 г. свидетельствуют о незначительном увеличении (+5,5%) по сравнению с 2016 г. общего числа зарегистрированных преступлений, совершенных организованными группами и преступными сообществами (преступными организациями) (далее – ОГ и ПС) (рис.1).

Наблюдается рост преступлений, которые тесно связаны с организованной преступностью: мошенничеств (+6,6%; 222 272), вымогательств (+13,1%; 5 159) преступлений экстремистской направленности

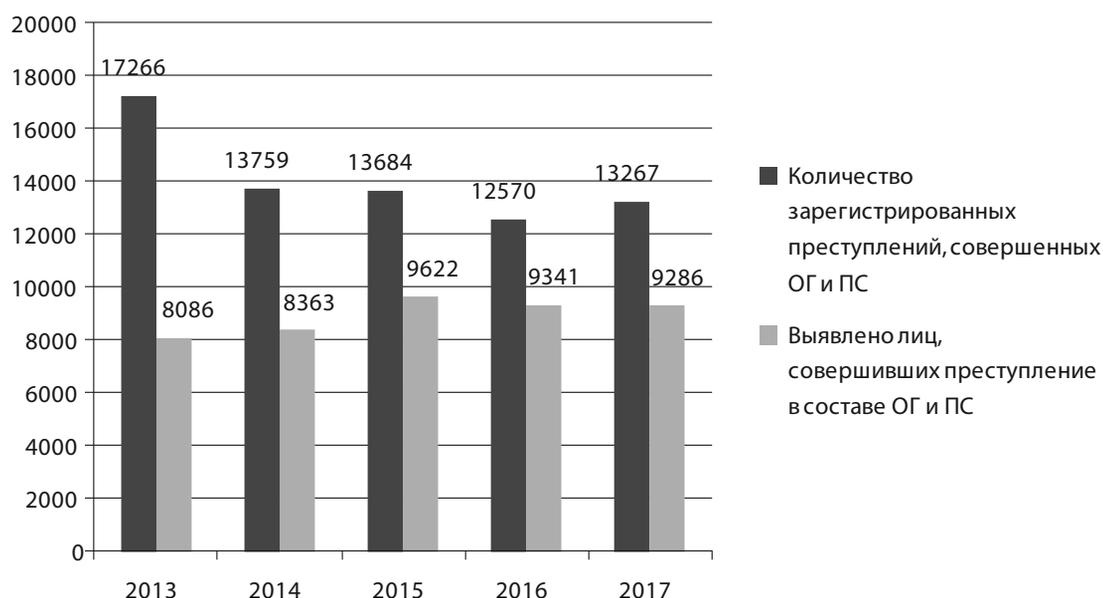

Рис. 1. Динамика количества зарегистрированных преступлений, совершенных ОГ и ПС и лиц, совершивших преступления в составе ОГ и ПС в 2013-2017гг.

(+4,9%; 1 521), в сфере незаконного оборота наркотиков (+3,7%; 208 681) и оружия (+3,3%; 28 916). Следовательно, проблема, связанная с их предупреждением, выявлением и раскрытием, продолжает оставаться актуальной.

Большая часть зарегистрированных преступных деяний, совершенных ОГ и ПС, относится к категории тяжких и особо тяжких (97%).

В 2017 г. в структуре организованной преступности продолжают доминировать преступления экономической направленности (32,5%) и преступные деяния, связанные с незаконным оборотом наркотиков (29,4%), т.е. наиболее доходные (табл. 1). И.М. Мацкевич в своем исследовании организованной экономической преступности приводит данные экспертных оценок, согласно которым ежегодный доход от деятельности представителей организованной преступности составляет 100 млрд. руб. [6, с. 4].

Заметим, что до 1995 г. в структуре организованной преступности преобладали общеуголовные преступные деяния, прежде всего, кражи, грабежи, разбои и вымогательства. Процесс приватизации объектов экономики способствовал осваиванию сырьевых (нефть, газ, биоресурсы, драгоценные камни, цветные металлы) и вексельных рынков.

Значительная общественная опасность преступлений, совершаемых ОГ и ПС, обусловлена устойчивой антиобщественной направленностью их деятельности, постоянной нацеленностью их членов на совершение новых, не являющихся «классическими», преступлений (например, утилизация токсичных отходов).

Наиболее существенными индикаторами преступной деятельности ОГ и ПС выступают жестокость, дерзость и цинизм, криминализация банковской и налоговой сфер, коррупция, интернет-мошенничества; хищения государственных средств, направляемых на реализацию социальных программ, жилищное и дорожное строительство; «отмывание» нелегальных доходов в оффшорных зонах и через подставные фирмы [7, с. 66]. ОГ и ПС стремятся установить контроль над градо- и бюджетообразующими объектами экономики [1, с. 17-22]. Наибольший интерес вызывают такие сферы, как топливно-энергетический и лесопромышленный комплекс, внешнеэкономическая деятельность и потребительский рынок, оборот водных биологических ресурсов, драгоценных металлов и камней. В сферах землепользования и арендных отношениях широкое распространение получили незаконные захваты собственности (рейдерство) [10, с. 134-135].

Таблица 1.

Структура организованной преступности по итогам 2017 года

Преступления	Всего	Доля в структуре организованной преступности (%)
Экономической направленности	4315	32,5
Связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ	3906	29,4
Кража	1107	8,3
Террористического характера	473	3,6
Организация незаконного вооруженного формирования или участия в нем	382	2,9
Вымогательство	252	1,9
Разбой	250	1,9
Связанные с незаконным оборотом оружия	224	1,7
Организация ПС (ПО) или участие в нем (ней)	150	1,1
Вовлечение в занятие проституцией	145	1,1
Бандитизм	108	0,8
Грабеж	67	0,5
Организация незаконной миграции	62	0,5
Экстремистской направленности	44	0,3
В сфере компьютерной информации	37	0,3
Убийство	37	0,3
Террористический акт	22	0,2
Похищение человека	15	0,1
Незаконное лишение свободы	8	0,06
Иные	1663	12,5

Зачастую организованные группы представляют собой специфические объединения, формирующиеся по этническому принципу (далее – этнические преступные группы; этническая преступность).

В отличие от других преступных формирований, этнические имеют более сплоченный характер, поскольку корыстные мотивы подкрепляются традиционными ценностями национальной диаспоры. Это обстоятельство обеспечивает жизнеспособность такой криминальной группы, повышает сопротивляемость внешнему воздействию со стороны конкурирующих преступных организаций. Они мобильны при подготовке и совершении преступлений, хорошо приспособляются к новым условиям. Одновременно в целях расширения своих возможностей и максимального облегчения противоправной деятельности они идут на временный союз с другими этническими преступными формированиями, что является одной из негативных тенденций в сфере обеспечения защиты конституционных прав и свобод граждан.

Этнические преступные группы имеют определенную специализацию. Например, азербайджанские, грузинские, таджикские, цыганские и африканские группировки контролируют большую часть героинового рынка; армянские – незаконный оборот алкогольной продукции, драгоценных металлов и камней; ингушские – незаконный оборот золота; чеченские – топливно-энергетический и автомобильный бизнес, финансово-кредитные учреждения и предприятия, добывающие и торгующие редкоземельными металлами [3, с. 324-329; 4, с. 10]. Преступные группы из КНР занимаются поставками в Россию фальсифицированных, нелегальных пестицидов и ядохимикатов [8, с. 105], однако основным направлением их деятельности является криминальный оборот лесоматериалов.

В 2017 г. каждое девятое преступление в структуре организованной преступности совершено ОГ или ПС (ПО), сформированными по этническому принципу. В их числе доминируют: мошенничества (ч. 4 ст. 159, ч.4 ст. 159.1), незаконный оборот наркотиков, кражи (п. «а» ч. 4 ст. 158 УК РФ), разбои (п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ), вымогательства (п. «а» ч. 3 ст. 163 УК РФ), бандитизм (ст. 209 УК РФ) и грабежи (п. «а» ч. 3 ст. 161 УК РФ) (рис. 2).

По данным исследователей только от интернет-мошенничеств в России среднегодовая сумма ущерба составляет 50-60 миллиардов рублей (в мире –200 миллиардов рублей) [9, с. 65].

Наибольшее количество преступлений, совершенных этническими преступными группами традиционно, регистрируется в Центральном федеральном округе. В 2017 г. зафиксировано 736 преступных деяний, доля которых в числе всех преступлений, совершенных в составе ОГ и ПС, составила 16,5%, что выше общероссийского показателя (11,3%). Аналогичная ситуация сложилась в Южном (15,1%) и Приволжском (12,8%) федеральных округах.

Территориальное распределение этнической преступности, как правило, зависит от численности и многообразия этнических групп, проживающих в регионе; масштабов миграции как внешней, так и внутренней(независимо от причин и целей миграции – вынужденной, коммерческой или чисто криминальной – она всегда ведет к определенному ухудшению криминогенной обстановки и требует учета в деятельности правоохранительных органов). Кроме того, наибольшая активность этнических преступных групп отмечается в крупных и особо крупных городах с развитой инфраструктурой, а также индустриально развивающихся регионах.

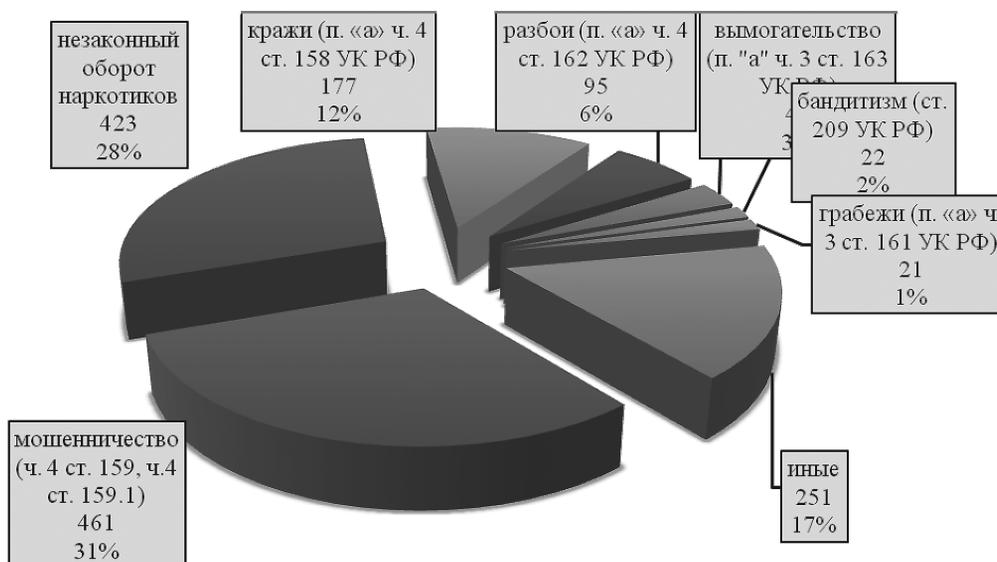

Рис. 2. Структура этнической преступности по итогам 2017 года

В 2017 г. сохранялись негативные тенденции, присущие организованной преступности. В их числе:

- транснационализация;
- высокая латентность преступной деятельности;
- широкое использование последних достижений науки, техники, высоких технологий, позволяющих повышать уровень интеграции преступных сообществ, усложнять и маскировать совершаемые преступления, а также вести в сетевой социальной среде криминальную пропаганду, осуществлять «разведку» информационного пространства для достижения широкомасштабных криминальных целей и расширять сферы влияния;
- отход от насильственных способов достижения преступных целей в пользу иных методов воздействия («война компроматов», информационная война, недобросовестная конкуренция);
- связь с экстремистскими и террористическими организациями;
- связь с коррумпированными должностными лицами различного уровня;
- формирование этнократических элит, т.е. проникновение в высшие эшелоны власти родоплеменных обществ с целью подчинения политических институтов интересам в первую очередь своего племени, рода или клана, что само по себе ставит остальных граждан, к данной родоплеменной общности не относящихся, в неравноправное положение;
- смещение деятельности ОГ и ПС в экономическую сферу. В 2017 г. впервые в структуре организованной преступности преступления экономической направленности преобладают над преступлениями в сфере незаконного оборота наркотиков.

Рост преступлений, совершенных ОГ и ПС, абсолютное доминирование в их структуре тяжких и особо тяжких преступных деяний, преступлений эко-

номической направленности обусловлены с одной стороны особенностью преступной специализации и активизацией мер по противодействию организованной преступности, включая специальный комплекс мер в отношении ОГ и ПС, сформированных по этническому принципу. С другой – нерешенностью проблем эффективного применения форм и методов оперативно-розыскной деятельности. Остаются недостаточными реализуемые меры, направленные на подрыв экономических основ организованной преступности. Недостаточно уделяется внимание организации взаимодействия оперативных подразделений и органов предварительного следствия в системе МВД России при расследовании тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных ОГ и ПС.

Укрепление связей с правоохранительными органами иностранных государств, повышение эффективности работы по выявлению и пресечению деятельности ОГ и ПС, в особенности связанных с преступлениями экономической направленности, в сфере незаконного оборота наркотиков, совершения иных тяжких и особо тяжких преступных деяний, а также совершенствование организации экспертно-криминалистической деятельности, активизация использования экспертно-криминалистических учетов может привести к увеличению числа зарегистрированных преступлений, совершенных ОГ и ПС. Наряду с этим, активизация участия в противодействии формированию замкнутых анклавов мигрантов по этническому признаку, совершенствование работы по привлечению представителей традиционных конфессий, этнических землячеств и диаспор к гармонизации межэтнических и межконфессиональных отношений [5, с. 155-163], обусловит снижение преступлений, совершенных этническими преступными группами.

Список литературы

1. Аминов Д.И., Шумов Р.Н., Борисов А.В., Борбат А.В. К вопросу о квалификации мошенничества в сфере жилищно-коммунального хозяйства // Российский следователь. 2017. № 8. С. 17-22.
2. Афанасьева О.Р., Гончарова М.В., Шиян В.И. Криминология. М.: Юрайт, 2017. 360 с.
3. Баских Е.И. Особенности преступлений, совершаемых организованными преступными группами, созданными на этнической основе // Вестник ИрГТУ. 2015. № 5 (100). С. 324-329.
4. Бастрыкин А.И. Противодействие этнической преступности в Российской Федерации // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2017. № 1 (15). С. 9-12.
5. Личность преступника и профилактика преступлений / под ред. Ю.М. Антонына, 2017. 224 с.
6. Мацкевич И.М. Организованная экономическая преступность // Мониторинг правоприменения. 2016. № 1 (18). С. 4-10.
7. Пилюгина Т.В., Натура Д.А. Использование метода математического моделирования при прогнозировании региональной преступности в вопросах ее предупреждения // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 1. С. 61-70.
8. Репецкая А.Л. Угрозы экологии со стороны организованной преступности: современное состояние проблемы // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях / Сборник материалов XXII международной научно-практической конференции. Иркутск: Восточносибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. С. 105-109.
9. Сарыглар А.П. Организованная преступность в сети Интернет // novaum.ru. 2016. № 4. С. 64-66.

10. *Шегабудинов Р.Ш.* Организованная экономическая преступность, сопряженная с коррупцией, источник криминально-коррупционной угрозы // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 4. С. 134-135.

Reference list

1. *Aminov D., Shumov R., Borisov A., Borbat A.* Revisiting qualification of fraud in the sphere of housing and communal services // Russian investigator. 2017. №8. P. 17-22.
2. *Afanas'eva O., Goncharova M., Shiyan V.* Criminology. M.: Yurait, 2017. 360 p.
3. *Baskikh E.* Features of crimes committed by organized criminal gangs formed on an ethnic basis // Bulletin of National Research Irkutsk State Technical University. 2015. №5 (100). P 324-329.
4. *Bastrykin A.* Counteraction of ethnic crime in the Russian Federation // Investigation of crimes: Issues and ways of their solution. 2017. №1 (15). P. 9-12.
5. The identity of the offender and prevention of crime / Under the editorship of Yu. Antonyan, 2017. 224 p.
6. *Matskevich I.* Organized economic crime // Law enforcement monitoring. 2016. №1 (18). P. 4-10.
7. *Pilyugina T., Natura D.* Use of the method of mathematical modeling in forecasting regional crime in matters of its prevention // Russian criminological journal. 2017. Vol. 11. №1. P. 61-70.
8. *Repetskaya A.* Environmental threats from organized crime: The current state of the issue // Activity of law enforcement agencies in modern conditions / Proceedings of the XXII international scientific-practical conference. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2017. P. 105-109.
9. *Saryglar A.* Organized criminality on the Internet // novaum.ru 2016. №4. P. 64-66.
10. *Shegabudinov R.* Organized economic criminality, coupled with corruption, the source of the criminal-corruption threat // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. №4. P. 134-135.

УДК 341

Матиенко Т.Л.,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ФУНКЦИИ СЫСКНОЙ ПОЛИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1908-1917 ГГ.): СООТНОШЕНИЕ ДОЗНАНИЯ И РОЗЫСКА

В статье на основе обширного круга архивных и литературных источников рассматривается вопрос о соотношении функций дознания и розыска в деятельности сыскной полиции Российской империи. Автором подчеркивается, что определение сыскных отделений Законом «Об организации сыскной части» 1908 г. как подразделений общей полиции, несмотря на возложение на них функций розыска по уголовным делам, повлекло их формирование и развитие как органов дознания. Попытки Министерства внутренних дел, отраженные в изданной им в 1910 г. «Инструкции чинам сыскных отделений», ограничить компетенцию сыскной полиции негласным розыском, вошли в противоречие с положениями Устава уголовного судопроизводства 1864 г. В части регулирования производства дознания и следствия Устав определял розыск как вспомогательное средство уголовного процесса. В практике сыскных отделений после издания «Инструкции» негласный розыск стал трансформироваться в полноценную функцию, направленную на решение комплексной задачи предупреждения, пресечения и расследования общеуголовных преступлений. В итоге сыскная полиция Российской империи совмещала ставшие фактически самостоятельными функции дознания и розыска. Однако формально юридическое сохранение их соотношения в законе, как главной (дознание) и придаточной (розыск), привело к формированию на практике «полицейского дознания» как основной формы преследования общеуголовных преступлений.

Ключевые слова: дознание, розыск, полицейское дознание, функции полиции, сыскная полиция, сыскные отделения, Министерство внутренних дел, Российская империя

Matienko T.,

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Chair of History of State and Law
of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Kikotya

THE FUNCTIONS OF THE CRIMINAL INVESTIGATION DEPARTMENT OF THE RUSSIAN EMPIRE (1908-1917): INTERRELATION OF PRELIMINARY INVESTIGATION AND DETECTION

In the article there has considered the issue about the interrelation between the functions of preliminary investigation and detection in the activity of the criminal investigation department of the Russian Empire through an extensive range of archived and literary sources. The article author emphasizes that the definition of criminal investigation departments by the Law "On the organization of investigation part" of 1908 as units of the general police, despite the assignment of the functions of detection in criminal cases, and it led to their formation and development as agencies in charge of preliminary investigation. Attempts of the Ministry of Internal Affairs, discussed in the issued "Instructions to the ranks of investigation departments" in 1910 with the purpose to limit the competence of the criminal investigation department by secret detection, entered in the contradiction with the provisions of the Statute of Criminal Proceedings of 1864. With regard to the regulation of preliminary investigation and examination the Charter defined the detection as an auxiliary means of the criminal process. In the practice of investigation departments after the publication of the "Instructions" the secret detection began to transform into a full-fledged function aimed at solving the complex task of prevention, suppression and investigation of offences under ordinary law. As a result the criminal investigation department of the Russian Empire combined becomes virtually independent functions of preliminary investigation and detection. However, the legal perpetuation of their interrelation in the law, as the main (preliminary investigation) and additional (detection), led to the formation as the key form of prosecution of offences under ordinary law in the practice of "police preliminary investigation".

Keywords: preliminary investigation, detection, police preliminary investigation, functions of police, criminal investigation department, investigation departments, Ministry of Internal Affairs, Russian Empire

В современных условиях к деятельности государственных органов, призванных решать задачи защиты прав человека, интересов общества и государства от преступных посягательств, предъявляются высокие требования ее соответствия критериям демократического правового государства. В этой связи острой дискуссионной проблемой стало соотношение оперативно-разыскной и уголовно-процессуальной деятельности, особенно на стадии досудебного производства. Впервые эта проблема была поставлена еще в советской юридической науке [1], однако актуальность она приобрела с принятием в 1995 г. ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» [2]. Раскрыть истоки и сущность этой проблемы поможет обращение к ее истории, конкретизированное в вопросе о соотношении дознания и розыска в деятельности сыскной полиции – специального подразделения общей полиции по борьбе с преступностью в Российской империи.

Сыскная полиция Российской империи, сделав первые шаги становления в форме специальных сыскных подразделений шестнадцати крупных городов¹, с принятием 6 июля 1908 г. Закона «Об организации сыскной части» и образованием тремя месяцами ранее в составе Департамента полиции 8-го делопроизводства получила правовое и организационное оформление. Еще на стадии законопроекта его разработчики, рассматривая сыскные отделения, как структурные подразделения общей полиции, в части определения их полномочий предложили установить, что «в пределах исполнения своих обязанностей по исследованию преступлений чины сыскных отделений пользуются всеми правами, предоставленными полиции на основании действующих судебных уставов и других, относящихся к этому предмету, законоположений» [3]. Одновременно прозвучала мысль, что тем самым будут предотвращены возможные коллизии в деятельности сыскных отделений и общей полиции по расследованию преступлений. В итоге Законом 1908 г. (ст. 4) на сыскные отделения были возложены «все права и обязанности, согласно судебным Уставам и другим, действующим по сему предмету узаконениям, присвоенным ныне полиции по исследованию преступных деяний». Поэтому в соответствии с Общим учреждением губернским, Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС 1864 г.), Уставом о предупреждении и пресечении преступлений 1876 г., Общим уставом

счетным и рядом инструкций и циркуляров Министерства внутренних дел в круг функций сыскной полиции вошли проведение дознания, розыск лиц, совершивших преступления или подозреваемых в их совершении, лиц, уклоняющихся от исполнения судебных решений, а также имущества, на которое было наложено взыскание по начетам и пропавших вещей.

К 1910 г. Министерством внутренних дел была разработана «Инструкция чинам сыскных отделений». Инструкция была адресована исключительно чинам сыскных отделений, и 8-ое делопроизводство рассылало ее только по запросам их начальников [4]. Она решала сразу три задачи: конкретизировала положения Закона 1908 г. и разъяснила чинам сыскных отделений положения УУС 1864 г. и других законодательных актов по производству дознания и розыска, централизовала и унифицировала правовое регулирование деятельности сыскных отделений и составила правовую основу собственно общеуголовной розыскной деятельности. В Инструкции чётче, чем в Законе 1908 г. определялись задачи сыскных отделений – «предупреждение, устранение, разоблачение и преследование преступных деяний общеуголовного характера», а основными направлениями их деятельности – «негласное расследование и производство дознаний» (п. 1) [5].

Дознание в законодательстве определялось как действия полиции по установлению факта преступления: «действительно ли происшествие случилось и точно ли в нем заключаются признаки преступления или проступка» (ст. 253 УУС). Особо подчеркивалось, что при этом полиция собирает «все нужные ей сведения», «не производя ни обысков, ни выемок в домах» (ст. 254) [6].

Дознание сыскная полиция проводила по всем уголовным делам, кроме простых краж на сумму менее 100 рублей², и начинала его производство с момента поступления в ее отделение заявления от потерпевшего или по сообщению общей полиции, а также по поручениям судебных следователей и прокуроров окружных судов и судебных палат. Получив сведения о совершенном или обнаруженном преступлении самостоятельно, сыскная полиция должна была в течение суток известить об этом судебного следователя, прокурора или его заместителя (ст. 250 УУС).

Прибыв на место преступления, чины сыскных отделений приступали к производству первоначальных следственных действий – осмотру места и его подробному описанию, выявлению очевидцев и опросу свидетелей. Расспросами окружающих лиц

² Дела этой категории рассматривались волостными судами и иными местными судебными-административными органами.

¹ К 1908 г. сыскные полиции и отделения функционировали в С.-Петербурге, Киеве, Москве, Риге, Одессе, Ревеле, Витебске, Двинске, Варшаве, Баку, Ростове-на-Дону, Тифлисе, Севастополе, Лодзе, Царицыне и Саратове.

следовало установить время и способ совершения преступления. Показания опрошенных очевидцев и свидетелей фиксировались. По возможности составлялось подробное описание способа совершения преступления, собирались сведения о подозреваемых лицах (их звание, место рождения, характеристика, приметы, связи, наличие родственников и знакомых, место пребывания последних и др.). Одновременно выяснялось наличие связей подозреваемых лиц и их знакомых по данным регистрационного бюро. Если же подозреваемые не выявлялись, то по уликам и следам преступления пытались определить степень профессионализма преступников. Составлялась также подробная характеристика потерпевших (их род занятий, уровень жизненного обеспечения, состояние здоровья, их связи и общественное положение, образ жизни, устанавливалось, не известны ли они полиции по каким-либо другим делам). Особо обращалось внимание на возможную причастность к преступлению городского, дворника, сторожа, швейцара. Кроме того, чины сыскной полиции должны были выяснить, не было ли из числа окружающих лиц подстрекателя к преступлению или сообщников преступника [7]. В зависимости от результатов дознания его материалы направлялись судебному следователю, если были выявлены признаки преступления, мировому судье, если были выявлены признаки проступка, или прокурору судебной палаты или окружного суда, если признаки правонарушения отсутствовали (ст. 253 УУС). Результаты дознания, начатого сыскной полицией по сообщениям общей полиции, направлялись по подсудности через того же чиновника общей полиции, от которого поступило сообщение.

В особых, предусмотренных законом, случаях чины сыскных отделений приобретали полномочия судебных следователей и могли официально производить следственные действия – осмотр, освидетельствование, выемку, арест, составляя протоколы. Определяя эти случаи, Инструкция 1910 г., отсылала к УУС 1864 г. (ст. 256–258). Такими случаями были задержание преступника в момент совершения преступления с поличным и возможность утраты вещественных доказательств до прибытия на место преступления представителей судебно-прокурорского ведомства. Протоколы, составленные чинами сыскных отделений, впоследствии приобщались к докладом и передавались по принадлежности судебным следователям или прокурорам. В суде они становились основанием судебного решения.

Инструкция 1910 г. определяла, что при производстве дознания сыскная полиция осуществляет розыскную деятельность (п. 58), номинируя ее «негласное расследование» или «негласный розыск» (п. 1). В этой части разработчики Инструкции основывались на понимании розыска как средства и формы дозна-

ния, заложенном УУС 1864 г. (ст. 254). Наряду с розыском средствами дознания Уставом были определены словесные расспросы и негласное наблюдение. Инструкция раскрывала и конкретизировала понятие «негласное расследование» («негласный розыск»). Из содержания IV раздела «Инструкции» – «Розыск» следует, что под ним понимается «собрание сведений исключительно негласным наблюдением, расспросами, справками, без допросов в официальном тоне, и с дописыванием необходимых сведений не на виду у посторонних», т.е. подчеркивался негласный характер деятельности [8]. Результаты негласного розыска чины сыскных отделений должны были доводить до сведения общей полиции и судебных властей в форме устных и письменных сообщений для использования их в официальном расследовании.

Розыск сыскные отделения, согласно Закону 1908 г. и Инструкции 1910 г., проводили также по поручениям прокуроров окружных судов и судебных палат и судебных следователей [9]. Например, чины московской сыскной полиции по поручениям прокурора окружного суда проводили проверку заявлений, поступающих на его имя, в тех случаях, когда нельзя было определить характер дел, то есть уголовные они или гражданские [10]. Требование Инструкции обязательного исполнения чинами сыскных отделений поручений прокуроров и «судебной власти при исследовании преступлений» можно рассматривать как определенный итог толкования и разъяснения норм уголовно-процессуального закона чинам общей полиции прокурорами судебных палат. Так, например, в Инструкции прокурора Московской судебной палаты 1909 г. определялось, что после передачи дознания по принадлежности чины общей полиции были обязаны продолжать розыски по указаниям судебных следователей и мировых судей [11]. В этой связи, положения Закона 1908 г. и Инструкции 1910 г. в части определения функций сыскной полиции были логичным продолжением норм УУС 1864 г., рассматривавшим общую полицию как орган дознания, и развивали выраженное в его 254 статье понимание розыска как средства дознания и вспомогательной деятельности, обеспечивающей раскрытие и расследование преступлений. Поэтому сыскные отделения, созданные в составе общей полиции, стали такими же органами дознания, как другие ее подразделения. При этом более четкое размежевание функций сыскных отделений с другими органами общей полиции в расследовании преступлений сложилось на практике. Например, в отчете начальника московской сыскной полиции отмечалось, «дознания чинами сыскной полиции производятся совершенно независимо от производства таковых чинами наружной полиции, которыми, в сущности, исполняется лишь формальная часть» [12].

Кроме того, в круг задач сыскных отделений, как органов общей полиции, Законом 1908 г. были включены предупреждение и пресечение преступлений. Вслед за этим Инструкция 1910 г. выводила негласное расследование за рамки задачи расследования преступлений, указывая, что сыскные отделения проводят его «в видах предупреждения, устранения, разоблачения... деяний общеуголовного характера» и ведут «систематический надзор за преступными и порочными элементами» (п. 2) [5]. На практике в этих целях негласные розыскные мероприятия проводились чинами сыскных отделений по распоряжениям органов власти на местах. Например, в Москве по личным поручениям градоначальника агенты сыскной полиции негласно проверяли сведения о взяточничестве и других «неблаговидных поступках» чинов общей полиции и иных должностных лиц. Также они систематически проводили негласные осмотры торговых заведений, в основном трактиров, с целью выявления и преследования беспатентной торговли спиртными напитками и осуществляли надзор за так называемыми «квартирами и домами свиданий» [10]. В Саратове чины сыскного отделения по распоряжению полицмейстера, основанного на предписании губернатора, проводили негласные проверки в «аптекарских, парфюмерных и т.п. торговых заведениях», частных мелких лавочках и у базарных торговцев, а также на улицах «близ казарм воинских частей» на предмет выявления и пресечения «преступной торговли» «денатурированным спиртом в разнообразных видах и одеколоном» и принимала «все меры к искоренению этого крупного зла, неуклонно привлекая виновных к ответственности...» [13]. Изъятый спирт и «хлебное вино (т.е. водку – Т.М.) краденого происхождения» сдавали на казенные винные склады, виноградные вина, коньяки и другие напитки, пригодные к употреблению передавали «для надобности лазаретов», а «добывавшиеся путем тайного домашнего приготовления крепкие напитки, как например, опьяняющая брага, кислушка и прочее» уничтожались [14]. Эти примеры показывают, что в реализации сыскной полицией сформулированных Инструкцией 1910 г. задач негласного расследования по предупреждению и пресечению преступлений, из него фактически вычленилась собственно негласная розыскная деятельность, не связанная исключительно с расследованием преступлений. Это обстоятельство позволяет заключить, что негласный розыск в деятельности сыскных отделений после 1910 г. трансформируется из вспомогательного средства дознания в полноценную функцию сыскной полиции, направленную на решение комплексной задачи предупреждения, пресечения и расследования общеуголовных преступлений.

В связи с отмеченным наблюдением примечательно, что Инструкцией 1910 г. руководство МВД всячески пыталось ограничить компетенцию сыскной по-

лиции негласным розыском. Даже задерживать подозреваемых или разыскиваемых лиц чинам сыскных отделений Инструкцией предписывалось «только в случаях, в законе точно указанных» в ст. 257УУС 1864 г. А именно, «1) когда подозреваемый застигнут при совершении преступного деяния или тотчас после его совершения; 2) когда потерпевший от преступления или его очевидцы укажут прямо на подозреваемое лицо; 3) когда на подозреваемом или в его жилище найдены будут явные следы преступления; 4) когда вещи, служащие доказательством преступного деяния, принадлежат подозреваемому или оказались при нем...» [15]. При этом особо подчеркивалось, что для задержания подозреваемого сыщикам следовало лично обращаться за содействием к чинам общей полиции или жандармам, и передавать такие поручения через частных лиц или негласных агентов категорически запрещалось (п. 49 Инструкции) [15]. Эти жесткие ограничения принудительной деятельности сыщиков должны были ограничить их злоупотребления и произвол, с одной стороны, а с другой – не раскрывать их без крайней необходимости.

Обращая внимание на закрытый и подзаконный характер правового регулирования розыскной деятельности по общеуголовным преступлениям и стремления МВД ограничить компетенцию сыскной полиции негласным розыском, может показаться, что уже в период 1908-1917 гг. была намечена некоторая перспектива превращения сыскных отделений в оперативно-розыскные органы общей полиции и организационного размежевания функций дознания и розыска. Но это лишь теоретические домыслы.

В действительности руководители сыскных отделений в один голос заявляли, что строгое соблюдение предписаний Инструкции 1910 г. существенно осложняет работу как сыскных отделений, так и общей полиции по уголовным делам, задает лишнюю канцелярскую волокиту и нисколько не способствует результативности дознания и розыска. Поэтому на практике вопреки предписаниям Инструкции МВД, чины сыскных отделений «облекали в форму протоколов все свои действия по расследованию преступлений, за исключением тех действий, которые раскрывают агентурные источники или разоблачают то, что в интересах сыскного дела не подлежит оглашению» [16]. В этой связи практики сыска предлагали при разработке новой инструкции для чинов сыскных отделений, возложить на сыскных агентов проведение формальных дознаний по тем уголовным делам, по которым они производят негласное расследование [16].

Новой инструкции для чинов сыскных отделений МВД так и не разработало. Но из приведенных соображений о ее содержании видно, что понимание розыска деятелями сыска преимущественно как средства дознания не выходило за рамки буквы закона, и в их правосознании не созрело его восприятие

как самостоятельного вида правоохранительной деятельности, направленного на противодействие преступности. Руководители сыскной полиции рассматривали свои подразделения как органы общей полиции и, следовательно, дознания. На этот факт указывает то, что, несмотря на запреты Инструкции 1910 г., они регулярно давали своим подчиненным распоряжения о задержании и аресте всех известных им лично воров и рецидивистов, выявленных в ходе массовых облав, обходов и наружного наблюдения, тем самым расширяя границы уголовно-процессуальных мер противодействия преступности за счет превентивных функций полиции. Необходимость таких мер видный деятель сыска того времени А.Ф. Кошко объяснял так: «это делалось на тот предмет, что редкий из них (рецидивистов – Т.М.) не разыскивался властью. Редкий из них будет ходить по городу ради удовольствия, а непременно с какой-либо преступной целью – либо торопится на кражу, либо высматривает, где какую совершить, либо же возвращается с совершенного им преступления, причем нужно указать, что при

задержании таких лиц у них, за крайне редкими исключениями, всегда находили какое-либо воровское орудие, а иногда даже огнестрельное оружие» [17].

Таким образом, сыскная полиция Российской империи в период 1908-1917 гг. совмещала функции дознания и розыска, уже представлявшие на тот момент фактически самостоятельные направления деятельности. Несмотря на вычленение розыска в качестве полноценной функции путем расширения его задач в правом регулировании и практике деятельности сыскных отделений после 1910 г., соотношение баланса функций дознания и розыска в преследовании общеуголовных преступлений, заданное УУС 1864 г. и поддержанное Законом 1908 г., сохранилось. В деятельности сыскной полиции розыск так и остался вспомогательным средством дознания, и на этой основе ему в решении задач предупреждения и пресечения преступлений так же была отведена служебная роль. В итоге в рассматриваемый период сложилась форма полицейского преследования общеуголовных преступлений – «полицейское дознание».

Список литературы

1. Белкин П.С. Собрание, исследование и оценка доказательств. М., 1966.
2. Шумилов А.Ю. Оперативно-розыскное право: иллюзия и реальность // Правоведение. 1994. № 4. С. 44-51.
3. Проект об организации сыскной части в Империи // Вестник полиции. 1908. № 8. С. 7-8.
4. Государственный Архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 215–224, 1914 г. Д. 36. Л. 7, 20, 32.
5. Инструкция чинам сыскных отделений. С. 1.
6. Российское законодательство. Т. 8. М., 1991. С. 145.
7. Инструкция чинам сыскных отделений. С. 79–81.
8. Инструкция чинам сыскных отделений. СПб., 1910 г. С. 15.
9. Инструкция чинам сыскных отделений. С. 3.
10. Государственный Архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 215–224, 1910 г. Д. 162. Л. 5.
11. Инструкция чинам полиции по обнаружению и исследованию преступлений прокурора Московской судебной палаты // Законы о полиции. М., 1910. С. 442–446.
12. Государственный Архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 125–224, 1910 г. Д. 162. Л. 4.
13. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 83. Оп. 1. Д. 16. Л. 3.
14. Государственный Архив Саратовской области. Ф. 83. Оп. 1. Д. 16. Л. 22.
15. Инструкция чинам сыскных отделений. С.12.
16. Инструкция чинам сыскных отделений // Вестник полиции. 1914. № 49. С. 885.
17. Государственный Архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 215–224. 1910 г. Д. 162. Л. 22.

Reference list

1. Belkin R. Gathering, research and evaluation of evidence. M., 1966.
2. Shumilov A. Operational-investigation law: Illusion and reality // Jurisprudence. 1994. №4. P. 44-51.
3. Project on the organization of the investigation part of the Empire // Journal of Police. 1908. №8. P. 7-8.
4. State Archive of the Russian Federation. F. 102. Op. 215-224, 1914 C. 36. S. 7, 20, 32.
5. Instructions to the ranks of investigation departments. P. 1.
6. Russian legislation. Vol. 8. M., 1991. P. 145.
7. Instructions to the ranks of investigation departments. P. 79-81.
8. Instructions to the ranks of investigation departments. SBR., 1910, P. 15.
9. Instructions to the ranks of investigation departments. P. 3.
10. State Archive of the Russian Federation. F. 102. Op. 215-224, 1910 C. 162. S. 5.
11. Instruction to police officers on discovery and examination of offences of the Prosecutor of the Moscow Trial Chamber // Police Laws. M., 1910. P. 442-446.
12. State Archive of the Russian Federation. F. 102. Op. 125-224, 1910 C. 162. S. 4.
13. State Archive of Saratov region (SASR). F. 83. Op. 1. C. 16. S. 3.

14. State Archive of Saratov region. F. 83. Op. 1. C. 16. S. 22.
15. Instructions to the ranks of investigation departments. P. 12.
16. Instruction for ranks of investigation departments // Journal of Police. 1914. №49. P. 885.
17. State Archives of the Russian Federation. F. 102. Op. 215-224. 1910 C. 162. S. 22.

УДК 343.9

Афанасьева О.Р.,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры «Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика» Юридического института Российского университета транспорта, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России

Афанасьев П.Б.,

преподаватель Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

СТРАХ ПЕРЕД НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ: ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Статья посвящена проблематике страха перед насильственной преступностью как одного из ее нематериальных социальных последствий. Несмотря на то, что заявленная тема неоднократно становилась предметом исследования ряда психологических, социологических, геополитических, политологических и экономических работ, в современной криминологической науке она относительно недавно стала объектом внимания российских криминологов и до настоящего времени не получила необходимой теоретической разработки.

Авторы заключают, что факт существования насильственной преступности таит в себе готовый к реализации потенциал причинения вреда, внося деструктивные изменения в жизнедеятельность и продуцируя страх как свой результат. При этом страх перед ней распространен значительно больше, нежели реальный риск стать ее жертвой. Проведя анализ имеющихся российских и зарубежных научных работ (Chadee, Endler, Kleinman, Gilchrist, Farrall, Williams и др.), а также результатов опросов населения, проведенных ФОМ, ВЦИОМ, РГСУ по заказу МВД России во всех субъектах Российской Федерации в 2009-2015 гг. о социальных опасениях граждан, восприятии существующих криминальных угроз и состоянии их защищенности, авторы предприняли попытку исследования данного негативного нематериального социального последствия насильственной преступности и представили его научное определение, характеристику, выделили компоненты его образующие, проанализировали основные факторы, оказывающие влияние на его формирование. Основываясь на результатах изучения показателей ответов респондентов о состоянии защищенности сделали вывод о динамике уменьшения негативных оценок, при этом указали, что восприятие состояния защищенности предопределяется полом, возрастом, уровнем дохода, профессиональным и социальным статусом, местом жительства респондента, отношением общества к фактам проявления насилия. В этой связи, авторы заключили, что данный показатель является одним из критериев определения состояния защищенности населения, диагностирующим общее социальное самочувствие граждан, и его не следует воспринимать как непосредственный показатель страха перед преступностью.

Ключевые слова: страх перед преступностью, преступность, насильственная преступность, виктимизация, жертва преступления, защищенность, опасения, криминологические угрозы

Afanas'eva O.,

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair "Criminal Law, Criminal Process and Criminalistics" of the Law Institute of the Russian University of Transport,

Chief Researcher of All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Afanas'ev P.,

Educator of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Kikotya

FEAR OF VIOLENT CRIME: CONCEPT AND ESSENTIAL FEATURES

The article is devoted to the issue of fear of violent crime as one of its intangible social consequences. Despite the fact that the stated topic has repeatedly been the subject of research of a number of psychological, sociological, geopolitical, political and economic works, in modern criminological science it has recently become the object of attention of Russian criminologists and, till present time, it has not received the necessary theoretical development.

The article authors concluded that the existence of violent crime carries a potential for harm, ready to be realized, making destructive changes in life and producing fear as a result. At the same time, the fear of it is spread much more than the real risk of becoming a victim.

After analyzing the existing Russian and foreign scientific works (Chadee, Endler, Kleinman, Gilchrist, Farrall, Williams, etc.), as well as results of population surveys, conducted by the Public Opinion Foundation, VTSIOM, Russian State Social University by order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in 2009-2015 in all regions of the Russian Federation about social fears of citizens, perception of the existing criminal threats and a condition of their reception, the article authors made attempt of research of this negative intangible social consequences of violent crime and presented its scientific definition, features, allocated components of its forming, analyzed the major factors influencing its formation. Based on studies and research of indicators of respondents' answers to the state of security, the article authors concluded about the dynamics of the reduction of negative assessments, at the same time, it was pointed out that the perception of the state of security is predetermined by sex, age, income level, professional and social status, place of residence of the Respondents, the attitude of society to the factors of violent manifestation. In this regard, the contributors concluded that this indicator is one of the criteria for determining the state of security of the population, diagnosing the general social well-being of citizens, and it should be perceived as a direct indicator of fear of criminality.

Keywords: fear of criminality, criminality, violent crime, victimization, victim of crime, security, fears, criminological threats

Страх перед насильственной преступностью возможно рассматривать как одну из реакций на преступность и негативное нематериальное социальное последствие.

Как правило, в научных исследованиях, посвященных жертвам насильственных преступлений [18, С. 103-105], представляется анализ физического, имущественного и морального вреда, причиняемого потерпевшему насильственным преступлением, но при этом достаточно редко предметом изучения является результат негативного влияния факта существования преступности на большую часть населения, не являющуюся ни жертвами преступлений, ни их очевидцами. В то же время, актуальность затронутой проблематики можно подтвердить высказыванием Д. Шелли о том, что причина возникновения сильного чувства страха перед преступностью – в осознании человеком простой возможности оказаться жертвой преступления [14, С. 59].

Проблематика страха перед преступностью не является новой ни для криминологии, ни социологии и ни психологии, однако современная криминологическая наука уделяет ей недостаточно внимания. Между тем, в условиях недоверия данным официальной статистики о состоянии преступности, его определение может рассматриваться как один из показателей криминальной ситуации в России, а, следовательно, выступать одним из критериев формирования уголовной политики по борьбе с преступностью. В то же время различные аспекты страха перед преступностью рассматриваются за рубежом, уже начиная с 1967 г., когда впервые были осуществлены три крупномасштабных исследования, проведенных посредством опроса населения относительно чувства тревоги о состоянии преступности (Bidermanetal

1967 [2], Ennis 1967 [3], Reiss 1967 [8]). Также проблематика страха является предметом многочисленных психологических, социологических, геополитических, политологических, экономических и криминологических исследований. Научный интерес к ней обосновывается не только социальным аспектом, связанным с влиянием страха перед преступностью на повседневную жизнь людей, но и политическим, экономическим аспектами, предопределяющими как формирование государственной политики, ориентированной на обеспечение безопасности населения (система безопасный город, усиление контрольных мер за гражданами), принятие уголовно-правовых норм, направленных на ужесточение мер уголовной ответственности и т.д., так и развитием отдельных отраслей экономики, сопряженных с обеспечением личной безопасности граждан.

Думается, что насильственная преступность – это один из самых серьезных среди многочисленных стимулов, порождающих в обществе чувство страха. При этом страх перед ней воспринимается как хроническая и угрожающая социальная проблема, влияющая на повседневную жизнь и поведение людей как ввиду реально возникшей непосредственной опасности для жизни и здоровья людей, так и в ожидании угрозы в связи с наличием фактов, вызывающих состояние опасности. Страх перед преступностью распространен значительно больше, нежели реальный риск стать жертвой насильственного преступления, т.е. удельный вес жертв насильственных преступлений и лиц, непосредственно познавших насильственную преступность, невысок (чисто количественная, но не социальная оценка), однако, что же касается косвенного её познания, то здесь складывается совершенно иная критическая ситуация.

Несмотря на укоренившееся мнение о влиянии преступности на общественное сознание, до сих пор отсутствует четкое понимание данного явления, точно не ясны механизмы влияния факторов, изменяющих общественное сознание и порождающих страх перед преступностью, не разработаны бесспорные методики, позволяющие его определять и измерять.

Думается, что исследование страха перед насильственной преступностью, прежде всего, затруднено из-за его нематериальности и неосвязаемости, поскольку страх перед преступностью – это диффузные психологические конструкции, которые ввиду их многомерности и сложности зависят от ряда аспектов жизни [10, С. 14].

В свою очередь многомерность и сложность чувства страха перед преступностью предопределяет необходимость разработки методики, позволяющей учесть совокупность компонентов, оказывающих влияние на его уровень. Следовательно, его измерение посредством одного единственного показателя представляется неполным и не достоверным. Это подтверждается результатами зарубежных исследований последних четырех десятилетий [1;5;6;11;7;9], проводимых с учетом корреляций между чувством страха и возрастом респондентов, подвергшихся преступному посягательству, их полом, предполагаемым риском виктимизации, местом жительства, проводимой государством профилактической и информационной политики в СМИ и т.д. Результаты исследований свидетельствуют, что все указанные индивидуальные особенности респондентов, информационная политика СМИ, общественные настроения оказывают влияние на формирование определенного уровня страха перед преступностью и осознание человеком степени своей безопасности. Отличительная черта страха виктимизации – его неравномерность у населения [14, С. 59]. Так, согласно данным исследования чувство страха перед насильственной преступностью более характерно для пожилых лиц, женщин и лиц, подвергавшихся преступным посягательствам. Хотя некоторые ученые пришли к выводу, что мужчины также испытывают чувство страха, но они менее склонны к его проявлению и сообщению о нем [4; С. 173-175].

Страх перед преступностью как психологический эффект боязни стать жертвой преступления [16, С. 103], внешнего воздействия на условия их жизни, нарушения их благополучия или другими словами – эмоциональная реакция на преступность и ее социальные последствия, выступает как один из компонентов социального настроения, признаваемого доминирующим фактором, определяющим кардинальные сдвиги в общественной жизни [17, С. 26-34] и состояние защищенности населения от преступности. Страх может проявлять по-разному в зависимости от лица, участвующего в преступлении (потенциальной

жертвы и преступника), и вида преступления, являющегося основанием для их беспокойства. Некоторые люди боятся одни ходить по улицам, другие опасаются физического насилия в семье. Это реальность для тех людей, которые воспринимают данные угрозы. Независимо от источника страха они боятся людей, места, действий и событий, которые нанесли или угрожают нанесением физического или психологического вреда им или их близким. Чувство страха также определяется доверием к другим членам общества, социальной сплоченностью, степенью вероятности виктимизации и ее социальными последствиями, состоянием их защищенности со стороны государства, существующим общественным мнением о состоянии защищенности, мнением друзей, слухов о произошедших преступлениях, информацией о криминальных событиях и их последствиях в средствах массовой информации и т.д.

Следовательно, на социальном уровне страх перед преступностью – это возникающая и передающаяся в процессе взаимодействия между людьми эмоциональная реакция на акт, переживаемый как преступный, форма которой определяется существующими в обществе рамками [15, С. 24].

Страх перед преступностью определяется не только деятельностью мозга и инстинктами, но и социальным, жизненным опытом и культурой. Он влияет на уровень тревожности населения, устанавливаемого посредством оценки риска стать жертвой преступления.

Страх перед преступностью представляет собой негативную эмоцию, включающую следующие компоненты [15, С. 26]:

1. объект, в соответствии с которым возникло чувство страха, т.е. информация о состоянии насильственной преступности как явления, характеризующем совокупностью преступлений, лиц, совершающих преступления и их жертв;

2. когнитивный компонент страха, определяемый посредством оценки риска, о котором будет сказано ниже;

3. физиологический компонент страха, т.е. разнообразные реакции организма на насильственную преступность и символы, связанные с ней. Именно этот компонент как нормальная реакция организма способствует самосохранению. Однако реакции могут быть разнообразными, в том числе влияющими на качество жизни лица, проявляющиеся в депрессиях, нарушении сна, повышении тревожности и т.д.;

4. поведенческий компонент, выражается в предпринимаемой совокупности разнообразных мероприятий, направленных на то, чтобы избежать виктимизации от насильственного преступления (охрана, не посещение мест массового скопления людей и т.д.).

Анализ научной литературы позволяет сделать вывод, что страх перед преступностью не всегда

имеет реальные основания, основными обстоятельствами, влияющими на его формирование, являются: степень реальности подвергнутся риску; принадлежность к отдельным группам населения (женщины, пожилые, малоимущие, представители различных меньшинств), характеризующихся преобладанием у них чувства незащищенности, незащищенности от преступности; возможность противостоять посягательству; реальность виктимизации; ожидание серьезных социальных последствий от насильственной преступности, т.е. оценка последствий виктимизации; сообщения средств массовой информации о преступлениях, особенно если преступные деяния освещаются в драматической форме и внимание людей сосредотачивается на описании отдельных жестоких случаях [13, С. 117-122]; наличие правовых гарантий защиты прав человека и отсутствие эффективной защиты, предпринимаемых мер защиты, и возможная безнаказанность преступника за совершенное деяние. В связи с этим, разделяем нами перечнем считаем, что нельзя признать достаточными и полными для познания механизма формирования чувства страха выделенные М. Варром и М. Стаффордом два фактора: 1. воспринимаемая серьезность преступления и 2. воспринимаемый риск совершения преступления [14, С. 62].

Остановимся на некоторых из указанных факторов, для чего проанализируем данные, полученные в результате социологических исследований общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, выполненных Фондом «Общественное мнение», ВЦИОМ и РГСУ по заказу МВД России. Опросы проводились в каждом субъекте Российской Федерации на основании анкет, разработанных в соответствии с рекомендациями ФГКУ «ВНИИ МВД России». В опросе участвовало в 2012 г. – 33 200 респондентов, по 400 респондентов в каждом субъекте РФ, в 2013 г. – 63 100 респондентов. В регионах с численностью населения менее 400 000 человек (в возрасте старше 18 лет) было опрошено по 500 респондентов, в остальных регионах – по 800 респондентов. В 2014-2015 г. опрашивалось по 48 800 респондентов (по 400 респондентов в регионах с численностью населения менее 400 000 человек, по 600 – в остальных регионах) [19, С. 117].

Как отмечалось, оценка риска признается когнитивным компонентом страха перед преступностью. Несмотря на то, что данные категории не тождественные, однако они взаимосвязанные, поскольку эмоция возникает вслед за оценкой ситуации. Объективные проявления определяют субъективное восприятие риска. С.Н. Яницкий трактует риск как «систематическое взаимодействие общества с угрозами и опасностями, индуцируемыми и производимыми процессом общественной жизни как таковым» [20, С. 238-239].

Результаты изучения общественного мнения свидетельствуют о высоком уровне социальной напряженности в обществе. Однако, если за период с 2009 г. по 2012 г. доля граждан, которые при ответе на вопрос, опаснее или безопаснее становится жизнь в России, отвечали, что опаснее, ежегодно возрастала, то в период с 2013 по 2015 гг. значение анализируемого показателя ежегодно снижалось с 53% в 2013 г. до 41% в 2015 г. и при этом увеличилась доля лиц, считающих, что жить стало безопаснее с 31 % в 2009 г. до 54 % в 2015 г.

Еще раз отметим, что не следует воспринимать индикатор криминологической тревоги как непосредственный показатель страха перед преступностью, поскольку он рассматривается как исключительно субъективное представление респондента о степени опасности жизни в России, на формирование которого оказывает влияние множество иных объективных и субъективных факторов. Следовательно, его можно считать одним из критериев определения состояния защищенности населения, ответом на данный вопрос, диагностирующим общее социальное самочувствие граждан, складывающееся из множества важных и второстепенных вещей, в том числе и риска виктимизации.

Были зафиксированы достаточно высокие показатели, характеризующие внешние источники чувства незащищенности. Так, в 2012 г. 56% опрошенных чувствовали себя незащищенными перед преступным миром и только 36% – чувствовали себя достаточно уверенно. В 2013 г. криминологические страхи и тревоги указывались реже, в 2015 г. показатель уровня криминологической тревоги, отражающий чувство защищенности населения от преступных посягательств на жизнь, здоровье и имущество, составил 57 %. Можно констатировать, что на достаточно высоком уровне находится озабоченность населения криминальной ситуацией.

В подтверждение высказываний о гендерных и возрастных предрасположенностях к страху преступности, его зависимости от силы или слабости социальной позиции респондента, а также зависимости страха от способностей противостоять нападению, приведем следующие данные. Мужчины заметно реже, чем женщины, были склонны отмечать рост социальных угроз (в 2013 г. 45 и 59% соответственно) и чаще указывали, что жизнь в России в последние годы стала безопаснее (в 2013 г. 34 и 24% соответственно). Также женщины чаще, чем мужчины, указывали, что чувствовали себя уязвимыми для преступных посягательств (в 2013 г. 60% и 48% соответственно).

Склонность к пессимистическим оценкам криминальной ситуации и подверженность опасениям преступных посягательств в 2015 г. продемонстрировали возрастные группы 18–24 года и 61-70 лет. В

соответствующих группах респондентов тревожные оценки звучали чаще, чем в среднем по выборке [19, С. 122].

В науке наличествует утверждение, что жители больших городов более подвержены чувству страха перед преступностью. Так, согласно результатам опроса населения в 2013 г. озабоченность процессом криминализации общества высказывали столичные жители, из которых 58% выражали возрастающую опасность жизни (против 53% в среднем по выборке), при этом они оптимистично смотрели на ситуацию с безопасностью 22% (против 29%). Однако после столицы высокая доля пессимистичных ответов зафиксирована в городах с населением менее 50 тысяч человек и посёлках городского типа. В сельских населенных пунктах страхи перед криминальными угрозами несколько слабее. Таким образом, хотя результаты опроса не позволили установить прямую зависимость уровня беспокойства от размеров населённого пункта, однако данные свидетельствуют, что жители городов более подвержены страхам криминальных угроз.

Характеризуя страх перед преступностью, авторы указывают, что, несмотря на общественную опасность и тяжесть насильственных преступлений, люди все же, в первую очередь, боятся стать жертвой корыстных преступлений [14, С. 60], что объясняется массовостью их совершения и редкостью насильственных. Позволим себе предположить, что страх от насильственной преступности отличается качественными показателями. Считаем верным утверждением М. Warr о том, что даже умеренное увеличение воспринимаемого риска насильственной виктимизации имеет потенциал для значительного увеличения страха перед насильственной преступностью [12, С. 11].

Когда люди сталкиваются с опасными условиями, они могут вполне естественно испытывать страх за свою личную безопасность. Кроме того, они зачастую опасаются, за других (например, детей, супругов, друзей), т.е. лиц, чье благополучие и безопасность для них не безразличны. В связи с этим при анализе понятие страха перед преступностью необходимо толковать его широко, включая в него страх за других лиц. Исходя из анализа зарубежной литературы многие исследования, например, в Соединенных Штатах, были сосредоточены только на личном страхе, что несправедливо сужает предмет исследования [12, С. 5].

Результаты опроса населения свидетельствуют, как о наличии страха перед корыстной преступностью, так и насильственной. Также, у респондентов наиболее выражены волнения за близких людей: в 2013 г. – 35%, в 2015 г. – 20% боялись, что их могут убить или покалечить. Бесспорно, представленные результаты исследований не позволяют сделать вывод, насколько обоснованы эти тревоги и не являют-

ся ли они обычным проявлением беспокойства, которое люди испытывают относительно своих близких родственников. Во всяком случае, относительно себя такого рода опасения возникают заметно реже (в 17% случаев). При этом ограбления и кражи боится каждый пятый (21%). Подобные цифры свидетельствуют, что, беспокойство за безопасность близких лиц – также весьма распространенное чувство страха. В этой связи Дж. Шели предлагал выделять самостоятельные по своей природе два вида страха «личный страх» и «альтруистический». Согласно вышеотмеченному исследованию М. Warr (1992 г.) мужья гораздо чаще жен высказывали альтруистические опасения, в то время как женщины чаще беспокоились о детях [14, С. 63-64].

Таким образом, несмотря на то, что динамика социальных настроений граждан за период проведения исследования показывает некоторое снижение «веса» криминологических опасений в структуре страхов, тревог, однако его показатели еще достаточно высоки.

Рассматривая проблему страха перед насильственной преступностью как социального последствия, следует отметить, что оно, в свою очередь, порождает целую совокупность последствий, связанных не только с изменением ощущений людей (боязнь), но и их поведения. Человек становится избирательным в общественных местах, выборе транспортных средств, мест и времени прогулок и передвижения, средствах личной охраны и обеспечения безопасности, они вынуждены предпринимать дополнительные меры предосторожности и охраны. Граждане начинают использовать элементарные меры предосторожности: оставляют включенным свет, запирают двери на дополнительные замки, не покидают дом в темное время суток, избегают безлюдных мест и мест массового скопления людей.

Возможно заключить, что на социальном уровне страх перед насильственной преступностью понимается как возникающая и передающаяся в процессе взаимодействия между людьми эмоциональная реакция в виде страха перед насильственной преступностью, форма которой определяется существующими в обществе рамками [15, С. 24]. Не может не вызывать опасения поражающее свойство страха и его способность оказывать значительное влияние на поведение, стиль и качество жизни населения. Ясно одно, что его возникновение обусловлено недостаточной эффективностью защиты граждан государством от насильственной преступности.

Не менее острой оценки заслуживает и наше российское общество с его поразительно индифферентным отношением к несчастьям граждан, в котором происходит, казалось бы, невозможное – привыкание к насилию в том смысле, что любая информация на этот

счёт, кроме экстраординарной, уже мало кого выводит из душевного равновесия, не вызывает той реакции, какой-то или иное событие заслуживает. Формирование равнодушия к насилию, когда оно не касается нас лично, в определённом смысле – одно из самых тяжких последствий насильственной преступности.

Изучение чувства страха необходимо, поскольку позволит установить характеристики групп людей,

нуждающихся в помощи, и снизить данное негативное социальное последствие. В связи с этим представляется, что на современном этапе развития уголовной политики страх перед преступностью должен признаваться одним из критериев формирования современной уголовной политики в сфере противодействия насильственной преступности и минимизации её социальных последствий.

Список литературы

1. *Baumer T.* Research on fear of crime in the United States // *Victimology: An International Journal*, 3(3/4), 1978.
2. *Biderman A, Johnson L, McIntyre J, Weir A* (1967) Report on a Pilot Study in the District of Columbia on Victimization and Attitudes Toward Law Enforcement // President's Commission on Law Enforcement and Administration of Justice, Field Surveys 1. Washington DC: US Government Printing Office.
3. *Ennis P* (1967) Criminal Victimization in the United States: A Report of a National Survey // President's Commission on Law Enforcement and the Administration of Justice, Field Surveys 11. Washington DC: Government Printing Office.
4. *Fear of Crime: Critical Voices in an Age of Anxiety* / Edit by Stephen Farrall & Murray Lee. Taylor & Francis e-Library, 2008.
5. *Ferraro K., LaGrange R.* Are Older People Most Afraid of Crime? Reconsidering age differences in fear of victimization // *Journal of Gerontology*, 45(5). 1992.
6. *Ferraro K., LaGrange R.* The measurement of fear of crime // *Sociological Inquiry*, 57: 1987.
7. *Garofalo J.* Victimization and the fear of crime // *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 16, 1979.
8. *Reiss A* (1967) Studies in Crime and Law Enforcement in Major Metropolitan Areas. Vol. 1 // President's Commission on Law Enforcement and the Administration of Justice, Field Surveys 111. Washington DC: US Government Printing Office.
9. *Roundtree P.* A re-examination of the crime-fear linkage // *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 35, 1998.
10. *Skogan W.* Public policy and fear of crime in large American Cities. Paper presented at the Midwest Political Science Association. Chicago. 1976.
11. *Warr M.* Fear of Crime in the United States: Avenues for research and policy in Duffee (ed.), *Measurement and Analysis of Crime and Justice* // *Criminal Justice 2000*, vol. 4. Washington, DC: Department of Justice.
12. *Warr M.* Public Perceptions and Reactions to Violent Offending and Victimization // *Understanding and Preventing Violence, Volume 4: Consequences and Control*. 1994.
13. *Гюннлаугссон Х., Порисдоттир Р.* Средства массовой информации и страх перед преступностью в Рейкьявике: изменения в чувстве уверенности в 2001 г. / пер. Л.Л. Ананиана // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. Реферативный журнал*. 2004. №4. С. 117-122.
14. *Криминология* / под ред. Дж. Ф. Шели. пер. с англ. СПб.: Питер, 2003.
15. *Романова А.В.* Социальные последствия страха перед преступностью в современном обществе: дис.... канд. социол. наук. Владивосток, 2005.
16. *Свери К.* Использование конкретных криминологических исследований для выработки политики борьбы с преступностью // *Криминология и уголовная политика*. М.: Институт государства и права АН СССР, 1985.
17. *Тощенко Ж.Т.* Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики // *Социологические исследования*. 1998.
18. *Шиян В.И.* Беспомощное состояние потерпевшего как объективный признак в преступлениях против личности, совершаемых с применением насилия // *Уголовное право*. 2014. №5. С. 103-105.
19. *Юдина Т.Н., Фролова Е.В., Танатова Д.К., Долгорукова И.В., Родимушкина О.В.* Безопасность личности и виктимные опасения // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2017. Том XX. №1 (89).
20. *Яницкий О.Н.* Россия как общество риска: социально-экономический аспект современного социологического анализа теневых отношений // *Перспективные направления развития теоретической социологии в России рубежа XX-XXI веков* / под ред. В.А. Мансурова, С.И. Григорьева. Москва - Барнаул, 2003.

Reference list

1. *Baumer T.* Research on fear of crime in the United States // *Victimology: An International Journal*, 3(3/4), 1978.
2. *Biderman A, Johnson L, McIntyre J, Weir A* (1967) Report on a Pilot Study in the District of Columbia on Victimization and Attitudes Toward Law Enforcement // President's Commission on Law Enforcement and Administration of Justice, Field Surveys 1. Washington DC: US Government Printing Office.
3. *Ennis P* (1967) Criminal Victimization in the United States: A Report of a National Survey // President's Commission on Law Enforcement and the Administration of Justice, Field Surveys 11. Washington DC: Government Printing Office.
4. *Fear of Crime: Critical Voices in an Age of Anxiety* / Edit. by Stephen Farrall & Murray Lee. Taylor & Francis e-Library, 2008.

5. *Ferraro K., LaGrange R.* Are Older People Most Afraid of Crime? Reconsidering age differences in fear of victimization // *Journal of Gerontology*, 45(5). 1992.
6. *Ferraro K., LaGrange R.* The measurement of fear of crime // *Sociological Inquiry*, 57: 1987.
7. *Garofalo J.* Victimization and the fear of crime // *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 16, 1979.
8. *Reiss A* (1967) *Studies in Crime and Law Enforcement in Major Metropolitan Areas. Vol. 1* // President's Commission on law Enforcement and the Administration of Justice, Field Surveys 111. Washington DC: US Government Printing Office.
9. *Roundtree P.* A re-examination of the crime-fear linkage // *Journal of Research in Crime and Delinquency*, 35, 1998.
10. *Skogan W.* Public policy and fear of crime in large American Cities. Paper presented at the Midwest Political Science Association. Chicago. 1976.
11. *Warr M.* Fear of Crime in the United States: Avenues for research and policy in Duffee (ed.), *Measurement and Analysis of Crime and Justice* // *Criminal Justice 2000*, vol. 4. Washington, DC: Department of Justice.
12. *Warr M.* Public Perceptions and Reactions to Violent Offending and Victimization // *Understanding and Preventing Violence, Volume 4: Consequences and Control*. 1994.
13. *Gunnlaugsson H., R. Palsdottir* Media and Fear of Criminality in Reykjavik: Changes in Confidence in 2001 / Translation by L. Ananian // *Social and human sciences. Domestic and foreign literature. Series 4: State and law. Abstract journal*. 2004. №4. P. 117-122.
14. *Criminology* / under the editorship of John. F. Shelly. Translation from English. SBR.: Peter, 2003.
15. *Romanova A.* The Social consequences of fear of crime in modern society: Thesis of PhD in Sociology. Vladivostok, 2005.
16. *Sveri K.* The use of specific criminological research to develop policies to combat criminality // *Criminology and criminal policy*. M.: Institute of State and Law of the USSR Academy of Sciences, 1985.
17. *Toshchenko Zh.* Social mood – the phenomenon of contemporary sociological theory and practice // *Sociological research*. 1998.
18. *Shiyay V.* Helpless condition of the victim as an objective sign in crimes against the person committed with violence // *Criminal law*. 2014. №5. P. 103-105.
19. *Yudina T., Frolova E., Tanatova D., Dolgorukova I., Rodimushkina O.* The security of the person and the victim fears // *Journal of sociology and social anthropology*. 2017. Volume XX. №1 (89).
20. *Yanitskiy O.* Russia as a risk society: socio-economic aspect of modern sociological analysis of shadow relations // *Perspective directions of development of theoretical sociology in Russia of the turn of XX-XXI centuries* / Under the editorship of V. Mansurov, S. Grigor'ev. Moscow-Barnaul, 2003.

УДК 340

Шамаров В.М.,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Московского института государственного управления и права

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ПРИНЦИПАХ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА

Содержание работы. Автор отмечает, что в теории права содержание правового государства оценивается неоднозначно. В научных позициях теоретиков права наблюдаются противоречия в определении сущностных черт, формулировании самого понятия, в выделении тех или иных принципов, которые, по мнению автора, являются научным каркасом правового государства.

Проведенный анализ содержания авторских понятий «правовое государство» позволил предложить собственную формулировку этого правового феномена.

В статье подвергнуты сомнению попытки отдельных ученых идентифицировать термины «принципы правового государства» и «признаки правового государства», либо выделять в содержании такого государства только его признаки или принципы. По мнению автора, принципы – основополагающие, концептуальные основы предмета исследования, а признаки – характерные его черты, свойства, особенности. Данный подход обусловил автору, как выделение принципов правового государства, так и раскрытие их содержания с помощью специфических для каждого принципа признаков.

Одновременно автор вводит в научный оборот новый правовой термин «принцип-признак правового государства», содержание которого менее значимо, чем содержание принципа, но, одновременно, оно среди всех других признаков этого принципа является сущностным, приоритетным.

Ключевые слова: правовое государство, его понятие; содержание, принципы и признаки правового государства

Shamarov V.,

Doctor of Law, Professor, Professor of Chair of State-Legal Disciplines
of the Moscow Institute of Public Administration and Law

REVISITING THE CONCEPT AND PRINCIPLES OF A LEGAL STATE

Scope of the work. The article author notes that the content of a legal state is assessed ambiguously in the theory of law. In the scientific standpoints of legal theorists there are contradictions in the definition of essential features, the formulation of the concept, in the allocation of any given principles, which are the scientific framework of the legal state, according the article author.

The analysis of the content of the author's concepts "a legal state" allowed us to propose our own formulation of this legal phenomenon.

There are questioned attempts of some scientists to identify the terms "principles of a legal state" and "features of a legal state", or to distinguish in the content such a state only its features or principles. According to the article author, the principles are fundamental, conceptual foundations of the subject of research, and the features are its characteristic features, properties, specificities.

This approach has conditioned to the article author both allocation of principles of the legal state, and disclosure of their contents by means of specific features for each principle.

At the same time, the contributor introduces a new legal term "principle-sign of a legal state" into scientific circulation, the content of which is less significant than the content of the principle, but, simultaneously it is among all the other features of this principle is essential, priority.

Keywords: legal state, its concept, content, principles and features of legal state

Анализ научной и учебной литературы убедительно свидетельствуют об отсутствии единства взглядов теоретиков права на содержание правового государства.

Приходится констатировать, что в формулировании понятия, в выделении набора его принципов и признаков, социально-политического предназначения превалируют авторские научные оценки по предмету исследования.

В дополнение к изложенному отметим, что оценка теоретиками права социально-политического предназначения правового государства неоднозначна. При этом импонирует научная позиция В.В.Лазарева и С.В.Липеня о том, что в философской, политологической и юридической науках до сих пор не выработана единая концепция правового государства [1, С.456].

В этой связи примечательно, что В.Н. Хропанюк считает, что «правовое государство – это такая форма организации и деятельности государственной власти, которая строится во взаимоотношениях с индивидами и их различными объединениями на основе норм права» [2, С.78].

По нашему мнению, это понятие можно в полной мере применить к любому типу государств, а не только к правовому, так как всякое государство осуществляет политическую власть в обществе на основе правовых норм. При этом подчеркнем, что в названном понятии не выделены характерные признаки именно правового государства.

Примерно на такой же научной позиции находится В.С. Нерсесянц. По его мнению, правовое государство – это «правовая форма организации и деятельности публично-политической власти» [3, С.15] и ее взаимоотношений с индивидами как субъектами права.

Одновременно В.С. Нерсесянц рассматривает правовое государство, с одной стороны, в качестве специальной конструкции (модели) правовой организации публично-политической власти, а с другой, как особую форму правовых отношений. Полагаем, что под последним автор понимает демократический режим власти, что «правовое государство не просто демократическое образование, а высший его тип» [4, С.451].

Несколько иной научный взгляд на предмет исследования у С.А. Комарова [5, С.135] и Т.Н. Радько [6, С.18]. С позиции функционального предназначения правовое государство ими оценивается многоаспектно – это и форма осуществления народовластия, и политическая организация граждан на основе права (правового закона), и инструмент защиты и обеспечения прав и свобод личности.

Другими словами, по мнению этих ученых, правовое государство выполняет роль позитивного по-

литико-правового механизма функционирования системы власти в государстве.

Можно согласиться с утверждением, что социально-политическая основа правового государства находится в неразрывной связи с его целевым предназначением. В этой связи научная позиция о том, что целевыми установками правового государства являются две ипостаси – создание условий для наиболее полного обеспечения прав и свобод личности, а также «связывание государства правом» для недопущения с его стороны злоупотреблений [7, С.254; 8, С.99], нами разделяется.

Полагаем, что единой интегративной идеи правового государства пока не сформулировано. Вместе с тем, правовой аспект этой проблемы получил теоретическую апробацию в виде концептуальной идеологии, разделяемой основной массой теоретиков права. В нее входит, с одной стороны, связанность государства правом, т.е. его деятельность осуществляется на основе и в рамках законодательных норм с использованием системы принципов, регулирующих взаимоотношения личности, государства и общества [9, С.152], с другой, «разрушение в правовом государстве монополии государства на власть», т.е. перераспределение «свободы», как правовой категории, в пользу общества и конкретной личности.

Отметим, что отдельными учеными правовое государство в теории права рассматривается в широком и узком смыслах слова. В широком смысле слова правовое государство понимается как интеграция содержания таких понятий как гуманизм, гражданское общество, народный суверенитет, разделение властей, обеспечение естественных прав личности. В узком смысле слова – подчинение государства в своей организации и деятельности праву [1, С.454]

В этой связи представляется, что широкое понятие правового государства обуславливает необходимость выделения в содержании дефиниции ее **сущностных свойств**.

Отметим, что для большинства правоведов таким сущностным признаком является *гарантированность естественных прав и свобод человека* [10, С.264; 11, С.565; 12, С.263; 13, С.656] «Правовое государство – это такая организация политической власти, которая создает условия для наиболее полного обеспечения прав и свобод человека и гражданина» [12, С.263], – отмечает А.Ю. Ларин. Данное научное содержание разделяют и другие теоретики права [5, С.135; 14, С.23; 15, С. 411-412; 16, С.80; 11, С.565; 12, С.263].

Соглашаясь с названным сущностным свойством правового государства, одновременно отметим, что оно узко по своему содержанию, так как раскрывает только одну сторону деятельности правового государства – обеспечение и защиту прав и свобод человека и гражданина.

По нашей оценке, более расширительной является следующее его понимание: «Правовым называется такое государство, функционирование которого основано на праве и основным направлением деятельности которого является соблюдение, обеспечение и защита прав и свобод человека» [17, С.260].

Таким образом, в дефиниции, наряду с обеспечением и защитой прав и свобод личности, отмечается еще один его признак – *функционирование на основе права*, с чем можно согласиться.

Интегративное объединение различных аспектов правового государства в одно понятие сформулировал А.В. Малько: «Правовое государство – это организация политической власти, создающего условия для наиболее полного обеспечения прав и свобод человека и гражданина, а также для наиболее последовательного связывания с помощью права государственной власти с целью недопущения злоупотребления» [7, С.254]. Примерно такое содержание в понятие вкладывает Е.Н. Бырдин [8, С.91].

Следовательно, авторы полагают, что существенными свойствами правового государства, наряду с защитой естественных прав и свобод личности, функционирование на основе норм права, является *«недопущение злоупотреблений» со стороны государственного аппарата и его должностных лиц, ограничение их служебной деятельности правовыми рамками*, выходить за пределы которого они не вправе.

Представляется, что в случае, когда теоретики права отмечают в понятии *«верховенство правового закона во всех сферах общественной жизни»*, *«в процессе осуществления государственной власти»*, происходит сущностное уточнение содержания дефиниций.

Несомненно, заслуживают позитивной оценки те понятия, в которых авторы отмечают такой сущностный элемент правового государства, что оно – *результат, продукт функционирования гражданского общества* [15, С.411-412; 8, С.245; 19, С.149; 14, С.23; 20, С.304; 10, С.264], что это форма политической власти в гражданском обществе, *«позитивная правовая форма организации гражданского общества»* [21, С.111].

Необходимо иметь в виду, что среди теоретиков права наличествуют и противоположные взгляды по этому вопросу. Представляется спорным утверждение, что правовое государство осуществляет управление делами гражданского общества [14, С.23]. По нашему мнению, не правовое государство управляет гражданским обществом, а наоборот, гражданское общество – прародитель правового государства, без его функционирования успешная деятельность правового государства сомнительна.

К этому можно добавить, что наличие гражданского общества – отличительный *сущностный признак* правового государства, одно из условий его возникновения и функционирования. Нами разделяется

научная позиция Л.А.Морозовой о том, что гражданское общество выступает в качестве одной из предпосылок формирования правового государства, наряду с рыночными отношениями, реальной независимостью суда, прогрессивным законодательством [4, С.454].

В завершении отметим, что ряд авторов отмечают как характерную особенность такого государства – его демократический способ властвования [11, С.565; 22, С.70; 23, С. 405-406; 24, С.71].

Вместе с тем полагаем, что констатация в понятии, что оно демократическое – излишнее в случае, когда теоретик права выделяет в качестве принципа правового государства – принцип народовластия, так как последний обуславливает демократический политический режим государственной власти.

Необходимо иметь в виду, что правовое государство обладает всеми общими признаками, которые свойственны любому государству, но одновременно оно наделяется только ему присущими специфическими чертами, к которым можно отнести условия (основы) формирования и функционирования [10, С.265; 23, С.406-412; 25, С.213] структуру [10, С.265], специфические черты [26, С.146-152; 27, С.35-37], его принципы и признаки.

Итак, *правовое государство – организационно-политическая форма власти гражданского общества, функционирующее на основе правового закона, неукоснительного соблюдения прав и свобод человека и гражданина, правовой регламентации пределов государственной власти и механизмов ее осуществления, при соблюдении принципов народовластия, разделения властей, взаимной ответственности государства и личности.*

Можно констатировать, что в современной юридической литературе отсутствует единство взглядов теоретиков права на соотношение принципов и признаков правового государства.

Так, одни авторы выделяют только принципы правового государства [28, С.424-428; 21, С.110; 29, С.114; 30, С.359-366; 10, С.265; 18, С.245], другие – признаки [20, С.305; 1, С.454-455; 8, С.91; 31, С.353-354; 6, С.126; 12, С.263-264; 2, С.80-81; 32, С.236-242; 15, С.408; 22, С.70-71; 11, С.565; 33, С.385-390; 10, С.265; 23, С.406-412; 4, С.452-454; 16, С.82-84; 19, С.147-148; 36, С.418-420; 34, С.70-71], третьи – одновременно и принципы и признаки [6, С.18,126; 35, С.220-232], а четвертые – рассматривают их как идентичные понятия [27, С.35-37].

Вместе с тем, дифференциация этих терминов – научно-теоретическая необходимость, так как по нашему мнению, содержание понятия «правовое государство» включает в себя как принципы, так и его признаки. При этом не стоит забывать, что принципы – это основополагающие идеи, установки теории, учения [37, С.483], т.е. концептуальные основы пред-

мета исследования. В этой связи можно согласиться с В.Д. Переваловым, что правовое государство – «это основополагающие идеи (требования), определяющие в своей совокупности идеальную конструкцию (модель)» этого государства [38, С.359].

Признаки – это показатели, приметы, знаки, по которым можно узнать, определить что-то [37, С.480]. Другими словами – это характерные особенности того или иного предмета исследования, в нашем случае – правового государства. Следовательно, содержание каждого принципа правового государства можно раскрыть через ряд присущих ему признаков.

Особую научную позицию по этому вопросу занимает Н.М. Чистяков, который выделяет как *основные принципы*, так и *принципы* правового государства.

Отметим, что общепринято к основным принципам правового государства принято относить: *верховенство правового закона; разделение властей; обеспечение прав и свобод человека и гражданина; взаимная ответственность государства и личности*. В ряде случаев учеными отмечаются, так называемые, «авторские принципы», о которых будет изложено ниже.

В этой связи импонирует научная позиция А.Ю. Ларина. Автор предпринял попытку наполнить правовым содержанием ряд признаков (по нашему мнению, принципов) правового государства.

Примечательно, что из пяти отмеченных автором признаков (принципов) государства исследователь выделяет специфические аспекты только в двух из них. В частности, автором выделяется такой признак, который мы будем именовать принципом, как **господство (верховенство) права**.

По мнению ряда ученых в правовом государстве верховенство принадлежит **правому закону**, т.е., не любому закону, а гуманному, справедливому, отвечающему интересам не только стоящих у власти кланов, слоев, классов, но и интересам остальной части общества.

Принцип **господства (верховенства) права** А.Ю. Ларин раскрывает его через следующие признаки: единство права и закона; соблюдение законодательно установленной процедуры принятия закона и его применения; соблюдение иерархии источников права.

Представляется, что содержание принципа верховенства закона раскрывается А.Ю. Лариным не в полном объеме. Предметное дополнение, с которым можно согласиться, предложено В.Д. Переваловым. В частности, в содержание принципа приоритетности (верховенства) права он включает следующие элементы: рассмотрение с позиций права, закона всех вопросов общественной и государственной жизни; соединение общечеловеческих нравственно-правовых ценностей (разумности, справедливости) и

формально-регулятивных ценностей права (нормативности, равенства всех перед законом) с организационно-территориальным делением общества и легитимной публичной властной силой; необходимость идеологически-правового обоснования любых решений государственных и общественных организаций [30, С.349].

Изложенное выше уточняется и дополняется другими учеными: верховенство и прямое действие конституции (В.В. Лазарев, С.В. Липень); сосредоточение всех государственно-властных полномочий в системе государственных институтов, созданных на основе права (В.Д. Горобец, Н.М. Чистяков); соответствие закона праву и правовая организация системы государственной власти (В.В. Лазарев); возвышение права, закона над государственной властью (С.Н. Кожевников).

Проведенный анализ признаков принципа верховенства права позволил выделить из всего массива те из них, которые имеют более узкое содержание и играют вспомогательную роль по отношению к основному принципу, но по своей значимости, роли в функционировании правового государства являются его сущностными элементами, в отдельных случаях уточняя, имплементируя, расширяя и дополняя его содержание.

Полагаем, что их можно именовать принципами-признаками правового государства.

Итак, в основном принципе **господства (верховенства) права** такими принципами-признаками можно считать: единство права и закона; соблюдение иерархии источников права. наличие в государстве необходимых для выражения и действия права форм и процедур; возвышение права, закона над государственной властью и связывание ее с помощью права;

В содержание второго принципа – **обеспечения прав и свобод человека и гражданина** – А.Ю. Ларин включает: непосредственное действие прав и свобод; наличие в законодательстве реальных механизмов реализации прав и свобод; наличие различных форм защиты нарушенных прав.

По нашему мнению, названное не в полной мере раскрывает данный принцип и в него можно включить еще ряд признаков: признание человека высшей ценностью, целью государства, а не средством решения тех или иных государственных проблем (Н.М. Чистяков); приоритет интересов личности в деятельности государства на основе принципа гуманизма (В.В. Лазарев и С.В. Липень); равенства всех людей как субъектов правовых отношений (Л.А. Морозова); создание для личности режима правового стимулирования (М.Б. Смоленский).

Наличествуем мнение, что в качестве самостоятельного признака правового государства выступает *реальная свобода личности и правовое равенство*

граждан [16, С.82-84]. Представляется, что названное является элементом содержания принципа **обеспечения (гарантированности) прав и свобод личности**.

По нашему мнению, в принципе обеспечения прав и свобод личности также можно выделить следующие принципы-признаки: наличие в законодательстве реальных правовых механизмов реализации прав и свобод; признание человека высшей ценностью, целью государства, а не средством решения тех или иных государственных проблем; политический и идеологический плюрализм. Режим строгой законности; деятельность независимого правосудия.

Три других авторских признака: **разделение властей, наличие системы сдержек и противовесов, наличие гражданского общества** А.Ю. Лариным называются без раскрытия их содержания.

Полагаем, что эти признаки по своему содержанию не равнозначны. По нашему мнению, *разделение властей* является не признаком, а представляет собой один из принципов правового государства. В то же время наличие системы сдержек и противовесов можно с полным на то основанием рассматривать в качестве признака принципа разделения властей, так как сдержки и противовесы – неотъемлемые атрибуты независимости одного органа власти от другого.

Представляется, что содержание основного принципа **разделения властей** интегрирует следующие принципы – признаки: конституционно-правовая регламентация этого принципа; создание системы сдержек и противовесов между ветвями власти, режим демократического конституционного правления.

Наряду с отмеченными принципами-признаками в основной принцип **разделения властей** нами отнесены: согласованные действия ветвей власти на основе общих принципов (Л.А. Морозова); создание антимонополистических механизмов, препятствующих сосредоточению властных полномочий в каком либо одном звене или институте государства (В.Д. Горобец); ограничение пределов деятельности государственных структур их компетенцией (А.А. Власенко).

Неоднозначно отношение ученых-юристов к такому аспекту правового государства, как **взаимная правовая ответственность государства и личности**. Одни теоретики права его относят к принципам, другие – к признакам. Нами данный элемент правового государства рассматривается в качестве принципа правового государства. Полагаем, что его содержание включает а себя: равную ответственность человека перед государством и государства перед гражданином; единство прав и обязанностей граждан и государства при приоритетности в их взаимоотношениях прав и свобод личности (Н.А. Власенко); регулирование поведения людей на основе принципа «разрешено все, кроме того, что законом запре-

щено»; связанность деятельности государственных органов и должностных лиц законом – «разрешено только то, что определено законом» (Т.Н. Радько).

При этом из приведенных выше признаков – единство прав и обязанностей граждан и государства, равная ответственность государства перед гражданами и граждан перед государством – можно рассматривать в качестве принципов-признаков.

Несомненно, что позитивной оценки заслуживает научная позиция тех авторов, которые в содержании понятия вычлениют то обстоятельство, что правовое государство – это суверенное государство, в котором суверенитет народа не только формально определен, но и реально реализован [22, С.70; 23, С.405-406].

В этой связи примечательно, что незаслуженно проигнорирован основной массой исследователей принцип **народовластия (народного суверенитета)** в правовом государстве.

Характерно, что одни авторы именуют его принципом, другие – признаком. В этой связи полагаем, что народовластие необходимо рассматривать в качестве принципа правового государства, так как именно верховная власть народа – первооснова строительства демократического, социального и правового государства.

Принцип народовластия (ряд ученых именуют его принципом **легитимности власти**), по нашему мнению, включает в свое содержание: признание народа единственным источником государственной власти (Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский); гласность и открытость деятельности государства (Н.А. Власенко); свобода средств массовой информации, отмена цензуры (Н.А. Власенко); общественный контроль и надзор за осуществлением законов (Н.М. Чистяков); конституционность многообразных форм собственности (М.М. Рассолов, Р.Х. Макуев). нормативное закрепление всеобщего избирательного права как основы государственной власти (Р.Х. Макуев); формирование обществом законодательных органов (В.В. Лазарев и С.В. Липень), демократизм власти, обеспечивающий закрепление в праве воли большинства народа с учетом мнения меньшинства (Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский); закрепление правовых механизмов, позволяющим не только критиковать политику государства, не соответствующую интересам граждан, но и проводить протестные мероприятия, предусмотренные законом (митинги, пикеты, забастовки) (С.Н. Кожевников).

При этом полагаем, что в данном перечне признаков только три последних являются именно признаками, остальные – принципами-признаками правового государства.

В.Д. Перевалов признает принципом политический плюрализм [30, С.359-363], а В.К. Цечоев, А.Р.

Швандерова – гражданское (социальное) согласие, неизбежность правопорядка и конституционализм [21, С.111]. Полагаем, что названные выше «принципы», являются не принципами, а характерными признаками правового государства.

Итак, понятие «правовое государство» включает в свое содержание сущность, принципы и признаки этого государства. При этом принципы и признаки правового государства соотносятся как философские категории общего и особенного.

Список литературы

1. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: учебник. М.: Спарк, 2000.
2. Хропанюк В.Н. Теория государства и права (3-е издание, дополненное, исправленное): учебник (под ред. В.Г. Стрекозова). М.: Интерстиль. 2008.
3. Нерсесянц В.С. История идей правового государства. М. 1993.
4. Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник. 3-е изд. М.: Эксмо, 2009.
5. Комаров С.А. Общая теория государства и права: курс лекций. 2-е изд. М., 1996.
6. Радько Т.Н. Теория государства и права в схемах и определениях. М.: Проспект. 2011.
7. Малько А.В. Правовое государство // Теория государства и права: курс лекций (под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько). М.: Юрист, 2001.
8. Бырдин Е.Н. Теория государства и права (в схемах, таблицах и определениях): учебное пособие. Тюменский филиал Московского института государственного управления и права. 2013.
9. Черданцев А.Ф. Теория государства и права: учебник. М.: Юрайт. 2011.
10. Чистяков Н.М. Теория государства и права: учебное пособие. М.: Финансовая академия при Правительстве РФ. 2010.
11. Мелехин А.В. Теория государства и права: учебник. М.: «ООО Маркет ДС Корпорейшин». 2007.
12. Ларин А.Ю. Теория государства и права: учебник. 2-е изд. М.: Книжный мир, 2011
13. Червонюк В.И. Теория государства и права: учебник. М.: Инфра-М. 2009.
14. Горбатов Н.А., Кучинский В.А. Общая теория права: основные понятия и логические схемы: учеб. пособие. Минск, 1996.
15. Протасов В.Н. Теория государства и права: учебник для бакалавров. М.: Юрайт. 2014.
16. Упоров И.В., Старков О.В., Рассказов Л.П. Теория государства и права: курс лекций. М.: Экзамен, 2005.
17. Василенко А.И., Максимов М.В., Чистяков Н.М. Теория государства и права: учебное пособие. М.: Финансовая академия при Правительстве РФ. 2007.
18. Бабаев В.К., Баранов В.М., Толстик В.А. Указ. соч. С. 245.
19. Рассказов Л.П. Теория государства и права: учебник. М.: Риор. 2008.
20. Теория государства и права (под ред. Л.В. Смирнова): Учебное пособие М.: Книжный мир, 2004.
21. Цечоев В.К., Швандерова А.Р. Теория государства и права: учебник. М.: Прометей. 2017.
22. Лушников А.М. Теория государства и права: элементарный курс. М.: Эксмо. 2010.
23. Головастикова А.Н. Теория правового государства // Теория государства и права: учебник (под ред. А.С. Пиголкина, Ю.А. Дмитриева). М.: Юрайт. 2011.
24. Кулапов В.Л. Теория государства и права: учебник. М.: Кнорус, 2014.
25. Теория государства и права: учебно-наглядное пособие. Тюмень: Филиал Академии права и управления в Тюмени, 2006. С. 213.
26. Кожевников С.Н. Правовое государство и гражданское общество // Теория государства и права: учебник (под ред. В.К. Бабаева). М.: Юрист, 1999.
27. Марченко М.Н., Дерябина Е.М. Теория государства и права. Схемы с комментариями: учебное пособие. М.: Проспект. 2012.
28. Общая теория права и государства: учебник. (под ред. В.В. Лазарева). 3-е изд., перераб. М. 1999.
29. Власенко Н.А. Теория государства и права: учебное пособие. 2-е изд. М.: Проспект, 2015.
30. Перевалов В.Д. Теория государства и права: учебник для бакалавров. 2-е изд. М.: Юрайт. 2012.
31. Горобец В.Д. Теория правового государства // Теория государства и права: учебник. Изд. 3-е. (под ред. В.В. Лазарева). М.: Новый юрист, 1997.
32. Рассолов М.М. Теория государства и права: учебник. М.: Юрайт, 2010.
33. Бошно С.В. Теория государства и права: учебник. 2-е изд. М.: Эксмо. 2011.
34. Керимов Д.А. Правовое и социальное государство // Теория государства и права: учебник. Изд. 3-е. (под общей ред. О.В. Мартышина). М.: Проспект. 2016.
35. Макуев Р.Х. Теория государства и права: учебник. 3-е изд. М.: Норма-М. 2010.
36. Керимов Д.А. Правовое и социальное государство // Теория государства и права: учебник. Изд. 3-е. (под общей ред. О.В. Мартышина). М.: Проспект. 2016.
37. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык. 1988.
38. Перевалов В.Д. Гражданское общество и правовое государство // Теория государства и права: учебник. Изд. 3-е (под ред. В.Д. Перевалова). М.: Норма, 2007.

Reference list

1. *Lazarev V., Lipen' S.* Theory of state and law: Textbook. M.: Spark, 2000.
2. *Khropanyuk V.* Theory of state and law (3rd edition, amended): Textbook (under the editorship of V. Strekozov). M.: Interstil. 2008.
3. *Nersesyants V.* The history of the ideas of the legal state. M. 1993.
4. *Morozova L.* Theory of state and law: Textbook. 3rd edition. M.: Eksmo, 2009.
5. *Komarov S.* General theory of state and law: Course of lectures. 2nd edition. M., 1996.
6. *Rad'ko T.* Theory of state and law in schemes and definitions. M.: Prospekt. 2011.
7. *Mal'ko A.* Legal state // Theory of state and law: Course of lectures (under the editorship of N. Matuzov, A. Mal'ko). M.: Yurist, 2001.
8. *Byrdin E.* Theory of state and law (in diagrams, tables and definitions): tutorial. Tyumen Branch of the Moscow Institute of Public Administration and Law. 2013.
9. *Cherdantsev A.* Theory of state and law: Textbook. M.: Yurayt. 2011.
10. *Chistyakov N.* Theory of state and law: Textbook. M.: Financial Academy under the Government of the Russian Federation. 2010.
11. *Melekhin A.* Theory of state and law: Textbook. M.: "OC Market DS Corporation". 2007.
12. *Larin A.* Theory of state and law: Textbook. 2nd edition. M.: Book world, 2011
13. *Chervonyuk V.* Theory of state and law: Textbook. M.: Infra-M. 2009.
14. *Gorbatok N., Kuchinskiy V.* General theory of law: Basic concepts and logical schemes: Textbook. Minsk, 1996.
15. *Protasov V.* Theory of state and law: Textbook for bachelors. M.: Yurayt. 2014.
16. *Uporov I., Starkov O., Rasskazov L.* Theory of state and law: Course of lectures. M.: Ekzamen, 2005.
17. *Vasilenko A., Maksimov M., Chistyakov V.* Theory of state and law: Textbook. M.: Financial Academy under the Government of the Russian Federation. 2007.
18. *Babaev V., Baranov V., Tolstik V.* Works. P. 245.
19. *Rasskazov L.* Theory of state and law: Textbook. M.: Rior. 2008.
20. Theory of state and law (under the editorship of L. Smirnov): Textbook, M.: Knizhnyy Mir, 2004.
21. *Tsechoev V., Shvanderova A.* Theory of state and law: Textbook. M.: Prometey. 2017.
22. *Lushnikov A.* Theory of state and law: Elementary course. M.: Eksmo. 2010.
23. *Golovastikova A.* Theory of a legal state // Theory of state and law: Textbook (under the editorship of A. Pigolkin, Yu. Dmitriev). M.: Yurayt. 2011.
24. *Kulapov V.* Theory of state and law: Textbook. M.: KnoRus, 2014.
25. Theory of state and law: Teaching aid. Tyumen: Branch of the Academy of Law and Management in Tyumen, 2006. P. 213.
26. *Kozhevnikov S.* Legal state and civil society // Theory of state and law: Textbook (under the editorship of V. Babaev). M.: Yurist, 1999.
27. *Marchenko M., Deryabina E.* Theory of state and law. Diagrams with comments: Textbook. M.: Prospekt. 2012.
28. General theory of law and state: Textbook. (under the editorship of V. Lazarev). 3rd edition, revised. M. 1999.
29. *Vlasenko N.* Theory of state and law: Textbook. 2nd edition. M.: Prospekt, 2015.
30. *Perevalov V.* Theory of state and law: Textbook for bachelors. 2nd edition. M.: Yurayt. 2012.
31. *Gorobets V.* Theory of a legal state // Theory of state and law: Textbook. Edition 3rd. (under the editorship of V. Lazarev). M.: Noviy Yurist, 1997.
32. *Rassolov M.* Theory of state and law: Textbook. M.: Yurayt, 2010.
33. *Boshno S.* Theory of state and law: Textbook. 2nd edition. M.: Eksmo. 2011.
34. *Kerimov D.* Legal and social state // Theory of state and law: Textbook. Edition 3rd. (under the general editorship of O. Martyshin). M.: Prospekt. 2016.
35. *Makuev R.* Theory of state and law: Textbook. 3rd edition. M.: Norma-M. 2010.
36. *Kerimov D.* Legal and social state // Theory of state and law: Textbook. Edition 3rd. (under the general editorship of O. Martyshin). M.: Prospekt. 2016.
37. *Ozhegov S.* Dictionary of the Russian language. M.: Russkiy Yazyk. 1988.
38. *Perevalov V.* Civil society and legal state // Theory of state and law: Textbook. Edition 3rd. (under the editorship of V. Perevalov). M.: Norma, 2007.

УДК 340

Чернявский А.Г.,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин
Московского института государственного управления и права

Червяков Н.Н.,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Московского института государственного управления и права

ПЕРВООСНОВЫ ПРАВА И ПОИСК НОВЫХ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПАРАДИГМ

Современная действительность убеждает нас в том, что переосмысление многих представлений о закономерностях и сущности социально-духовного и политико-правового бытия становится неизбежным. Новое научное мышление развивается на основе качественно новых познавательных парадигм. Сложившиеся ранее познавательные и идейные доктрины, вполне справлявшиеся с осмыслением недавнего прошлого, в настоящем уже не могут представить на соответствующем уровне функционирование и развитие современного российского общества. В связи с этим, в настоящее время представляется особенно актуальным для российской правовой системы найти новую идейную основу, которая воплотится в соответствующей правовой доктрине и которая, тем самым, позволит реализовать в практической плоскости институты и механизмы, в соответствии с общезначимыми ценностями и политико-правовыми идеалами, а также же будет способствовать созданию условий для формирования в России правового государства, эффективной правотворческой и правореализационной деятельности.

Ключевые слова: идейная основа, правовая доктрина, правовое сознание, познавательные парадигмы, парламентское представительство, концептуальные идеи, тенденции развития, корпоративный строй, федеративный идеал, общественная солидарность, политическая организация

Chernyavskiy A.,

Doctor of Law, Professor, Head of Chair of State-Legal Disciplines
of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Chervyakov N.,

PhD in Law, Associate Professor, Head of Chair of Theory and History of State and Law
of the Moscow Institute of Public Administration and Law

FUNDAMENTAL PRINCIPLES OF LAW AND THE SEARCH FOR NEW COGNITIVE PARADIGMS

Contemporary reality assures us that reconsideration of many ideas about the law of nature and essence of social-spiritual and political-legal existence becomes inevitable. New scientific thinking develops on the basis of fundamental new cognitive paradigms. The previously developed cognitive and ideological doctrines, which quite coped well the comprehension of the recent past, in the present, they can no longer present the functioning and development of contemporary Russian society at the appropriate level. In this regard, at present it seems especially important for the Russian legal system to find a new ideological basis, which will be embodied in the relevant legal doctrine, and which, thereby, will allow to realize institutions and mechanisms in the practical flatness, in accordance with generally important values and political-legal ideas, as well as this one will contribute to the creation of conditions for the formation of a legal state in Russia, effective law-making and law-enforcement activities.

Keywords: ideological basis, legal doctrine, legal consciousness, cognitive paradigms, parliamentary representation, conceptual ideas, development trends, corporate system, federative ideal, social solidarity, political organization

Развитие любой науки основывается на постоянном обогащении ее новыми идеями, взглядами, подходами. Но, к сожалению, оценивая сегодняшнее состояние науки, приходится констатировать наличие кризисных явлений в современном правосознании и политической мысли, вызванных глубокими преобразованиями, которые переживают политические формы обновленного общества.

Не то, чтобы наблюдался упадок жизни и мысли, – скорее наоборот, чувствуется особое оживление, ибо нарождается новая жизнь, не вписывающаяся в существующие теории, а теории, установившиеся, десятки и сотни лет всеми признанные, колеблются, перестают отвечать действительности, перестают, употребляя модное теперь слово, быть ей адекватными. Как следствие – требуется построение новых. Но новые теории еще не созданы, лишь проявляется необходимость ломки стереотипов, пересмотра давно признанных принципов, отыскание новых руководящих идей.

Само по себе положение, сложившееся в современной юридической теории навеивает пессимистические настроения: тускнеет вера в демократическую идею, закрадывается сомнение относительно спасительной силы парламентского представительства, разложение прокрадывается и в теорию государственного суверенитета и даже позиции позитивизма в праве не выглядят столь внушительно. А поскольку теория и практика неразрывно связаны и испытывают взаимовлияние, то вполне возможно предположить, что решение многих проблем нашей действительности вряд ли возможно без реформации теоретической основы.

Нужно отметить, что существенные преобразования коснулись не только общественного уклада, но и процессов регуляции общественной жизни. К примеру, смытое социализмом частное право возрождается, однако еще недостаточно укрепилось. Что же препятствует вхождению в жизнь явления имеющего цивилизационное значение, принимаемого как всеобщая ценность и что необходимо предпринять, чтобы устранить эти препятствия? В такой ситуации вполне справедливо возникает вопрос о возможности использования многовекового опыта монархической России, в которой свято чтилась частная собственность. Однако, существовавшее до революции частное право, построенное на римских индивидуалистических принципах не может быть, как ранее, использовано в современных условиях. И подобных примеров из российской действительности найдется немало.

Следовательно, обращение к решению задач теоретического плана, а именно: выяснению главного вопроса – каковым является государство по природе, сущности и действительности выглядит вполне логичным?

Заметим, ключевыми элементами всякой теории являются концептуальные идеи, выступающие одновременно и отправными точками в формировании самой теории. Таким образом, открывается направление научного поиска – отыскание, а более конкретно, формулирование таких идей, которые не ломали бы «до основания, а затем...» сложившуюся систему координат, но в то же время были адаптированы к современной действительности, а в идеале раскрывали перспективы в будущее.

В связи с этим, позволим себе небольшое отступление. Как известно, наука о государстве принадлежит к числу общественных наук, т.е. таких, которые заняты изучением явлений, возникающих из совместной жизни людей в обществе, – и предмет ее – государство – представляет собой одну из форм человеческого общения. И прежде всего, необходимо остановиться на выяснении вопроса о целях, которые может и должна ставить себе наука о государстве при изучении этой государственной формы общения.

Как всякая другая наука, государствоведение имеет своей задачей понять, объяснить явления, входящие в круг ее исследования, а для этого ей изначально нужно выйти из того многообразия явлений государственной жизни, которое предстает перед исследователем в начальной стадии его работы, уложить все эти явления в определенную систему, свести к некоторым общественным началам. Все это облегчает первоначальное ознакомление с изучаемой областью явлений. Поэтому и тут наука должна определить, под влиянием каких причин явления государства складываются, так или иначе. Чем обуславливается смена одних явлений другими. Идеалом познания и в науке о государстве должно быть установление известной правильности в области исследуемых явлений. В отличие от естественных наук, где в процессе исследования речь идет об установлении закона явлений. В общественных науках – в виду их сложности – приходится довольствоваться определением тенденций (общего направления) развития. Итак, наша задача сводится к вычленению компонентов характеризующих государство в современной культурной среде. Попытаемся сделать это через целеполагание. Не претендуя на лавры первопроходцев, освежим некоторые из идей предшествующих поколений, интерпретируя их сообразно современным потребностям.

Когда мы приступаем к рассмотрению цели государства, то наталкиваемся, по мнению профессора Трейчке, прежде всего на известный спорный вопрос, является ли государство средством для жизненных целей граждан, или граждане являются средством для великих культурных целей государства? [1].

Один из выдающихся представителей науки о государстве Г. Еллинек, не без оснований указывал, что при обсуждении целей государства смешивают

обычно три равных вопроса: 1) для чего существует государство вообще, 2) какую цель имеет в истории всякое определенное государство, наконец, 3) какую цель имеет государство в данную эпоху для всех его членов и для всего общества.

Первые два вопроса Еллинек правильно считает неразрешимыми при помощи опытного исследования и называет вопросами об объективной цели государства. В последующем теория об объективной цели плодотворно развивалась и достигла высшей степени своего развития в философии Г. Гегеля.

От вопроса об объективной цели следует перейти к вопросу о субъективной цели государства, т.е. об отношении государства к индивидуальным целям людского сообщества.

Добавим, что в свою очередь учения о субъективной цели государства Г. Еллинек подразделяет на абсолютные и относительные теории. Первые более старого происхождения и исходят из представления об идеальном типе государства и поэтому большей частью выставляют одну единственную, включающую в себя все другие цели, неизменную, словом абсолютную цель государства. Вторые исходят «из меняющихся представлений о задачах государства и конкретных отношений в нем, после тщательного исследования границ деятельности его» и приписывают последнему только относительно конкретные цели.

Но, так как абсолютные теории «либо благоприятствуют безграничному расширению власти государства, либо ставят ее в точно определенные границы», то, по мнению Г. Еллинека, «они распадаются на учения о всеобщих и об ограниченных целях государства». Наибольшей популярностью среди учений о всеобщих целях государства пользуется учение о том, «что благосостояние индивида и общества составляет высшую и единственную цель всех публичных учреждений». Данное утверждение проявляет свою жизнеспособность, находя отражение в конституциях самых разнообразных государств [2].

Остановимся теперь на теориях об ограниченных целях государства. Они считают целью государства то безопасность, то свободу, то право. Но так как «безопасность создается правом», а учение о свободе выдвигает на первый план субъективное, правовая же теория – объективное право, то все три учения в существенном совпадают. Возникли они, как протест против учения, по которому право должно отступать на задний план, если этого требует высшая цель, «как протест против умаления права и связанной с ним беззащитности личности перед государственной властью, как протест против теории и практики государственного всемогущества». Но если учения о всеобщей цели не могли найти предела для ограничения деятельности государства, то учения об ограниченной цели всегда слишком сужали цель государства.

Если первые приносили личность в жертву государству, то вторые жертвуют государством для личности. При этом, никогда не было и не может быть государства, которое занималось бы только защитой права.

Эволюция государства сопровождается стремлением найти политический строй, в котором существование прочной политической организации, этого необходимого условия культуры и прогресса, было бы соединено с сохранением индивидуальной свободы. Политическая мысль очень долго отвечала на этот вопрос догмой народного суверенитета, предполагая, что демократическая форма правления и есть истинная идеальная форма. Однако исторический опыт показал, что деспотизм, подавленность личности и все губящий централизм одинаково возможны как при тирании, так и при господстве народа. Поэтому, кто бы ни был господином в государстве, необходимы гарантии личной свободы. До сих пор почти все виды действительных политических гарантий так или иначе сводятся к принципу разделения власти, т.е. федеративному принципу. В то время как действительными гарантиями являются: 1) корпоративный строй, где между государством и индивидом стоит сложная ткань социальных организмов, умеряющих давление из центра и гарантирующих индивида против абсолютических тенденций центральной власти; 2) такая политическая организация, в которой воля и закон образуются как соглашение, компромисс и договор многообразных сил. Федеративный идеал указывает также единственно допустимый исход социально-экономическим тенденциям современной эпохи.

Политический анализ социально-демократического мировоззрения показывает нам призрак политического монстра, государства, в верховном управлении которого сосредотачивались бы не только все политические, но и хозяйственные функции, и от которого зависела бы жизнь граждан в ее самых последних, экономических проявлениях. Право человека на полный продукт своего труда, на достойное существование, при сохранении личной свободы, может найти себе осуществление только в формах свободной кооперации.

Первую гениальную попытку нарисовать строй, где господствовала бы общественная собственность при личной свободе граждан, представляла собой система Фурье, с его свободными ассоциациями – фаланстерами и сериальным, групповым трудом. Прудон, с истинной философской глубиной, также стремился показать, как свободно может установиться общественная собственность.

Идея необходимости политической организации социальной дифференциации отвечает также непомерно развивающейся административной деятельности государств. Растущие задачи современных государств по удовлетворению самых разноо-

бразных культурных целей находят разрешение в широко развитой самоорганизации общества. Наше время характеризуется необычайным тяготением разрозненных до этого индивидов сорганизоваться в самые разнообразные союзы. Все интересы, экономические, научные, художественные, религиозные и т.п., существующие в обществе, стремятся получить определенную организационную форму; жизнь в своих низах и в своих глубинах из неопределенного аморфного состояния переходит в стадию образования союзов. Это один из тезисов который может быть положен в основание выстраиваемой теории.

Не маловажной переходной ступенькой будет утверждение о том, что идея построения политической жизни на федеративном принципе особенно благотворные результаты оказывает в области форм правления.

Долгое время политической мыслью, как догмат, принималось то положение, что наиболее современной, наиболее устойчивой и наиболее справедливой формой правления является парламентаризм. Однако политическая эволюция в тех странах, где утвердился парламентаризм, дала начало тому, что принято теперь называть кризисом парламентаризма. Обнаружились роковые и органические пороки парламентарной системы. Политическая современная литература переполнена указаниями на самые разнообразные слабые стороны парламентаризма и вообще современной представительной системы. Прежде всего, при том строе, который, по-видимому, весь построен на уважении к народной воле, т.е. при парламентаризме, происходит в действительности настоящая узурпация народной воли несколькими сотнями депутатов.

При выработанной партийной системе, при правильно работающей партийной машине и в особенности при развитой технологии производства удобных правительству выборов, свобода избирателей в редкие моменты избрания оказывается чисто иллюзорной: выбора нет или он слишком ограничен. На место народа – суверена становится собрание лиц, всякими правдами и неправдами, нашедшими себе доступ в собрание. Парламент в этом случае отражает не волю и мнение страны, а случайное настроение профессиональных политиков, легко дающих своим избирателям никогда почти не исполняемые обещания, никогда не затрудняющихся изменить свои убеждения.

К тому же избирательные системы и избирательные процессы в ряде случаев далеки от идеала. В странах, где многочисленные партии борются друг с другом, там все сводится к мелочным, личным расчетам; государственная деятельность переходит в униженный торг; великие интересы страны забываются, а на их место ставятся мелкие частные выгоды. Там же, где в жизни страны имеют значение лишь

две партии, там устанавливается настоящая олигархия нескольких партийных вожakov. Что особенно отрицательно в функционировании парламентарной системы в современных развитых демократиях, это постоянное тяготение парламентарной системы перейти в форму правления, которую можно было бы назвать конвентской.

Вся сила власти сосредотачивается в народном собрании. Во главе страны становится всемогущий парламент, против которого нет защиты, который один, без всяких препон все может. При установившемся господстве хорошо организованной партии, это всемогущество парламента превращается во всемогущество кабинета, который держит в своих руках парламент. Причем весь контроль парламента над правительством превращается в химеру, в пустое слово. Наконец нельзя отрицать, что законодательная работа, совершаемая в многолюдном собрании, решающем в последнем собрании, производится плохо; в законы вносятся в силу случайных настроений и случайно образовавшегося большинства, противоречивые статьи, причем и редактируются эти статьи часто очень неудачно. Там же, где политический строй централизован, там всякий недостаток законодательной работы может сделаться пагубным.

Сказанное отнюдь не вызывает отрицания самой идеи парламентаризма. Указанные недостатки современного представительного режима находят себе врачевание во введение в политическую жизнь корпоративного начала. Каждая большая область государственной деятельности организуется особо, самостоятельно. Центральный парламент занимается лишь координацией – в общих интересах работы – отдельных сфер государственной администрации. Всемогущество, абсолютизм его находят в этом свое ограничение, непреходимую грань. Негативные проявления представительства находят свою коррекцию в корпоративном и профессиональном представительстве. Эта мысль, давно уже высказываемая французскими критиками парламентаризма, очень удачно была сформулирована Г. Еллинеком. Позволим себе достаточно полно процитировать: «Современное общество, – говорит он, – охвачено процессом самоорганизации. Самые разнообразные человеческие интересы, которым теперь хотят дать выражение при составлении парламента, все более и более объединяют отдельных лиц в множество взаимно перекрещивающихся групп. Право образования корпораций является самым могучим средством для группировки гражданского общества, обреченного, как первоначально казалось, на вечную распыленность. В этих корпорациях идея представительства может получить гораздо более верное выражение, чем в существующих центральных парламентах, потому что органы корпораций предназначены служить лишь

более ограниченным интересам своих членов, в противоположность неосуществимой идее отразить всю жизнь народа в его представительстве. Некоторым из этих корпораций уже ныне открыты легальные пути для воздействия на правительство и законодательство тем, что им предоставлено право петиций и внесения предложений. Здесь таится зародыш новой формы законодательства. Для отдельных отраслей законодательства должны были быть учреждены специальные парламенты на основе все резче вырисовывающейся социальной группировки... Такие специальные парламенты, непосредственно созданные группировкой общества, могли бы вступать в прямые сношения только с правительством. Задача последнего заключалась бы в том, чтобы взвешивать требования отдельных народных групп, а центральный парламент, наделенный значительно меньшей компетенцией, чем в настоящее время, должен был бы уравнивать эти интересы, преимущественно путем выражения своего согласия или отказа» [3]. Это еще один тезис, представляющий определенный интерес в дискурсе поставленной проблемы.

Изучая жизнь обществ, мы констатируем тесную зависимость, соединяющую между собой, в силу общности потребностей и разделения труда, членов социума и делающую то, что интересы общества и индивида не противоречат друг другу, а совпадают. Личность есть, по выражению В. Соловьева, лишь суженное общество, а общество – лишь расширенная личность.

Развитие личности зависит от прогресса общества, и общество процветает лишь при широко развитой индивидуальной жизни. Это простое социологическое наблюдение известно было уже давно, и уже Аристотель говорило цели, соединяющей людей, и об общежительной природе человека. Это воззрение на солидарность интересов общества и личности лежало в основании почти всех так называемых общежительных теорий права. Но впервые почти позитивный характер был придан ему Сен-Симоном и Огюстом Конттом. А О. Конт даже попытался построить на идее общественной солидарности позитивную, научную этику. Истинно плодотворное значение идея общественной солидарности приобрела тогда, когда она соединилась с идеей социальной дифференциации, выработанной эволюционной философией.

Попытка положить идею общественной солидарности в основание этической и юридической системы привлекательна тем, что ею сводится до минимума произвольный, постулятивный момент в этике – эта последняя воздвигается, поскольку это возможно, на научном, позитивном основании. Общественная солидарность, т.е. взаимная зависимость общества и индивидов, есть, прежде всего, факт, позитивный закон. В смысле неизменно наблюдаемого в общественной жизни постоянства отношений.

История и социология неизменно утверждают, что благополучие и интересы общества и индивидов тесно связаны друг с другом и неизменно взаимно влияют. Этот закон общественной солидарности кладется в основание этики и права, и тем он меняет несколько свой характер. Общественная солидарность теряет как бы свою каузальную природу и приобретает характер теологический.

Закон необходимых общественных отношений познается людьми и кладется ими свободно в основание практической деятельности. Жизнь показывает лишь, что благополучие социального целого и частей не противоречит друг другу, а совпадают. Но сам этот закон познается главным образом потому, что в жизни непрерывно происходят явления, отклоняющиеся от общественной солидарности и показывающие, что, когда бывают забыты интересы индивидов, страдает все общество, – и обратно. Следовательно, люди в своей свободной деятельности могут или следовать правилу, выведенному из закона общественной солидарности, или действовать вопреки ему. Причем во втором варианте поведения они будут действовать против своего и общественного блага. Между законом общественной солидарности и деятельностью людей получается такое же отношение, как между свободой и необходимостью в системе Гегеля. Человек свободен тогда, когда он познает необходимость закона и добровольно принимает его. Взаимная зависимость блага общественного и индивидуального есть то необходимое, которое может быть познано людьми и свободно ими положено в основание своей деятельности. В этом последнем случае общественная солидарность из факта превращается в императив. Этим, нам кажется, вполне опровергается то возражение, которое обычно выставляется против солидаристической этики, что будто бы из действительного нельзя вывести должного.

Правило общественной солидарности, вытекающее из социологически устанавливаемого закона социальной взаимозависимости, является основой объективной социальной этики; оно же является руководящей идеей разумного права, тем критерием, каким должны измеряться и оцениваться положительные законы и обычаи. Рациональна, разумна только та система права, которая построена на уважении к правилу общественной солидарности и имеет в виду ее поддержание, сохранение и развитие.

Итак, идея общественной солидарности тесно связана с идеей социальной дифференциации и разделения труда. Комбинация этих идей раскрывает нам возможность нового политического идеала, которому, быть может, суждено влить юную жизнь в изжитые формы современных централизованных государств.

Возникает, по-видимому, возможность построить последовательную и научно-обоснованную си-

стему всемирного права, гарантий личной свободы, правомерности государственной власти. Это – теория широко – понимаемого федерализма. В сущности, это старый корпоративный идеал. Люди нашего времени слишком все пропитались идеями абсолютного государства, т.к. они долго жили в атмосфере политического централизма и им казалось столь неопровержимой демократическая доктрина народного суверенитета, что они готовы с легким сердцем забывать и презирать другие формы, в которые слагалась политическая жизнь народов в течение очень долгого времени, и которые давали силу обществу.

Нужно заметить, в истории человечества был период, хотя и непродолжительный, когда политическая организация строилась на принципах корпоративной дифференциации, а не государственной интеграции. В период расцвета средних веков [4], т.е. к концу XVII века, основным элементом общественного строя являлись группы. Каждая из этих групп имела особые организации, статут, интересы и обычаи. Каждая из них занимала свое отдельное и строго определенное место в общей системе, и все вместе они образовывали не механический агломерат, а органическую федерацию живых корпоративных организмов. В политической жизни господствовало начало договора. Сам представительный режим вызван был к жизни применением договора к общей правительственной системе. Благодаря удачному применению начала федерации к сильно дифференцирующейся жизни, феодальный строй в течение некоторого времени представлял собой нечто стройное и гармоничное. В своем полном расцвете он пришел к чрезвычайно возвышенной и гуманной формуле, к идее согласия, ограничивающего власть к власти соединенной с послушанием.

Нам остается теперь перейти к учениям об относительных целях государства. Виднейшие из этих учений согласны в том, что «все цели общежития входят в сферу деятельности государства». В то же время они пытаются установить «область деятельности государства путем выяснения тех пределов, которые ставят государству находящиеся в его распоряжении средства и сам характер его деятельности». Государство не может преследовать не достижимых для него целей. Так, оно не в силах создать ничего, относящегося «исключительно к внутренней жизни человека, как например, верований, религии, нравственности, науки, искусства.

Возможные для государства виды деятельности распадаются на принадлежащие исключительно ему и на такие, по которым допускается конкурирующая с ним деятельность отдельных граждан и их союзов.

По этому вопросу Б.Н. Чичерин высказывается так: «Цель государства есть общее благо, удовлетворение народных потребностей. Для этого необходи-

ма деятельность правительственная и общественная. Нужды могут удовлетворяться либо частной предприимчивостью. Собственным почином граждан, либо действием власти. Отношение между ними обратно пропорциональное: недостаток деятельности одного рода восполняется избытком другой. Чем менее инициативы у граждан, тем более приходится делать государству, ибо общественные потребности должны быть удовлетворены, если народ не хочет оставаться на низшей ступени развития. Наоборот, государственная власть может значительно ограничить свое ведомство там, где частная предприимчивость и энергия общества достаточны для покрытия нужд» [5].

Другими словами, государство имеет целью осуществлять право. Государство же по Дюги, – «Всякое человеческое общество, в котором существует разделение на правящих и управляемых, одним словом, – политическая власть». Но, «собственно говоря, праву подчинено не само государство, так как это последнее есть лишь абстрактное выражение, употребляемое для обозначения социального факта, а те личности, которые в данном обществе наделены властью приказывать и принуждать путем материальной силы к повиновению этим приказам», то есть правительство [6].

Учение о солидарности приводит далее Дюги к выводу, что «государство обязано издавать известные законы», а именно «все те законы, которые обеспечат каждому материальную и моральную возможность содействовать социальной солидарности, например: законы, обеспечивающие каждому бесплатный минимум обучения, обеспечивающие средства для существования всякому лицу, не способному добыть их своим трудом и, наконец, законы, позволяющие всякому человеку, могущему, и желающему работать, найти труд». Ну разве эти мысли не созвучны сегодняшнему пониманию государства как социального? Л. Дюги полагает даже, что «в силу права, основанного на социальной солидарности, на государстве лежит долг издавать законы, делающие для всех труд обязательным, – не труд в какой-либо определенной форме, а как таковой. Недопустимо, чтобы член общественного целого ничего не делал, и недопустимо, чтобы государство не обязало его делать что-либо» [7]. Возможно, что и эта идея, хотя и навевающая воспоминания о социализме могла бы быть преобразована в теоретическое положение.

В целом, наши рассуждения сводятся к следующему. В формировании современной теории государства должен учитываться научный потенциал предшествующих поколений. В современной теории государства во главу угла может быть поставлена идея о целях сущностного порядка. Постановка целей определяется множеством разноплановых факторов. Искусственность цели приводит к неправильной постановке задач и работе государства без положитель-

ного результата. Набор целей сопряжен с процессом их минимизации, но это не означает их стремления к нулю (идея отмирания государства не подтверждена социальной практикой).

Достижение целей более реально при наличии определенных условий способствующих укреплению государства. В первую очередь такими условиями выступают солидаризация общества, модернизация института парламентаризма на подлинно демократических началах, движение от чрезмерной централизация к федеративному идеалу, гарантиями свободы индивидов должен выступить корпоративный строй,

где между государством и индивидом стоит сложная ткань социальных организмов.

Предшествующее изложение, как мы надеемся, ясно показало, каких целей и задач нельзя приписывать государству; под влиянием каких обстоятельств изменяются постановки государству тех или иных задач; осуществления каких задач нельзя ждать от современного государства; наконец, при каком общественном строе, политическом и социально-экономическом широкие слои народа, могут ожидать, что их насущные интересы станут целями государства, как одной из форм совместной жизни людей.

Список литературы

1. Treitschke "Politik", Leipzig, 1897, p. 67-80.
2. Менгер А. Право на полный продукт труда / пер. Гефдинг В. С.-Пб, 1906.
3. Еллинек Г. Конституции, их изменение и преобразование. / пер. со вступ. Кистяковский Б.А. С-Пб, 1907.
4. Яценко А.С. Международный федерализм. История юридической организации человечества в политических учениях до конца XVIII века. М., 1908.
5. Чичерин Б.Н. О народном представительстве / 2-е изд., С.-Пб., 1899. С. 88.
6. Ковалевский М. «Общий ход развития политической мысли во второй половине XIX века». С. 47.
7. Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства / пер. Краснокутский В., Сыромятников Б., Яценко Б., с предисловием П. Новгородцева. М., 1908, С. 675.

Reference list

1. Treitschke "Politik", Leipzig, 1897, p. 67-80.
2. Menger A. The Right to the full product of labor / Translation by Gefding V. SBR., 1906.
3. Jellinek G. Constitutions, their change and transformation / Translation by Kistyakovskiy B., SBR., 1907.
4. Yashchenko A. International federalism. The history of the legal organization of mankind in political exercises until the end of the XVIII century. M., 1908.
5. Chicherin B. On people's representation / 2nd edition, SBR., 1899. P. 88.
6. Kovalevskiy M. "The general course of political thought in the second half of the XIX century." P. 47.
7. L. Duguit Constitutional right. The general theory of the state / Translation by Krasnokutskiy V., Syromyatnikov B., Yashchenko B., with P. Novgorodtsev's foreword. M., 1908, P. 675.

УДК 343.01

Ширкин А.А.,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России

УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ В ДРЕВНЕМ ВАВИЛОНЕ

Рассмотрены уголовно-правовые нормы привлечения граждан и иных объектов судопроизводства к наказаниям. Приведены примеры различных наказаний для граждан Древнего Вавилона. Проанализирован вектор направленности на преобладание государственных интересов над частными в том числе в ключе сохранения рабовладельческого строя и защите религиозных убеждений. Результаты исследования показывают, что предыстория уголовного наказания имеет глубокие и древние корни, зародившись в недрах древнейших цивилизаций, оно получит свое дальнейшее развитие, в зависимости от потребностей общества.

Ключевые слова: Древний Вавилон, Законы Хаммурапи, уголовное наказание, рабовладельческий строй, преступление

Shirkin A.,

PhD in Law, Senior Researcher of the Research Institute of Federal Service for the Execution of Sanctions of Russia

CRIMINAL SANCTION IN ANCIENT BABYLON

The article deals with the criminal-legal norms of involving citizens and other objects of legal proceedings to punishment. There are examples of various punishments for citizens of Ancient Babylon. The article author analyzes the vector of the focus on the predominance of public interests over private interests, including the key to the perpetuation of the slave system and the protection of religious beliefs. The results of the study show that the prehistory of criminal sanction has deep and ancient roots, originated in the bowels of ancient civilizations; it will be further developed, depending on the needs of society.

Keywords: Ancient Babylon, Laws of Hammurabi, criminal sanction, slave system, offence

Интересы общества всегда включают в себя вопросы обеспечения безопасности его членов, в том числе их защиты от негативных действий асоциально настроенных лиц и защита имущественных прав членов общества. Подтверждением тому являются первые памятники права, сохранившиеся до наших дней. Так в Законах Хаммурапи – судебнике, составленном в XVIII в. до н.э. в Древнем Вавилоне, содержались нормы, предусматривавшие наказание за причинение вреда жизни или здоровью гражданина [5]. Законы Хаммурапи не дают общего понятия преступления, ничего не говорится о преступлениях, совершенных умышленно, однако, анализ некоторых статей, позволяет прийти к выводу, что для ряда преступлений была предусмотрена смертная казнь, в качестве санкции [3, С. 83]. Исключительно мало говорится о преступлениях, имеющих под собой религиозную (статья 109) или государственную (статья 110) основы. Однако, единственное возможное наказание за преступления такого рода – смертная казнь, это настолько очевидно для жителей Вавилона, что так же не находит отражения в законах Хаммурапи [1, С. 33].

Распространённость смертной казни является отличительной чертой вавилонского уголовного права, например, в Ассирии при возможности выбора между смертной казнью или увечьем выбор падал на увечье [7, С.178].

Только в одной статье затронут вопрос защиты государственного строя, это статья 109, предусматривающая ответственность корчемницы (трактирщицы) за укрывательство заговорщиков [2, С. 15].

Статья 110 охраняет устоявшийся религиозный порядок и предусматривает смертную казнь жрице, которая зайдет в корчму или употребит алкоголь [2, С. 15].

Так же отсутствует четкая грань между преступлением и правонарушением [2, С. 15].

Вавилония времен Хаммурапи не знает кровной мести – все исполнительные функции выполняют органы государственной власти, в случаях, когда за преступление предусмотрено наказание, или провинившийся сам выплачивает штраф потерпевшему, в случаях, когда это возможно [2, С. 15].

Однако, встречаются и пережитки родоплеменных отношений. Согласно статье 23, например,

«Если грабитель не будет схвачен, то ограбленный человек должен клятвенно показать перед Богом все пропавшее у него, а община или рабианум, на земле и в пределах которых совершен грабеж, должны возместить ему, что у него пропало» [2, С. 11]. Дети, в ряде случаев, несут ответственность за преступления, совершенные своими родителями (статьи 116, 210, 230) [2, С. 15, 21, 22]. Продолжая тему родоплеменных пережитков, нельзя не упомянуть о такой мере наказания, практикуемой в Вавилоне, как изгнание преступника из данной местности (статьи 154, 158) [3, С. 81].

Еще один признак родоплеменной древности, встречаемый в кодексе Хаммурапи, является повсеместное использование закона талиона. «Талиона закон – (от лат. Talio – возмездие, равное по силе), принцип наказания, сложившийся в родовом обществе и воспринятый рабовладельческим правом. Заключался в применении виновному такого же вреда, который нанесен им («око за око, зуб за зуб»)» [6, С. 1297].

В некоторых случаях, когда невозможно было применить непосредственный талион, он принимал форму «символического» талиона, т.е. поразились те части тела виновного, при помощи которых было совершено преступление, например, язык приемного сына, отрекшегося от отца, – отрезался, так же как рука неискусного врача или грудь кормилицы, погубившей дитя [3, С. 82].

Среди наказаний применяемых за преступления, согласно законнику Хаммурапи, можно выделить: смертную казнь, применяемую как основной вид наказания более чем в 30 случаях нарушения закона, в самых разнообразных ее формах (утопление, сожжение, посадение на кол, повешение), телесные наказания (удары плетью), наложение знака бесчестия, изгнание из родной местности, денежные штрафы, увольнение с должности, членовредительные наказания (отрубание руки, отрезание пальцев, языка и т.д.) [3, С. 82].

Смертной казнью карался укравший раба (статья 15) или укрывавший беглого раба (статья 16), что говорит о том, что наказания были направлены на поддержание рабовладельческого строя [3, С. 82]. Более строго карались преступления, посягавшие на личность и имущество господствующих классов [4, С. 34].

Наказания носили откровенно классовый характер, принцип талиона работал только в случае, когда и преступник и потерпевший – полноправные граждане Вавилона. Если потерпевший был рабом или мушкеном (неполноправный житель), а преступник – полноправный житель, то применялся штраф или возмещение ущерба (в случае, когда потерпевший – раб, штраф выплачивался не рабу, а его хозяину) [3, С.

81]. Наказания, назначаемые за кражу, так же проникнуты духом классового неравенства: за кражу назначался десяти, а порой и тридцати кратный штраф, тот, кто способен его уплатить, обходился штрафом, тот кто не способен карался смертной казнью [3, С. 82].

Особенное наказание – посадение на кол – предусматривается за убийство мужа своей женой (статья 153).

Закон так же устанавливает наказания за преступления, совершенные по неосторожности. Например, статья 229, предусматривающая смертную казнь строителю, в случае, если «дом обвалится и причинит смерть хозяину дома» [2, С. 22].

Статья 218 предусматривает отрезание пальцев неумелому врачу, причинившему смерть или вред здоровью пациента [2, С. 22].

Определенную роль в выборе наказания играет признание вины и раскаяние виновного, что видно, например, в статье 206: «Если человек ударит человека в драке и на несет ему рану, то этот человек должен поклониться: «Я ударил его неумышленно», а также оплатить врача» [2, С. 21].

Жестко карались преступления против собственности. За кражу дворцового или храмового имущества полагалась смертная казнь (статья 6), за кражу вола, овцы, барки и пр. полагался штраф в размере 30-кратной стоимости украденного, в случае, если вор не мог уплатить штраф – его казнили [3, С. 85].

Возможно, в некоторых ситуациях, существовал самосуд, дававший выход народной ярости. Такими ситуациями, например, являлось воровство во время пожара (вора на месте бросали в огонь – статья 25) [3, С. 85].

Запрет на покупку вещей у рабов и детей затруднял сбыт краденных вещей и облегчал поиск вора.

Через все отрасли права Вавилонского царства красной нитью проходит принцип талиона, но область, в которой данный принцип проявляется наиболее ярко – уголовное право. Для того чтобы исключить возможность несправедливого наказания существовала довольно развитая по тем временам судебная система. Возможен был пересмотр приговора в суде высшей инстанции (царь), имелись разные категории судей для различных отраслей права, существовали выездные судьи, имелся своеобразный суд присяжных.

Представляется, что Древний Вавилон обладал чертами характерными для многих государств того времени, однако были и такие, которые делают его своеобразным, колоритным государством, государством, оставившим яркий и неизгладимый след в истории Древнего Востока, и человечества в целом.

Список литературы

1. *Батыр К.И.* История государства и права зарубежных стран: учебник. М.: Издательство «Проспект», 2011.
2. *Батыр К.И., Поликарпова Е.В.* Хрестоматия по всеобщей истории государства и права. М.: Издательство «Юрист», 2002.
3. *Дмитревский Н.П., Зимелева М.В., Кечекьян С.Ф.* Всеобщая история государства и права. Том 1. Древний мир и средние века: Учебник для вузов в двух томах. М.: издательство «Зерцало-М», 2011.
4. *Косарев А.И.* История государства и права зарубежных стран: Учебник. М.: Издательство «Юриспруденция», 2012.
5. *Парфенова М.В.* История возникновения и развития института возмещения морального вреда и материального ущерба в Российском уголовном судопроизводстве // История государства и права, 2012.
6. *Прохорова А.М.* Советский энциклопедический словарь. М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1984.
7. *Саггс Х.* Вавилон и Ассирия. М., Издательство «Центрполиграф», 2004.
8. *Томсинов В.А.* История государства и права зарубежных стран (Древность и Средние века): Учебно-методическое пособие к семинарским занятиям. М.: Издательство «Зерцало-М», 2011.

Reference list

1. *Batyr K.* History of state and law of foreign countries: Textbook. M.: Publishing House Prospekt, 2011.
2. *Batyr K., Polikarpova E.* Reader of the universal history of state and law. M.: Publishing House "Yurist", 2002.
3. *Dmitrievskiy N., Zimeleva M., Kechek'yan S.* Universal history of state and law. Volume 1. Ancient world and the middle ages: Textbook for universities in two volumes. M.: Publishing House "Zertsalo-M", 2011.
4. *Kosarev A.* History of state and law of foreign countries: Textbook. M.: Publishing House "Yurisprudentsiya", 2012.
5. *Parfenova M.* History of emergence and development of institution of compensation of moral harm and material damage in the Russian criminal proceedings // History of state and law, 2012.
6. *Prokhorova M.* Soviet encyclopedic dictionary. M.: Publishing house "Sovetskaya entsyklopediya", 1984.
7. *Suggs S.* Babylon and Assyria. M., Publishing House "Tsentropoligraf", 2004.
8. *Tomsinov V.* History of state and law of foreign countries (Antiquity and the middle ages): Teaching aid for seminars. M.: Publishing House "Zertsalo-M", 2011.

Аль Али Насер Абдель Рахим,

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права
Московского института государственного управления и права

ПРИНЦИП ПРАВА НАРОДА НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ПРАВО НА ОТДЕЛЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Право народа на самоопределение в настоящее время является одним из основополагающих принципов современного международного права, согласованных международным сообществом в момент возникновения освободительных движений и революций, призывающих к независимости. Это право, в начале, было тесно связано с правом народов на их независимость. Однако события, произошедшие в мире из-за падения Берлинской стены и распада Советского Союза и связанных с ними результатов, привели к появлению независимых государств на сепаратистских и этнических основах. Все это привело к изменению прежнего понятия и содержания права на самоопределение, а также к появлению многих дискуссионных вопросов, таких как: право народа на отделение; соотношение принципов права народа на самоопределение и территориальной целостности государств; понятие народа (нации) в международном праве.

Ключевые слова: право на самоопределение, право на отделение, принцип единства и территориальной целостности, этническая общность, международное право

Al Ali Naser Abdel Rahim,

PhD in Law, Associate Professor of Chair of International Law
of the Moscow Institute of Public Administration and Law

THE PRINCIPLE OF THE RIGHT OF PEOPLE TO SELF-DETERMINATION AND THE RIGHT TO THE DIVISION IN INTERNATIONAL LAW

The people's right to self-determination is now one of the fundamental principles of modern international law agreed upon by the international community at the time of the emergence of liberation movements and revolutions calling for independence. This right in the beginning was closely connected with the right of peoples to their independence. However, the events that took place in the world due to the fall of the Berlin Wall and the collapse of the Soviet Union and the results connected with it led to the emergence of independent states on the basis of sectarian or ethnic in the world. All this led to a change in the concept and content of the right to self-determination, and also led to the emergence of many debatable issues, such as the people's right to secession, the essence of the correlation of the principle of the people to self-determination and the territorial integrity of states and the concept of the people (nation) in international law.

Keywords: right to self-determination, right to secession, principle of unity and territorial integrity, ethnic community, international law

Принцип права народа на самоопределение впервые был закреплен в Уставе ООН и получил свое подтверждение во многих международных актах. На сегодняшний день, нет никакого сомнения в том, что данный принцип носит императивный характер (*juscogens*).

Применение принципа народа на самоопределение в отношении этнических групп на территории многих государств, вызывало и продолжает вызывать

многочисленные вопросы. Распад Советского Союза оказал влияние на возникновение межнациональных вооруженных конфликтов во многих государствах по различным причинам. И в результате этих вооруженных конфликтов возник острый вопрос о реализации принципа народа на самоопределение, о праве народа на отделение как одной из форм самоопределения и взаимосвязи данного принципа с принципом территориальной целостности государств. В ходе этих

международных вооруженных конфликтов довольно часто стали обращаться к принципу народа на самоопределение для получения независимости.

Реализация принципа народа на самоопределение всегда сталкивается с принципом территориальной целостности государств. Народы, борющиеся за определение их политического, экономического, социального и культурного статуса ссылаются на принцип народа на самоопределение, а центральная власть всегда опирается на то, что борьба народа за самоопределение противоречит принципу территориальной целостности, единству государства и праву других народов, проживающих на территории конкретного государства. Из этого вытекает, что реализация принципа народа на самоопределение приводит к противоречию принципа территориальной целостности государств, хотя в международном праве установлено, что принципы международного права взаимосвязаны и их нельзя рассматривать по отдельности. Данное положение зафиксировано в декларации о принципах международного права 1970 года: «При истолковании и применении изложенных выше принципов последние являются взаимосвязанными, и каждый принцип должен рассматриваться в свете других принципов» [1].

Право народа на самоопределение имеет две стороны – внешнюю и внутреннюю. Внешняя сторона права на самоопределение возникает, прежде всего, в двух случаях. Первый случай относится к освобождению народов, находящихся под колониальным господством и иностранной оккупацией. Хорошо известно, что в Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам, принятой в 1960г., было установлено право на самоопределение, в связи, с чем начался процесс деколонизации. Статья вторая данной Декларации провозглашает, что «все народы имеют право на самоопределение; в силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и осуществляют свое экономическое, социальное и культурное развитие». Однако это право подлежит ограничениям, которые должны соблюдаться. Среди таких ограничений можно выделить два: во-первых, применение права в пределах территории колонии и, во-вторых, данное право относится ко всем народам со всеми ее этническими, религиозными и культурными компонентами. Международное право гарантирует народам право на самоопределение, при условии уважения и соблюдения принципа территориальной целостности государств. Данное положение закреплено в ст.6 Декларации: «Всякая попытка, направленная на то, чтобы частично или полностью разрушить национальное единство и территориальную целостность страны, несовместима с целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций» [2].

В редком случае право на внешнее самоопределение может возникнуть по соглашению между государством и одной из его составных частей в качестве решения конкретной ситуации или проблемы. Самым последним примером является мирное соглашение, подписанное 9 января 2005 года между правительством Судана и Народно-освободительной армией Судана. Как указано в Соглашении и Временной конституции Судана, обе стороны договорились о нижеследующем:

1. Народ Южного Судана имеет право контролировать и управлять своей территорией и добровольно участвовать в национальном правительстве.
2. Народ Южного Судана имеет право на определение своего будущего статуса с помощью референдума.

Формами реализации права на внешнее самоопределение являются: создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству, объединение с ним, или установление любого другого политического статуса, выбранным народом.

Что касается отдельных «народов» и «этнических групп» той или иной независимой страны, то такие народы не имеют права на одностороннее отделение. В частности, Комитет по ликвидации расовой дискриминации в указанной Общей Рекомендации XXI 1996 года подчеркнул, что «по мнению Комитета, международное право не признаёт права народов на одностороннее отделение от того или иного государства» [3].

Внутренняя сторона права на самоопределение предполагает сохранение за народом права выбирать свой политический статус в государстве, иными словами – право на участие в политической жизни в рамках существующего государства. Это право установлено в соответствии со статьей 1, которая является общей для Международного пакта о гражданских и политических правах и Пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 года. В первом пункте данной статьи говорится, что: «Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие» [4].

Право на участие в политической жизни означает возможность народа быть субъектом государственной власти при разработке и принятии конституции, законов, а также иметь право принимать свои собственные законодательные акты. Все народы, входящие в состав государства имеют одинаковые права без различия расы, вероисповедания или цвета кожи.

Участие в управление государством не ограничивается лишь законодательной властью, а также участием народа в работе федеральных органов ис-

полнительной власти. Федеральная система предполагает существование федеральных институтов, задачей которых является управление общими интересами и обеспечение соблюдения интересов всех, а также их участие в принятии решений, касающихся федерального государства в целом. У федерального государства, в этом случае, больше шансов на выживание, если все этнические группы представлены в федеральном правительстве.

Право на самоопределение народов или групп, проживающих внутри государства, реализуется путем внутреннего самоопределения, а также при активном участии в политической системе этого государства. Участие может быть более эффективным, если система будет основана на принципах плюралистической демократии, верховенства права и уважения прав и свобод человека.

В 1998 году Верховному Суду Канады было предложено ответить на три вопроса по делу, касающегося отделения Квебека. Один из них заключался в том, есть ли право на самоопределение в международном праве, которое дает Квебеку основание на отделение в одностороннем порядке? Суд ответил, что международное право не предоставляет составным частям суверенного государства законное право на одностороннее отделение от государства. Верховный Суд указал, что народы имеют право на внутреннее самоопределение, которое означает «право народа осуществлять свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие в рамках существующего государства». Суд также подтвердил, что право на самоопределение предназначено для колониальных народов и для народов, находящихся под иностранной оккупацией. Верховный суд также отметил, что право на отделение, как форма реализации права на самоопределение, может быть использовано, если народ подвергается серьезному нарушению его основных прав и свобод; неучастие его в принятии национальных решений, а также отсутствие возможности урегулирования конфликтов в рамках существующей государственной системы [5].

В пункте 7 Декларации о принципах международного права 1970г. говорится, что: «Ничто в приведенных выше пунктах не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов, как этот принцип изложен выше, и, вследствие этого, имеющих правительства, представляющие без различия расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на данной территории» [6]. Этот пункт был подтвержден в Венской деклара-

ции и Программе действий Международной конференции по правам человека, состоявшейся в Вене в июне 1993 года. Из этих пунктов мы видим, что:

Право на самоопределение в независимых государствах достигается путем реализации принципа внутреннего самоопределения с участием всего народа в политической жизни на основе равенства и без какой-либо дискриминации.

Государство, которое обеспечивает реализацию внутреннего самоопределения своему народу, имеют право в соответствии с международными нормами на защиту своей территориальной целостности.

Право меньшинства на самоопределение, как таковое, не предусматривается. Следует подчеркнуть, что международное право признает право на самоопределение за народами (нациями) в целом.

Большинство современных государств имеет в своем составе множество национальных меньшинств со своими религиозными, этническими и языковыми особенностями. Государство должно обеспечить этим группам равенство во всех отношениях: гарантировать им охрану своей культуры; свободу вероисповедания; право пользования своим родным языком; защиту прав меньшинств со стороны правоохранительных органов; право на участие в политической жизни государства, в том числе при принятии решений, касающихся национальных меньшинств; создать условия для развития их самобытности. Невыполнение этих условий неизбежно приведет к межнациональным конфликтам и нарушению прав и свобод человека.

В понятие «народ» входит все население, проживающее на той или иной территории, а не отдельные национальные, религиозные, этнические, или языковые группы, поэтому реализация права на самоопределение относится к народу в целом, а национальные меньшинства имеют право только на внутреннее самоопределение.

Если народам, входящим в состав какого-либо государства, комфортно находиться в согласии (условиях мирного сосуществования) друг с другом, то эти народы имеют право на внутреннее самоопределение в форме автономии в рамках федеративного государства. С другой стороны, в случае конфронтации между различными народностями, проживающими на территории конкретного государства, эти народности имеют право на самоопределение в форме отделения и образования своего государства.

Современное международное право исходит из идеи, что реализация права на самоопределение должно осуществляться в пределах территории конкретного государства. В противном случае это приводит к нарушению принципов международного права, таких как принцип территориальной целостности государства и национального единства. Отделение

от государства части территории наносит большой ущерб экономике и влечет грубые нарушения прав человека.

Современное толкование принципа права народа на самоопределение оказало большое влияние на возникновение сепаратистских движений и способствовало росту числа национальных меньшинств, требующих независимости от того государства где они проживают. Такое толкование данного принципа может привести к распаду государства, дроблению и образованию новых государств, что в свою очередь ведет к угрозе международной безопасности и нестабильности в международных отношениях.

Как справедливо отмечает в своем докладе бывший Генеральный секретарь ООН Бутрос Гали «Повестка дня для мира»: «Если каждая этническая, религиозная или языковая группа будет притязать на государственность, то не будет предела дроблению, а всеобщий мир, безопасность, экономическое благополучие станут еще более труднодостижимой целью» [7].

В доктрине международного права сложились два мнения, относительно проблемы права на отделение.

Сторонники права на отделение, ссылаются на сложившуюся международную практику (а именно, на отделение Сенегала от Мали в 1960г., Сингапура от Малайзии в 1965 г., Бангладеш от Пакистана 1974 г., Эритреи от Эфиопии 1993 г., референдум по вопросу отделении Каталонии от Испании в 2017 г., референдум об отделении Курдистана от Ирака), а также на консультативное заключение международного Суда по вопросу соответствия международному праву одностороннего провозглашения независимости временными органами самоуправления Косова. Суд решил, что «Декларация независимости Косова не нарушает международного права» [8].

Сторонники также допускают реализацию права на самоопределение в форме отделения в следующих исключительных случаях:

- если государство не соблюдает право народов на самоопределение, а именно в случае если народ, подвергается серьезному нарушению основных прав и свобод;

- если в Конституции государства с федеративным государственным устройством зафиксировано, что народность (население) субъекта федерации имеет право на отделение. При этом правом на самоопределение в форме отделения обладают именно субъекты федерации, а не более мелкие образования, входящие в состав государства [9].

Однако многие федеральные Конституции содержат положения, прямо или косвенно запрещающие субъектам отделяться. Конституция Соединенных Штатов Америки является наглядным примером, препятствующая отделению штатов от федерального

государства. Такое положение закреплено в Конституции Мексики, Ирака, Бразилии, Нигерии, Индии и Испании. Конституция Испании запрещает автономным сообществам проводить референдумы по отделению. Во второй статье Конституции подчеркивается концепция неделимости испанской нации и испанской территории. Положение Конституции Ирака 2005 года подтверждает единство государства, в том числе статья 1 Конституции, в которой четко указывается, что «Республика Ирак является единственным суверенным и независимым федеральным государством».

Некоторые федеральные Конституции не содержат положения об отделении, в какой бы то ни было форме, такие как Конституция Австралии, Германии и Швейцарии. С другой стороны, существуют уникальные модели Конституций, которые официально предоставили своим территориям право на отделение. Это относится к Конституции Советского Союза 1977 года, Сент-Китс и Невис 1983 года и Конституции Сербии и Черногории от 2003 года, и то же самое относится к Переходной федеральной Конституции Судана 2005 года.

Противники права на самоопределение, ведущего к отделению считают, что право на самоопределение, предусмотренное в международных документах, касается только права народов, находящихся под колониальным господством иностранной оккупации. Право на отделение не относится к внутреннему праву на самоопределение. Такая форма реализации права на самоопределение ведет к нестабильности в международном сообществе, когда каждая группа или меньшинство призывает к праву на самоопределение, независимости. Они также подчеркивают важность ограничения права на самоопределение и допускают его только в связи с освободительными движениями против колониализма.

Противники права на отделение предполагают, что лица, принадлежащие к меньшинствам, имеют право активно участвовать в культурной, религиозной, общественной, экономической и государственной жизни, а также имеют право активно участвовать в принятии на национальном, региональном уровне решений, касающихся того меньшинства, к которому они принадлежат, или тех регионов, в которых они проживают, в порядке, не противоречащем национальному законодательству. На государство возлагается обязанность принимать необходимые меры для обеспечения того, чтобы лица, принадлежащие к меньшинствам, могли в полной мере, эффективно осуществлять все свои права и свободы без какой бы то ни было дискриминации и на основе полного равенства перед законом. Ни одна национальная, этническая или религиозная группа не может требовать осуществления права на отделение и формирование своих собственных государств, поскольку такое поло-

жение будет иметь нелогичные и непрактичные последствия.

Реализация права на внутреннее самоопределение предполагает право народа осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие без вмешательства извне. Наиболее эффективно это может быть реализовано в автономном образовании, т.е. при условии предоставления автономии населению какой-либо территориальной единицы в пределах существующего государства. Автономное образование позволит сохранить этнические особенности тех или иных групп, обеспечит им право участия в государственном управлении на своей территории, право формирования местных органов власти, а также осуществление данного права может быть с помощью создания неполитических автономий (культурной, религиозной, языковой, национальной) для защиты прав лиц, принадлежащих к этим группам.

Отделение «народов» (этнических групп) той или иной независимой страны возможно на основе внутреннего законодательства, т.е. если страна сама признает возможность (право) отделения.

Представители меньшинств трактуют право на самоопределение расширительно, вплоть до отделения. Представители же большинства государств отрицают такое понимание права на самоопределение и стараются трактовать его ограничительно. За меньшинствами признаются только право на внутреннее самоопределение в рамках государства, в котором они проживают.

Для реализации права народа на самоопределение требуется от доктрины международного права и от мирового сообщества сформулировать критерии или основания определения законности требований народов на самоопределения. В числе таких критериев или оснований могут быть: нетерпимость проживания какого-то народа или этнической общности под управлением государства, на территории, которой они проживают; этнический состав населения; историческое право; народное волеизъявление (референдум) [10].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Сущность права народа на самоопределение выражается в обеспечении участия всех народностей в правительстве и в управлении государством без различия расы, национальности;

2. Для того чтобы принцип народа на самоопределение смог отвечать на современные вызовы при его реализации, требуется сформулировать новый подход или взгляд в процессе толкования его, мировому сообществу необходимо разработать и принять соответствующее международное соглашение. В указанном соглашении следует четко определить субъекты на самоопределение и понятие «народ», закрепить способы и формы реализации принципа народа на самоопределение, соотносить данный принцип с принципом территориальной целостности государства и сформулировать четкое определение права народа на самоопределение. Необходимо очертить указанное право более четкими рамками, ограничив его принципом территориальной целостности государства;

3. Также мы считаем, что отделение Южного Судана и Косова нельзя рассматривать как прецедент, который следует применять во всех подобных случаях;

4. В международном праве нет четких норм, запрещающих право на отделение;

5. Все национальные, этнические, религиозные и языковые группы имеют исключительное право на внутреннее самоопределение;

6. В отдельных случаях народы, находящиеся в составе конкретного государства, имеют право на внешнее самоопределение в форме отделения, например, когда эти народы ущемляются в своих правах, а также в случае массового нарушения прав этих народов (совершение геноцида, преступления против человечности);

7. При выборе конкретной формы реализации права на самоопределение должны всегда учитывать права и интересы иных этнических общностей.

Список литературы

1. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций 1970г. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.
2. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 г.
3. Электронный ресурс: <http://mindet.kz/wp-content/uploads/2017/12/1996-Obshhaya-Rekomendatsiya-XXI-k-MKLRD-otnositelno-prava-naroda-na-samoopredelenie.pdf>
4. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966г.. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.
5. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/v/yuridicheskie-konstruksii-v-konstitucionnom-prave-kanady>.
6. Электронный ресурс: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.
7. Бутрос Гали Б. Повестка дня для мира. С. 10. http://www.un.org/ru/siteindex/agenda_forpeace.pdf
8. Консультативное Заключение Международного Суда. <http://www.icj-cij.org/files/case-related/141/141-20100722-ADV-01-00-EN.pdf>.

9. Субъекты права на самоопределение. <http://lawbook.online/pravovoe-regulirovanie-mejdunarodnoe/331-subyekt-prava-15324.html>.
10. *Старовойтова Г.В.* Национальное самоопределение: подходы и изучение случаев. СПб.1999г. с 60.

Reference list

1. Declaration on principles of international law concerning friendly relations and cooperation among States in accordance with the Charter of the United Nations, 1970. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles
2. The Declaration on the granting of independence to colonial countries and peoples, of 1960.
3. Electronic resource: <http://mindet.kz/wp-content/uploads/2017/12/1996-Obshhaya-Rekomendatsiya-XXI-k-MKLRD-otnositelno-prava-naroda-na-samoopredelenie.pdf>
4. The International Covenant on Civil and Political Rights, of 1966. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.
5. Electronic resource: <https://cyberleninka.ru/article/v/yuridicheskie-konstruktsii-v-konstitucionnom-prave-kanady>.
6. Electronic resource: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.
7. *Boutros Boutros-Ghali*. An agenda for peace. С. 10. http://www.un.org/ru/siteindex/agenda_forpeace.pdf
8. Advisory Opinion of the International Court of Justice. <http://www.icj-cij.org/files/case-related/141/141-20100722-ADV-01-00-EN.pdf>.
9. Subjects of the right to self-determination. [http://lawbook.online/pravovoe-regulirovanie-mejdunarodnoe / 331-subyekt-prava-15324.html](http://lawbook.online/pravovoe-regulirovanie-mejdunarodnoe/331-subyekt-prava-15324.html).
10. *Starovoytova G.* National self-determination: approaches and case studies. SBR.1999. P. 60.

Абдрахманов А.И.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя

О СООТНОШЕНИИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ СТИХИИ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВОЛИ В ЛИКВИДАЦИИ ЦАРСКОЙ ПОЛИЦИИ В ХОДЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

В статье поднимается проблема соотношения стихийных и политических факторов в ликвидации царской полиции в ходе Февральской революции 1917 года. Приводится определяющая трактовка упразднения царской полиции Временным правительством. Анализируются исторические реалии, свидетельствующие об отношении общества к полиции, а также формы проявления революционной энергии по отношению к ней. Разбирается соответствующая ситуация в ряде регионов России. Обозначена тема давления революционных организаций на возникающие органы власти с целью ликвидации существующей полиции. Приводятся свидетельства терпимого отношения граждан к старорежимным полицейским, вплоть до привлечения их к службе в новых условиях. На основе разбора сведений с мест, опровергается утверждение о повсеместном революционном погроме полицейских учреждений зимой-весной 1917 года.

Ключевые слова: полиция, упразднение полиции, революционная стихия, воля Временного правительства, отношение к полиции в регионах, привлечение бывших полицейских к службе, народная милиция

Abdrakhmanov A.,

PhD in Law, Associate Professor of Chair of History of State and Law
of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Kikotya

ON THE CORRELATION OF REVOLUTIONARY ELEMENT AND THE POLITICAL WILLPOWER TO ELIMINATE TSARIST POLICE DURING THE FEBRUARY REVOLUTION OF 1917

The article raises the issue of the correlation of spontaneous and political factors in the elimination of the tsarist police during the February revolution of 1917. There is the defining interpretation of the abolition of the tsarist police by the Provisional Government. The article author analyzes historical realities testifying to the attitude of society towards the police, as well as the forms of manifestation of revolutionary energy towards to one. The corresponding situation in a number of regions of Russia is understood. The topic of the pressure of revolutionary organizations on the emerging authorities in order to eliminate the existing police has been set in the article. There are provided evidences of a tolerant attitude of citizens to the police of the old regime, until bringing them to the service in a new environment. On the basis of analysis of data from places, the article author rejects the accusations of widespread revolutionary violence of police facilities in winter-spring of 1917.

Keywords: police, abolishment of police, revolutionary element, willpower of Caretaker Government, regard to police in regions, involvement of former police officers to service, People's Militia

Прошедший 2017 год – год столетия двух революций, знаменовавших окончание насыщенной исторической эпохи. Одним из сметенных революцией институтов, является регулярная полиция Российской империи, упразднение которой произо-

шло практически накануне ее 200-летней годовщины. Долгое время мотивы ликвидации царской полиции считались ясными и безусловными. В тематической литературе утвердилась точка зрения о том, что «заслуженная» этим органом ненависть народных масс

предопределила его разгром и ликвидацию в первые же дни революции.

Высказывалась и различные иные, хотя и основанные на вышеприведенной версии, трактовки. Например, что царскую полицию скоропалительно упразднило Временное правительство, спешившее опередить стихийные проявления народного гнева. Собственную интерпретацию предлагали и большевики, заявляющие, что буржуазная власть ликвидировала полицию не столько исходя из собственной программы, сколько с целью продемонстрировать свою революционность народным массам. Показательно, что даже произошедшую при Временном правительстве амнистию советская историография объясняла скрытым стремлением буржуазии обострить ситуацию для использования вызываемой дестабилизации в собственных интересах [1].

При всей распространенности «определяющей» версии, до сегодняшнего дня в литературе не приводилось, безусловно подтверждающих ее, аргументов. Сам по себе факт разгрома полиции в Петрограде, Москве и некоторых других городах, явно недостаточен для умозаключения о «подлинно народном» и всероссийском характере этого явления. Для более обоснованных выводов необходимо обращение к вопросу о характере и масштабе «антиполицейских» выступлений во взбудораженном революцией обществе. Обращение к обозначенной составляющей революционной стихии позволит прояснить и вытекающие из нее дополнительные аспекты. В числе таковых обозначим проблему соотношения влияния революционной стихии (стихийного фактора) и правительственной воли (политического фактора) в ликвидации российской полиции.

Значение этой проблемы определяется и масштабом негативных последствий, предопределенных «антиполицейской» линией Временного правительства [2]. В отмеченном контексте, обратимся к событиям зимы – лета 1917 г. К тому моменту полиция Российской империи являлась одной из основ охраны существующего порядка, справедливо воспринимаемой «прогрессивной» частью общества как оплот самодержавия, проводник его политики. В условиях развертывания революции, в феврале – марте 1917 г., негативное отношение общества к полиции выразилось в некоторых случаях ее стихийного разгрома. Последние имели место в Петрограде и Москве, а также ряде региональных революционных центров – Кашине, Смоленске, Кременчугеи Ревеле (Таллинне) [3].

И, тем не менее, при обращении к реалиям первых недель революции во всероссийском масштабе, складывается впечатление, что стихийные, направленные против полиции, проявления не приобрели повсеместного масштаба. В этом отношении характерно, что даже когда крушение самодержавия стало

вполне явным, сами полицейские на местах не редко не «накопили» поводов для массового народного гнева в свой адрес и продолжал и исполнять свои обязанности [4]. При этом, известны примеры, когда полиция вызывала «народное» негодование не столько сама по себе, сколько своими действиями по пресечению распространяющихся беспорядков, грабежей и погромов [5]. Мало того, в ряде мест и сами революционные власти допускали возложение охраны общественного порядка на бывших царских «фаранов» [6]. Например, продолжили свою службу многие сотрудники полиции городов Самары, Саратова, Оренбурга и Оренбургской губернии [7].

Никаких фактов столкновений народа с полицией не содержат издания о ходе Февральской революции в Самаре, Вятке и Уфе [7]. В Казани служащие полиции остались на своих местах и даже провели общее собрание, поставив вопрос об отношении «к временному Правительству Государственной Думы» [4]. Довольно консервативно проявили себя Сибирь и Дальний Восток: «Губерниями в Сибири фактически продолжали управлять старые учреждения ... Полиция была заменена милицией, в которой осталось немало старых полицейских чинов» [8]. В Камчатской области «упразднение царских органов власти ... затянулось на несколько месяцев. Полицейские уездные управления кое-где еще продолжали существовать» [6]. Показательно, что даже «Камчатскую пешую жандармскую команду областной комитет и областной комиссар рассматривали в качестве своей опоры для предотвращения «возможности контрреволюции» [6]. Эти факты подтверждают обобщение оренбургских исследователей о том, что «наиболее радикальные меры в отношении полицейских применялись в столицах – чем дальше было от центра, тем мягче население относилось к полиции. Поначалу все свелось к замене названий, многие чины полиции сохранили свои должности ...» [9].

Провинциальная терпимость по отношению к царским «опричникам» вызывала объяснимую обеспокоенность со стороны революционных организаций, призывающих сограждан к большей решительности. Так, Самарский временный рабочий комитет требовал: «... арестовать губернатора, начальника губернского жандармского управления и его помощников; организовать из рабочих народную милицию; ... После длительного сопротивления (выделено автором, – А.А.) «комитет порядка» согласился принять эти требования» [10]. Характерно, что решение о ликвидации самарской полиции, выполняли не непосредственно граждане, а именно революционные учреждения [7].

Как уже отмечалось выше, обошлось без стихийных эксцессов и в Уфе, где 11 марта «Рабочие типографий Уфы направили заявление в Уфимский Совет

рабочих и солдатских депутатов о необходимости разоружения полиции и замены ее народной милицией» [11]. Не менее серьезное революционное давление к упразднению полиции отмечается и за Уралом: в Екатеринбурге, Красноярске, Владивостоке [12]. Как видим, вопрос о мерах против полиции решался в ходе политической борьбы, однако практически нигде в перечисленных случаях инициатором таковых не выступают, собственно, народные массы.

Разумеется, кровавые инциденты все же случались, причем не только в Петрограде и Москве. Как вспоминает один из очевидцев революции в Рыбинске: «... состоялся большой митинг железнодорожных рабочих. Толпа, узнавшая на митинге о совершившемся перевороте и о свободе, бросилась в ненавистное жандармское отделение, где при разоружении жандармов, кем-то из рабочих был убит начальник отделения Сергеев» [13]. Впрочем, убийство жандарма в Рыбинске выглядит единичным, имеющим скорее погромную, нежели революционную природу, случаем [14]. Пример именно революционного действия в подобной ситуации продемонстрировал Вятский исполком, сформулировавший обоснование произведенного им ареста начальника Вятского губернского жандармского управления [5].

Особенностью разоружения полиции в ряде городов европейской части России (Владимир, Воронеж, Царицын, Саратов, Лысьва) [11] явилась опора революционных организаций на охватываемых «красной смутой» солдат тыловых гарнизонов. Видимо, в означенной ситуации, сказалась восприимчивость солдатской массы к революционной пропаганде: «Солдаты искренне верили, что восстановление справедливости означает, что в окопы отправятся жандармы, полицейские, стражники, нестроевики, тыловики, а им надлежит увеличить довольствие, сменить обмундирование, отдохнуть и съездить домой засеять поля» [15].

Обобщение приведенных примеров позволяет заключить, что тезис о «повсеместной» волне народного негодования против полиции не подтверждает-

ся историческими фактами. Стихийная агрессия против полиции, нападения на участки и пр., охватили только столицы и некоторые их крупных региональных революционных центров. В то же время, значительная часть страны (Самара, Саратов, Вятка, Уфа, Оренбург, Сибирь, Дальний Восток) сохраняла терпимое отношение к старорежимным «фараонам». Показательно, что даже в Петрограде, где развернулась наиболее активная «охота» на служащих полиции, известны факты укрывательства последних гражданами [16]. Впрочем, здесь можно предположить, что питерские обыватели спасали полицейских скорее из общего человеколюбия, понимая, какая участь ожидает этих людей, окажись они во власти бунтующих «низов». По мере же удаления от столицы часть местного общества не только сопереживала гонимым полицейским, но и продолжала видеть в них защиту от преступности и нарастающего хаоса. Даже в революционной Москве горожане испытали первые уколы беспокойства, убедившись в отсутствии городских на городских перекрестках [17].

Отмеченные реалии подтверждают ранее высказанное утверждение автора о том, что: «... факты разгрома полицейских и жандармских участков были не настолько массовыми, чтобы полагать, что полиция и жандармерия прекратили свое существование главным образом в результате «стихийного негодования революционных масс» [18]. Соответственно, если при ликвидации полиции и имел место «стихийный» фактор, то он явно не был определяющим. Разбор имеющихся сведений позволяет утверждать, что полиция была ликвидирована именно волевым, оформленным решением буржуазного правительства, то есть под влиянием «политического» фактора. В связи с этим, утверждение о «всемирном» разгроме полиции Российской империи приобретает признаки мифа, инициированного и сформулированного противниками самодержавия. Мотивы происхождения и укоренения этого мифа, могут выступить предметом отдельного исследования.

Список литературы

1. Гончаренко Н.Г., Потапов В.И. В борьбе за власть Советов. Большевики Луганщины в период борьбы за завоевание и упрочение власти Советов (1917-1920 гг.). Выпуск II. Издательство харьковского университета, Харьков, 1968. С. 21.
2. Абдрахманов А.И. Факторы кризиса железнодорожного транспорта в условиях революционного переустройства российского общества 1917-1918 годов. / Вестник ВИПК МВД России. 2012. № 3 (23). С. 87-8.
3. История отечественных органов внутренних дел. Учебник для вузов. М., 2005. С. 128.
4. Алексеев И.Е. Революционные события февраля – марта 1917 г. в Казани: реакция верхов [Электронный ресурс] // Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба. 25 апреля. URL: http://ruskline.ru/analitika/2012/04/25/revolyucionnye_sobytiya_fevralya_marta_1917_g_v_kazani_reakciya_verhov/ (дата обращения: 22.10.2017)
5. Шарин Е.А. Органы правопорядка Вятской губернии: мартовский кризис 1917 г. / «Молодой учёный». № 20 (124). С. 614.
6. Борьба за власть Советов в Сибири и на Дальнем Востоке Томск, 1968. С. 17-18.
7. Алексеев П.М., Карпов И.Е, Тумшиц М.А. Полиция и милиция Самарской губернии (имена, события, факты) 1802-1967. Самара, 2003. С. 35-6.

8. История Сибири с древнейших времён до наших дней. Том 4. Сибирь в период строительства социализма. Ленинград, 1968. С. 27.
9. Третий век на страже правопорядка: очерки истории оренбургской милиции. Оренбург, 2005. С. 62.
10. *Андреев А.М.* Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. Март-октябрь 1917 г. М., 1967.
11. Башкортостан с древнейших времен до наших дней. Хроника основных событий. Уфа, 2007. С. 134.
12. *Смыкалин А.С.* Отголоски февральской буржуазно-демократической революции в Екатеринбурге // Российское право: образование, практика, наука, 2017. № 2. С. 50.
13. *Корнев Н.* Мои воспоминания // Рыбинск в революции, 1917-1922. Рыбинск, 1922. С. 8.
14. *Кочуев И.* Убит при исполнении. [Электронный ресурс] // Сайт «Ярославский регион» 18.01.2006. URL: https://yarreg.ru/articles/sk_news_9_1460/ (дата обращения: 22.10.2017).
15. *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 127.
16. *Иванов А.А., Матиенко Т.Л.* Столичная полиция в условиях революционной вакханалии Февраля 1917 года / Международный журнал конституционного и государственного права 2017. № 3. С. 98-100.
17. Повседневная жизнь Москвы. Очерки городского быта в период Первой мировой войны / Руга В., Кокорев А. М., 2011. С. 524.
18. *Абдрахманов А.И., Харитонов А.Н.* Ликвидации железнодорожной полиции после свержения самодержавия, как один из факторов крушения железнодорожного комплекса революционной России / Вестник ВИПК МВД России 2013. № 4 (28). С.46.
19. *Айнутдинова Л.М.* Февральская революция: запрет черносотенцев, аресты генералов и сравнение демократии с временем Мухаммада [Электронный ресурс] // Интернет-газета «Реальное время» 27.02.2017. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/57452-burzhuznaya-revolyuciya-1917-goda-v-kazanskoj-gubernii> (дата обращения: 22.10.2017).

Reference list

1. *Goncharenko N., Potapov V.* In the struggle for Soviet power. The Bolsheviks of the Luhansk region in the period of struggle for the conquest and consolidation of Soviet power (1917-1920). Issue II. Publishing House of Kharkov University, Kharkov, 1968. P.21.
2. *Abdrakhmanov A.* Factors of the crisis of railway transport in the conditions of the revolutionary transformation of Russian society in 1917-1918. / Bulletin of All-Russian Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. № 3 (23). P. 87-8.
3. The history of the law enforcement agencies. Textbook for higher education institutions. М., 2005. P. 128.
4. *Alekseev I.* The revolutionary events of February – March 1917 in Kazan: The reaction of the leaders [Electronic resource] // Russian folk line. Information and analytical service. 25th of April. URL: http://ruskline.ru/analitika/2012/04/25/revolyucionnye_sobytiya_fevralya_marta_1917_g_v_kazani_reakciya_verhov/ (date of access: 22.10.2017)
5. *Sharin E.* Law enforcement of the Vyatka province, such as the March crisis of 1917 / "Young Scientist". № 20 (124). P. 614.
6. The struggle for Soviet power in Siberia and the Far East, Tomsk, 1968. P. 17-18.
7. *Alekseev P., Karpov I., Tumshis M.* The police and the police of the Samara province (names, events, facts) 1802-1967. Samara, 2003. P. 35-6.
8. History of Siberia from the earliest times to the present day. Volume 4. Siberia in the period of socialist construction. Leningrad, 1968. P.27.
9. The third century the guardian of the rule of law: Essays on the history of the Orenburg police. Orenburg, 2005. P. 62.
10. *Andreev A.* The Soviets of workers and soldiers deputies on the eve of the October. March-October 1917, М., 1967.
11. Bashkortostan from ancient times to the present day. Chronicle of key events. Ufa, 2007. P. 134.
12. *Smykalin A.* Echoes the February bourgeois-democratic revolution in Ekaterinburg // Russian Law: Education, practice, science, 2017. № 2. P. 50.
13. *Kornev N.* My memories // Rybinsk in the revolution, 1917-1922. Rybinsk, 1922. P.8.
14. *Kochuev I.* Killed in performing. [Electronic resource] // Website of "Yaroslavl region" 18.01.2006. URL: https://yarreg.ru/articles/sk_news_9_1460/ (date of access: 22.10.2017).
15. *Buldakov V.* Red distemper. The nature and consequences of revolutionary violence. М., 1997. P. 127.
16. *Ivanov A., Matienko T.* The Metropolitan police in a revolutionary saturnalia of the February of 1917 / International Journal of Constitutional and State Law 2017. №.3. P. 98-100.
17. Everyday life of Moscow. Essays on urban life during the First World War / Ruga V., Kokorев A., 2011. P. 524.
18. *Abdrakhmanov A., Kharitonov A.* The elimination of the railway police after the overthrow of the autocracy, as one of the factors of the collapse of the railway system of revolutionary Russia / Bulletin of All-Russian Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. №. 4 (28). P. 46.
19. *Aynutdinova L.* The February revolution: The prohibition of the black hundreds, the arrest of the generals and the comparison of democracy with the time of Muhammad [Electronic resource] // Internet newspaper "Real time" 27.02.2017. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/57452-burzhuznaya-revolyuciya-1917-goda-v-kazanskoj-gubernii> (date of access: 22.10.2017).

УДК 342.7

Чеботарева А.А.,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Информационно-математические технологии и информационное право» Российского университета транспорта

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ

В статье анализируются актуальные вопросы правового обеспечения информационной безопасности личности в условиях глобального информационного общества.

Целью настоящего исследования является всестороннее комплексное изучение правового обеспечения информационной безопасности. Особое внимание в данной статье уделяется анализу основных направлений нормативно-правового регулирования информационных отношений в субъектах Российской Федерации.

Выделены особенности правового обеспечения региональным законодательством информационной безопасности личности.

Раскрывая заявленную проблематику, автором были использованы методы анализа и синтеза, системного метода и сравнительно-правового анализа.

В итоге проведенного исследования обосновывается вывод о недостаточности правового обеспечения информационной безопасности личности на региональном уровне, фрагментарностью и бессистемностью решения проблем безопасности в информационной сфере в целом.

Ключевые слова: глобальное информационное общество, правовое обеспечение информационной безопасности личности, вызовы и угрозы информационной безопасности, стратегия развития информационного общества, правовая культура информационной безопасности, общество знаний

Chebotareva A.,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Chair "Information-Mathematical Technologies and Information Law" of the Russian University of Transport

ORGANIZATIONAL-LEGAL MAINTENANCE OF INFORMATION SAFETY OF THE PERSONALITY IN THE RUSSIAN FEDERATION REGIONS: TRENDS AND CHALLENGES

The article analyzes the topical issues of legal maintenance of information safety of the personality in the context of the global information society.

The purpose of this study is a comprehensive complex study of the legal maintenance of information safety. In this article particular attention is paid to the analysis of the main directions of normative-legal regulation of information relations in the Russian Federation regions.

The features of legal maintenance of the regional legislation of information safety of the personality are highlighted.

The article author is using methods of analysis and synthesis, the systematic method and comparative legal analysis, revealing the stated issues.

As a result of the conducted study the conclusion about the insufficiency of legal maintenance of information safety of the personality at the regional level is substantiated by fragmentation and unsystematic solution of safety issues in the information sphere as a whole

Keywords: global information society, legal maintenance of information safety of personality, challenges and threats to information safety, strategy of information society development, legal culture of information safety, knowledge society

В последние годы, в условиях стремительного развития информационного государства, информационного общества усиливается роль актов, принимаемых органами государственной власти субъектов Российской Федерации, содержащих информационно-правовые нормы, направленных на регулирование информационных отношений, связанных с поиском, получением, передачей, производством, распространением, преобразованием и потреблением информации, и связанными с ними отношениями.

При регулировании информационных отношений регионального уровня соответствующие законодательные и исполнительные органы власти могут использовать три метода правотворчества:

- а) дублирование норм федеральных законов;
- б) расширение содержания норм федеральных законов, осуществление их детализации;
- в) установление новых норм права.

Несмотря на то, что во многих субъектах Российской Федерации информационной законодательство переживает этап своего становления, в некоторых из них уже накоплен значительный массив законодательных актов, посвященных регулированию информационных отношений, в целом, и проблемам информационной безопасности, в частности. Приведем примеры. При проведении анализа особое внимание нами будет уделено вопросу правового обеспечения региональным законодательством информационной безопасности личности.

Выборка нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации по критерию наличия норм, непосредственно направленных на правовое обеспечение информационной безопасности личности, произведенная на основе данных информационного комплекта «Сводное региональное законодательство» справочной правовой системы «Консультант плюс» позволила сделать следующие выводы.

1. Нормативные акты, направленные на правовое обеспечение информационной безопасности личности и, соответственно, содержащие в своих текстах само понятие «информационная безопасность личности» присутствуют в 24 из 85 регионов Российской Федерации: Москве, Санкт-Петербурге и Ленинградской области, Калининградской области, Тульской области, Ставропольском крае, Мурманской области, Томской области, Вологодской области, Красноярском крае, Орловской области, Краснодарском крае, Волгоградской области, Республики Хакасия, Республики Марий Эл, Сахалинской области, Ивановской области, Республики Саха (Якутия), Кемеровской области, Республики Мордовия, Саратовской области, Республики Татарстан, Пермском крае, Смоленской области, Оренбургской области, Еврейской автономной области, Республики Тыва, Республики

Карелия, Республики Алтай, Ханты-Мансийском автономной округе – Югра.

2. Нормативные акты, направленные на правовое обеспечение информационной безопасности личности, представлены не только нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, но также нормативными и иными правовыми актами представительных органов муниципальных образований. В качестве примеров таких актов можно назвать: Решение Совета депутатов муниципального образования городское поселение город Соль-Илецк Оренбургской области от 20.03.2013 №215 «О Концепции по информационной политике органов местного самоуправления муниципального образования городское поселение город Соль-Илецк» (вместе с «Концепцией по информационной политике органов местного самоуправления муниципального образования городское поселение город Соль-Илецк»), Постановление Администрации Сокольского муниципального района от 20.10.2014 №414 (ред. от 12.01.2016) «Об утверждении муниципальной программы «Развитие информационного общества в Сокольском муниципальном районе на 2015 – 2017 годы» [12] (Вологодская область), Постановление администрации муниципального образования Плавский район от 09.02.2009 №53 «Об утверждении Концепции «Информационная политика администрации муниципального образования Плавский район» (Тульская область) [10] и др.

3. В ряде регионов приняты и реализуются Концепции защиты информации (информационной безопасности), выполняющие роль методологической основы для разработки и реализации в органах государственной власти, органах местного самоуправления и организациях субъектов РФ: 1) правового, нормативно-методического, научно-технического и организационного обеспечения защиты информации; 2) единой технической политики в области применения информационных технологий и использования систем безопасности и средств защиты информации; 3) плана создания и развития комплексной системы защиты информации, включающей в себя комплекс мер и мероприятий по ее практической реализации.

Примерами таких Концепций выступают: Концепция защиты информации в Республике Карелия [7], Концепция информационной безопасности Республики Саха (Якутия) [8].

Так, Концепцией защиты информации в Республике Карелия в разделе 5 «Основные объекты защиты информации» отдельно выделены объекты защиты в сфере обеспечения информационной безопасности личности. Это: 1) сведения, составляющие личную, семейную, врачебную тайну, адвокатскую тайну, тайну нотариальных действий, предварительного следствия и другие; 2) личная информация, передаваемая

по техническим и иным средствам связи; 3) система обеспечения конфиденциальности информационного обмена между частными лицами; 4) информационные ресурсы, содержащие персональные данные.

4. В ряде случаев вопросы информационной безопасности личности затрагиваются в связи с реализацией политических прав личности, в частности избирательных прав граждан и права на участие в референдуме в информационной сфере, при определении задач информационной политики в данной сфере. Так, Концепцией информационной политики для Избиркома Волгоградской области [9] определены задачи в сфере реализации мер информационной безопасности:

- защита законных прав граждан на личную тайну, конфиденциальность персональных данных, имеющихся в информационных системах Комиссии;
- предотвращение любых форм незаконного вмешательства в информационные ресурсы и информационные системы Комиссии, обеспечение правового режима обращения с информацией и документацией как с объектом ее собственности;
- предотвращение несанкционированных действий по уничтожению, модификации, искажению, копированию, блокированию информации, а также ее утраты;
- сертификация создаваемых средств и систем обеспечения информационной безопасности, используемых для создания единого информационного пространства;
- создание условий по обеспечению конфиденциальности служебной информации Комиссии, а также режима секретности;
- предотвращение угрозы информационной безопасности личности, общества, государства.

5. На правовое обеспечение информационной безопасности личности направлены также ряд нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, нормативных и иных правовых актов представительных органов муниципальных образований в связи с реализацией законодательства с области распространения и предоставления информации о деятельности государственных и муниципальных органов, предоставления ими услуг в электронном виде. Так, в соответствии с Решением Сычевской районной Думы от 21.12.2009 №410 «Об утверждении Положения о предоставлении информации о деятельности органов и должностных лиц органов местного самоуправления муниципального образования «Сычевский район» Смоленской области» [13] обеспечение информационной безопасности личности и общества при предоставлении информации – один из основных принципов реализации права на доступ к информации о деятельности органов и должностных лиц органов местного самоуправления. В свою очередь,

Постановление администрации Промышленновского района от 18.12.2009 №61 «Об утверждении административного регламента оказания муниципальной услуги по предоставлению гражданам информации о деятельности органов и должностных лиц местного самоуправления Промышленновского района» [11] (Кемеровская область) к основному требованию к информации о деятельности органов и должностных лиц местного самоуправления также относит обеспечение информационной безопасности личности, общества и государства при предоставлении информации.

Приведем также примеры нормативных правовых актов Москвы и Московской области в области правового обеспечения информационной безопасности личности.

Основу информационного законодательства города Москвы составляет закон от 24.10.2001 №52 (ред. от 07.05.2014) «Об информационных ресурсах и информатизации города Москвы» [1], статья 12 которого посвящена вопросу обеспечения информационной безопасности. Законом установлено, что органы власти города Москвы и иные организации, участвующие в работах по информатизации города Москвы, в формировании и использовании информационных ресурсов, в создании и эксплуатации информационных систем, обязаны соблюдать требования федерального законодательства о защите информации и обеспечении информационной безопасности.

Руководители указанных органов власти и организаций осуществляют, в том числе путем создания служб информационной безопасности, мероприятия по:

- правовому, организационному и техническому обеспечению безопасности информационных ресурсов, информационных систем, средств связи и информационных сетей;
- разграничению объемов и содержания информации, которая может быть доступна различным категориям пользователей;
- выявлению угроз информационной безопасности в процессе выбора и приобретения аппаратных и программных средств, создания и эксплуатации информационных систем, их профилактике и предупреждению, а также ликвидации неблагоприятных последствий в случае их наступления, включая возмещение материального ущерба;
- соблюдению условий хранения и защиты электронных и иных документов, обеспечивающих сохранение идентифицирующих их атрибутов;
- соблюдению установленных правил использования средств криптографической защиты.

В целях осуществления координации деятельности органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, а также предприятий и организаций города Москвы по реализации политики Российской Федерации в сфере обеспечения инфор-

мационной безопасности в городе Москве распоряжением Мэра Москвы от 21.04.2003 №144-РМ создана и функционирует Комиссия по информационной безопасности при Мэре Москвы [2].

На Комиссию по информационной безопасности при Мэре Москвы возложены такие функции, как:

- анализ и прогнозирование ситуации в области информационной безопасности на объектах информатизации города Москвы.

- выявление и оценка внешних и внутренних угроз информационной безопасности и подготовка предложений по их предотвращению.

- анализ выполнения в городе Москве федеральных и городских законов, указов и распоряжений Мэра Москвы, городских целевых программ, направленных на обеспечение информационной безопасности.

- рассмотрение предложений органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, а также предприятий города Москвы по вопросам обеспечения информационной безопасности.

- подготовка Мэру Москвы информационных материалов о состоянии информационной безопасности в городе Москве, предложений по решению актуальных проблем обеспечения информационной безопасности в городе Москве, совершенствованию системы информационной безопасности, предложений по внесению необходимых изменений и дополнений в нормативные правовые акты, направленные на обеспечение информационной безопасности.

В качестве других примеров актов информационного законодательства г. Москвы – закон г. Москвы от 12 марта 2014 г. №9 «Об обеспечении открытости информации и общественном контроле в сферах благоустройства, жилищных и коммунальных услуг», постановление Правительства Москвы от 15 апреля 2014 г. №182-ПП «Об автоматизированной информационной системе «Узнай Москву».

В свою очередь, среди актов Московской области, направленных на решение задач правового обеспечения информационной безопасности личности: Закон Московской области от 10.07.2009 №80/2009-ОЗ (ред. от 27.07.2013) «О государственных информационных системах Московской области и обеспечении доступа к содержащейся в них информации» [3], постановление Правительства МО от 27.11.2002 №573/46 (ред. от 15.01.2007) «Об утверждении Положения о порядке обращения с информацией ограниченного доступа в исполнительных органах государственной власти Московской области, государственных органах и государственных учреждениях Московской области» [4] и др.

Анализ принципов, на которых строится государственная политика Московской области в сфере создания, развития и использования информаци-

онных систем и технологий показал, что обеспечение прав и свобод граждан входит в число приоритетных вопросов политики, однако слово «безопасность» в документе встречается всего дважды – при формулировке одного из принципов – «проведение единой политики информационной безопасности государственных информационных систем Московской области», а также при регламентации порядка создания государственных информационных систем Московской области – «Государственные информационные системы Московской области создаются и эксплуатируются с учетом требований по защите информации, установленных федеральным органом исполнительной власти в области обеспечения безопасности и федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в области противодействия техническим разведкам и технической защиты информации».

Постановлением Правительства Московской области от 27.11.2002 №573/46 (ред. от 15.01.2007) «Об утверждении Положения о порядке обращения с информацией ограниченного доступа в исполнительных органах государственной власти Московской области, государственных органах и государственных учреждениях Московской области» установлены обязанности должностных лиц государственных органов по защите информации конфиденциального характера и ответственность за разглашение конфиденциальной информации, а также за разглашение информации конфиденциального характера, а также предусмотрена ответственность за нарушение порядка обращения с машинными носителями информации и документами, содержащими такую информацию, за нарушение режима защиты, обработки и порядка использования этой информации.

Постановлением Правительства МО от 31.10.2016 №806/37 утверждено Положение об информационной системе Московской области «Электронный муниципалитет» [5]. Электронный муниципалитет как система создается в целях:

- унификации процедур оказания государственных и муниципальных услуг, в том числе в электронном виде, на территории Московской области;

- организации информационного взаимодействия исполнительных органов государственной власти Московской области, государственных органов Московской области, органов местного самоуправления муниципальных образований Московской области в процессе предоставления государственных и муниципальных услуг на территории Московской области;

- автоматизации деятельности по контролю за предоставлением государственных и муниципальных услуг на территории Московской области, осуществляемому в порядке, установленном Правительством Московской области.

Документом установлено, что Оператор Системы «Электронный муниципалитет» – Министерство государственного управления, информационных технологий и связи Московской области – обеспечивает функционирование Системы, включая работоспособность программных и технических средств Системы; эксплуатацию и развитие Системы, в том числе в части сопровождения технического и программного обеспечения Системы, включая закупку необходимого технического и программного обеспечения; прием, хранение, предоставление данных Системы; целостность и доступность данных Системы для участников информационного взаимодействия; защиту информации, создаваемой и обрабатываемой в рамках функционирования Системы, включая персональные данные, в соответствии с требованиями, установленными федеральным законодательством и законодательством Московской области и пр.

Необходимо отметить, что вопросу обеспечения информационной безопасности органами государственной власти субъектов Российской Федерации придается все больше значения. Так, в структуре многих региональных исполнительных органов власти создаются специализированные отделы, управления, деятельность которых направлена на комплексное решение проблемы информационной безопасности. К примеру, такой структурой является Управление информатизации и защиты информации Министерства здравоохранения Московской области. Положение о нем утверждено Распоряжением Минздра-

ва МО от 07.04.2017 №51-Р [6]. В числе закрепленных функций Управления: организация проведения комплекса мероприятий по адаптации и внедрению сертифицированных аппаратно-программных средств защиты информации от компьютерных вирусов, несанкционированного доступа, разрушения, других воздействий и угроз информационной безопасности Министерства и государственных учреждений Московской области, разработка с учетом требований нормативных правовых актов Российской Федерации методических указаний, типовых положений, инструкций и других документов, регламентирующих организацию и обеспечение безопасности информационных ресурсов, содержащих персональные данные и государственную тайну, в Министерстве, проведение анализа состояния и качества технических средств защиты информации и информационных ресурсов, используемых при защите сведений, содержащих персональные данные или государственную тайну, в Министерстве, и координация проведения данной деятельности в государственных учреждениях Московской области.

В целом ознакомление с практикой формирования регионального законодательства по вопросу правового обеспечения информационной безопасности личности показало недостаточность правового обеспечения информационной безопасности личности на региональном уровне, фрагментарностью и бессистемностью решения проблем безопасности в информационной сфере.

Список литературы

1. Закон города Москвы от 24.10.2001 №52 (ред. от 07.05.2014) «Об информационных ресурсах и информатизации города Москвы» // Вестник Мэрии Москвы. №44. ноябрь 2001.
2. Распоряжение Мэра Москвы от 21.04.2003 №144-РМ «О создании Комиссии по информационной безопасности при Мэре Москвы» (вместе с «Положением о Комиссии по информационной безопасности при Мэре Москвы» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. №25. 07.05.2003.
3. Закон Московской области от 10.07.2009 №80/2009-ОЗ (ред. от 27.07.2013) «О государственных информационных системах Московской области и обеспечении доступа к содержащейся в них информации» // Ежедневные Новости. Подмосковье. №133. 18.07.2009.
4. Постановление Правительства МО от 27.11.2002 №573/46 (ред. от 15.01.2007) «Об утверждении Положения о порядке обращения с информацией ограниченного доступа в исполнительных органах государственной власти Московской области, государственных органах и государственных учреждениях Московской области» // Информационный вестник Правительства МО. №12. 27.12.2002.
5. Постановление Правительства МО от 31.10.2016 №806/37 «Об информационной системе Московской области «Электронный муниципалитет» // (вместе с «Положением об информационной системе Московской области «Электронный муниципалитет») // Информационный вестник Правительства МО. №2. 28.02.2017.
6. Распоряжение Минздрава МО от 07.04.2017 № 51-Р «Об утверждении Положения об Управлении информатизации и защиты информации Министерства здравоохранения Московской области» (вместе с «Положением об отделе защиты информационных ресурсов и систем в Управлении информатизации и защиты информации Министерства здравоохранения Московской области», «Положением об отделе информатизации и программного обеспечения в Управлении информатизации и защиты информации Министерства здравоохранения Московской области») // Документ опубликован не был.
7. Распоряжение Главы Республики Карелия от 31.08.2012 №323-р «Об одобрении Концепции защиты информации в Республике Карелия» // Собрание законодательства РК. №8. Август. 2012. Ст. 1443.
8. Указ Президента РС (Я) от 22.12.2004 №1900 «О Концепции информационной безопасности Республики Саха (Якутия)» (вместе с «Концепцией информационной безопасности Республики Саха (Якутия)») // Якутия. №241. 25.12.2004.

9. Постановление Избиркома Волгоградской обл. от 12.02.2013 № 91/466-5 «О Концепции информационной политики Избирательной комиссии Волгоградской области» // Документ опубликован не был.
10. Постановление администрации муниципального образования Плавский район от 09.02.2009 №53 «Об утверждении Концепции «Информационная политика администрации муниципального образования Плавский район» // Плавская новь. №7. 21.02.2009.
11. Постановление администрации Промышленновского района от 18.12.2009 №61 «Об утверждении административного регламента оказания муниципальной услуги по предоставлению гражданам информации о деятельности органов и должностных лиц местного самоуправления Промышленновского района» (Кемеровская область) // Эхо. №100. 26.12.2009.
12. Решение Совета депутатов муниципального образования городское поселение город Соль-Илецк Оренбургской области от 20.03.2013 №215 «О Концепции по информационной политике органов местного самоуправления муниципального образования городское поселение город Соль-Илецк» (вместе с «Концепцией по информационной политике органов местного самоуправления муниципального образования городское поселение город Соль-Илецк»), Постановление Администрации Сокольского муниципального района от 20.10.2014 №414 (ред. от 12.01.2016) «Об утверждении муниципальной программы «Развитие информационного общества в Сокольском муниципальном районе на 2015 – 2017 годы» // Сокольская правда. №82. 28.10.2014 (постановление).
13. Решение Сычевской районной Думы от 21.12.2009 №410 «Об утверждении Положения о предоставлении информации о деятельности органов и должностных лиц органов местного самоуправления муниципального образования «Сычевский район» Смоленской области» // Сычевские вести. №133-134. 26.12.2009.

Reference list

1. The Law of the city of Moscow of 24.10.2001 №52 (edition of 07.05.2014) "On information resources and informatization of the city of Moscow" // Bulletin of the City Hall of Moscow. №44. November, 2001.
2. The Order of the Mayor of Moscow of 21.04.2003 №144-PM "About creation of the Commission on information safety at the Mayor of Moscow" (in addition to "Regulations on the Commission on information safety at the Mayor of Moscow" // Bulletin of the Mayor and the Government of Moscow. №25. 07.05.2003.
3. The Law of the Moscow region dated 10.07.2009 №80/2009-OZ (edited on 27.07.2013) "On state information systems the Moscow region and providing access to the information contained therein" // Daily news. Podmoskov'e. №133. 18.07.2009.
4. The Resolution of the Government of Moscow region of 27.11.2002 №573/46 (edition of 15.01.2007) "On approval of the Regulations on the procedure for the handling of restricted information in the executive authorities of state power of the Moscow region, the government agencies and public institutions of the Moscow region" // Information Bulletin of the Government of Moscow region. №12. 27.12.2002.
5. The Resolution of the Government of Moscow 31.10.2016 №806/37 "About the information system of the Moscow region "E-municipality" // (in addition to "Position about the information system of the Moscow region "E-municipality") // Information Bulletin of the Government of Moscow region. №2. 28.02.2017.
6. The Order of Ministry of Health of the Moscow region 07.04.2017 №51-P "On approval of the Regulations on the management of informatization and protection of information of Ministry of Health of Moscow region" (in addition to "Position about Department of defense information resources and systems in the management of informatization and protection of information of Ministry of Health of Moscow region", "Regulation on Department of information and software in the management of informatization and protection of information of Ministry of Health of Moscow region") // This Document has not been published.
7. The Order of the head of the Republic of Karelia dated 31.08.2012 №323-p "On approval of the conception of information protection in the Republic of Karelia" // Legislation Assembly of the Republic of Karelia. №8. August. 2012. Art. 1443.
8. The Decree of the President of the Republic of Sakha (Yakutia) dated 22.12.2004 №1900 "On the conception of information safety of the Republic of Sakha (Yakutia)" (in addition to "The conception of information safety of the Republic of Sakha (Yakutia)") // Yakutia. №241. 25.12.2004.
9. The Resolution of the Election Commission of the Volgograd region of 12.02.2013 №91/466-5 "On the conception of information policy of the Election Commission of the Volgograd region" // This Document has not been published.
10. The Decision of Administration of municipal formation Plavskiy district from 09.02.2009 №53 "On approval of the conception of "Information policy of Administration of municipal formation Plavskiy district" // Plavskaya Nov'. №7. 21.02.2009.
11. The Resolution of Administration of the Promyshlennovskiy district of 18.12.2009 №61 "On approval of administrative regulations of rendering the municipal service in providing to citizens information on activity of authorities and officials of local government of the Promyshlennovskiy district" (Kemerovo region) // Ekho. №100. 26.12.2009.
12. The Decision of Council of deputies of municipality city settlement of Sol'-Iletsck of the Orenburg region of 20.03.2013 №215 "About the conception on information policy of local governments of municipality the city

settlement the city of Sol'-Iletsk" (in addition to "The conception on information policy of local governments of municipality the city settlement the city of Sol'-Iletsk"), the Resolution of Administration of the Sokol'skiy municipal district of 20.10.2014 №414 12.01.2016) "On approval of the municipal program". Development of information society in Sokol'skiy municipal district for 2015-2017" // Sokol'skaya Pravda. №82. 28.10.2014 (The Resolution).

13. The Decision of the Sychevskiy district Council from 21.12.2009 №410 "On approval of the regulations on granting the information on activity of authorities and officials of local self-government of the municipal entity "Sychevskiy district" of Smolensk region" // Sychevskie Vesti. №133-134. 26.12.2009.

УДК 340

Иголина Н.А.,

кандидат юридических наук, заведующая отделом Научно-исследовательского института Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

Ережипалиев Д.И.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры общей юриспруденции и правовых основ безопасности Национального Исследовательского Ядерного Университета, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации

ПРОФИЛАКТИКА ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

В статье на основе анализа действующего законодательства и правоприменительной практики освещены актуальные проблемы профилактики девиантного поведения несовершеннолетних. Предлагаются пути их решения. Отмечается, что на профилактике девиантного поведения несовершеннолетних сказываются многочисленные нарушения в деятельности администраций указанных учреждений. Сделан вывод о том, что необходимо разработать механизм конструктивного межведомственного взаимодействия учебно-воспитательных учреждений для детей с девиантным поведением, выпускающих детей, с органами управления образованием, социальной защиты, занятости, образовательными учреждениями.

Ключевые слова: профилактика, специальные учебно-воспитательные учреждения, несовершеннолетние, девиантное поведение, принудительные меры воспитательного воздействия

Igonina N.,

PhD in Law, Head of the Department
of the Research Institute of Academy of the Prosecutor's General Office of the Russian Federation

Erezhipaliev D.,

PhD in Law, Associate Professor of Chair of General Jurisprudence and Legal Bases of Security
of the National Research Nuclear University, Senior Researcher of the Research Institute of Academy
of the Prosecutor's General Office of the Russian Federation

PREVENTION OF DEVIANT BEHAVIOR OF MINORS: ISSUES AND WAYS OF SOLUTION

In the article there have been covered topical issues of prevention of the deviant behavior of minors on the basis of the analysis of the current Russian legislation and law enforcement practice. Ways of their solution are offered. It is noted that prevention of the deviant behavior of minors is affected by numbers violations in the activity of the administrations of the mentioned organizations. It is concluded that it is necessary to develop a mechanism of constructive interdepartmental interaction of teaching-educational institutions for children with deviant behavior, turning out children with management authorities by education, social protection, employment, educational institutions.

Keywords: prevention, subject-oriented teaching-educational institutions, minors, deviant behavior, enforcement measures of educational influence

На протяжении последних лет на фоне неблагоприятной социально-экономической ситуации продолжает расти и увеличиваться социальное неблагополучие детей и подростков в России. Социальная обездоленность охватила значительную часть

нашего населения, она вызывает и обостряет такие ранее скрытые для общества проблемы, как нужда и бедность, инвалидность, национальные и психологические конфликты, стрессовые ситуации, безработица, бездомность, алкоголизм, наркомания и преступ-

Как цитировать статью: Иголина Н.А., Ережипалиев Д.И. Профилактика девиантного поведения несовершеннолетних: проблемы и пути решения // Вестник Академии права и управления. 2018. № 1(50). с. 74–79

ность. Неблагополучные отношения в семьях, жестокость и насилие в отношении детей, унижение их достоинства и принуждение к противоправному поведению становятся фактами повседневной жизни для многих малолетних и несовершеннолетних [1, с. 99]. Данные обстоятельства сказываются на искажении условий ранней социализации детей и приводят их к аморально-криминальному окружению с естественным риском вовлечения в преступную деятельность.

С учетом последних трагических событий в январе текущего года в г. Перми, Челябинской области и г. Улан-Удэ, связанных с вооруженными нападениями подростков в школах, все больше актуализируются вопросы профилактики девиантного поведения несовершеннолетних.

Важная роль в такой профилактике принадлежит специальным учебно-воспитательным учреждениям. Федеральный закон от 24.06.1999 №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (далее – Федеральный закон от 24.06.1999 №120-ФЗ) предусматривает два типа специальных учебно-воспитательных учреждений: открытый и закрытый.

Указанные учреждения создаются для детей и подростков с девиантным поведением и призваны обеспечить их психологическую, медицинскую и социальную реабилитацию, включая коррекцию их поведения и адаптацию в обществе, а также создание условий для получения ими начального общего, основного общего, среднего (полного) общего и начального профессионального образования.

Особое место в системе профилактики правонарушений несовершеннолетних отводится специальным учебно-воспитательным учреждениям закрытого типа (далее – СУВУЗТ).

В среднем примерно 20% несовершеннолетних, помещаемых в СУВУЗТ, составляют несовершеннолетние, достигшие возраста, с которого наступает уголовная ответственность, совершившие преступления средней тяжести или тяжкие преступления и освобожденные судом от наказания по ч.2 ст. 92 УК РФ.

Однако в условиях ухудшения качественной характеристики преступности несовершеннолетних возможности применения к несовершеннолетним правонарушителям такой меры воспитательного воздействия, как помещение в СУВУЗТ, не всегда используются в полном объеме [2, с. 98].

Так, почти каждое пятое преступление, совершенное несовершеннолетними (10 238), относится к категории тяжких и особо тяжких (в 2017 г. – 22,6%, в 2016 г. – 21,5%, в 2015 г. – 21,8%). По сравнению с прошлым годом увеличилось число особо тяжких преступлений (в 2017 г. – 1863, в 2016 г. – 1632, в 2015 г. – 2168). Стабильно высокой остается доля несовершеннолетних, ранее совершавших преступления, от

общего числа подростков, совершивших преступления: в 2017 г. – 25,9% (11 022), в 2016 г. – 26,3% (12 778), в 2015 г. – 25,5% (14 306) [1].

В первом полугодии 2017 года принудительные меры воспитательного воздействия с освобождением от уголовной ответственности применены лишь в отношении 5,9% несовершеннолетних, совершивших преступления (1046 из 17 668), в 2016 г. – 6% (2604 из 43 116), в 2015 г. – 4,7% (2045 из 43 806) [2]. Освобождены от наказания в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия 4,2% (434 из 10 286) несовершеннолетних (в 2016 г. – 4,7% (1114 из 23 912), в 2015 г. – 4,2% (959 из 22 816)), из которых 1,9% (198) помещены в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа (в 2016 г. – 1,6% (392), в 2015 г. – 1,5% (362)) [3].

Очевидно, что применение принудительных мер воспитательного характера в свете гуманизации уголовного законодательства и практики его применения представляется недостаточным.

По данным ФСИН России, за последние годы имеет место стойкая тенденция к снижению числа несовершеннолетних – воспитанников колоний (табл. 1), хотя социальная значимость профилактики преступности несовершеннолетних, воспитания, реабилитации детей с девиантным поведением с каждым годом растет.

О сохраняющейся сложности обозначенных выше проблем можно судить по качественному составу несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях. При сокращающейся из года в год их среднесписочной численности, в общей сложности на 25,6%, качественный состав воспитанников в целом ухудшается, сохраняются проблемы школьной и социальной дезадаптации, занятости детей и подростков [3, с. 12]. В специальных исследованиях отмечается растущий уровень девиантного поведения подростков, рост количества совершенных ими антиобщественных действий и преступлений [3, с. 13].

Нельзя не отметить, что специальные учебно-воспитательные учреждения для несовершеннолетних ориентированы на приоритет реабилитационных мер, укрепление физического, педагогического, социального, психологического и профессионально-трудового статуса ребенка (подростка), подготовку воспитанников к конструктивной социальной самореализации после выпуска.

Однако нередко можно констатировать обратный эффект от всех применяемых мер к подростку – его социальную дезадаптацию, то есть неспособность к социальной жизни в нормальном обществе, нарушения процессов социального развития, социализации, проявляющихся в асоциальных формах поведения и деформации системы внутрен-

Таблица 1.

Численность осужденных несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательных колониях¹

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Содержалось несовершеннолетних в воспитательных колониях – всего	8550	5970	4053	2808	2289	1983	1776	1683	1655
в том числе по полу:									
Женщины	581	383	285	200	113	110	95	93	119
Мужчины	7969	5587	3768	2608	2176	1873	1681	1590	1536

ней регуляции и социальных установок. У подростков это приводит к бродяжничеству, аморальному поведению, новым правонарушениям и преступлениям, алкоголизму и наркомании. В ряде случаев именно специальное учебно-воспитательное учреждение (колония) является местом вовлечения подростка в преступное сообщество в будущем.

К причинам таких результатов можно отнести: серьезные недостатки образовательного и воспитательного свойства как в системе специальных учебно-воспитательных учреждений, так и в системе постинтернатной адаптации выпускников таких учебно-воспитательных учреждений (особенно закрытого типа); недостаток квалифицированных кадров для работы с такими трудными детьми (психологов, педагогов, социальных педагогов); психологическую неготовность педагогов общеобразовательных учреждений для работы с детьми, возвратившимися из учебно-воспитательных учреждений, и возврат детей в прежнюю негативную социальную микросреду (семья, друзья, окружение).

Кроме того, негативным образом на профилактике девиантного поведения несовершеннолетних сказываются многочисленные нарушения в деятельности администраций указанных учреждений.

Всего в 2017 г. прокурорами выявлено 11 290 (в 2016 г. – 16 316, в 2015 г. – 14 876) нарушений законов в специальных воспитательных и интернатных учреждениях. С целью их устранения опротестовано 459 незаконных правовых актов, внесено 2448 представлений, по результатам рассмотрения которых к дисциплинарной ответственности привлечено 3201 лицо, по направленным прокурорами материалам в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ возбуждено 8 уголовных дел. В защиту прав несовершеннолетних в суды направлено 1243 иска (заявления). О недопустимости нарушения закона предостережено 173 должностных лица².

Приведенные данные свидетельствуют, что нарушения в рассматриваемой по-прежнему носят распространенный характер. Это вызывает необходимость принятия мер не только по устранению выявленных нарушений, восстановлению нарушенных прав несовершеннолетних, но и по предупреждению подобных нарушений.

В этих условиях особое значение для обеспечения законности в рассматриваемой сфере приобретает деятельность органов прокуратуры.

Согласно приказу Генерального прокурора Российской Федерации от 26.11.2007 №188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи», а также учитывая рекомендации Пекинских правил и требования Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации вопросы соблюдения прав осужденных несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательных колониях, определены в качестве значимых и требующих постоянного внимания органов прокуратуры.

Анализ практики прокурорского надзора свидетельствует, что в нарушение Федерального закона от 24.06.1999 №120-ФЗ, во многих учреждениях не созданы необходимые условия для надлежащего содержания и воспитания несовершеннолетних, требующих специального педагогического подхода, направленного на профилактику противоправного поведения. В результате распространенным явлением стало совершение воспитанниками побегов и новых общественно опасных деяний.

Так, по итогам проверок прокуратурой Иркутской области в 2016-2017 гг. вносились представления в адрес администрации учреждения и министерства образования.

В частности, по результатам рассмотрения представления внесенного директору спецшколы в июле 2017 г. в связи с самовольным уходом воспитанников к дисциплинарной ответственности привлечены заместители директора по режиму и учебно-воспитательной работе, сотрудник службы режима, воспитатель. Несмотря на принимаемые школой меры, в том числе по результатам рассмотрения документов прокурорского реагирования, воспитанниками

¹ Официальный сайт Росстата. Раздел: Семья, материнство, детство. Табл. 5.1. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/pop (дата обращения: 07.03.2018).

² Сводный отчет по Российской Федерации по форме ОН «Надзор за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина».

учреждения допущены противоправные действия в виде массового самовольного ухода. 31.07.2017 во время прогулки в 12 ч. 25 мин. трое воспитанников покинули территорию спецшколы, преодолев 4-метровый бетонный забор. Воспользовавшись ситуацией, когда сотрудники школы проводили розыскные мероприятия, в 17 ч.10 мин. этого дня еще 12 воспитанников самовольно ушли за пределы территории. В период с 1 по 8 августа 2017 г. все сбежавшие воспитанники разысканы и возвращены.

Проверкой, проведенной прокуратурой по данному факту, установлено, что администрацией предприняты попытки самостоятельного розыска несовершеннолетних, сообщение в органы полиции об инциденте незамедлительно передано не было, что затруднило поиск правонарушителей. Кроме того, установлено, что действующим в спецшколе Положением о службе режима не регламентирован алгоритм действий сотрудников данной службы в случае чрезвычайной ситуации в учреждении (массовый побег воспитанников, массовая драка, нападение на сотрудников учреждения и т.п.). Изучение видеозаписи с камер наружного наблюдения показало, что сотрудниками службы режима мер к предотвращению самовольного ухода не принято, что является результатом отсутствия надлежаще организованных и слаженных действий указанных работников. Прокуратурой города на указанное Положение принесен протест.

Подобным фактам, связанным с самовольным уходом воспитанников из учетно-воспитательных учреждений, способствует непринятие администрациями учреждений мер по улучшению морально-психологического климата в коллективе, что обуславливает необходимость проведения психодиагностического обследования воспитанников и сотрудников спецшкол на системной основе.

К примеру, результаты такого обследования, проведенного по поручению прокуратуры г. Усоля-Сибирского государственным автономным учреждением Иркутской области «Центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи», показали, что у 47% работников спецшколы наблюдается повышенный уровень стресса, у 23% – высокий уровень стресса. Анализ анкетирования несовершеннолетних показал, что у большинства из них (62%) наблюдается некомфортное эмоциональное состояние, что указывает на необходимость планирования и организации в таких учреждениях работы с воспитанниками и сотрудниками по улучшению их эмоционального состояния.

Прокурорами вскрыты многочисленные нарушения прав несовершеннолетних осужденных при привлечении к труду, получении образования, оказании медицинской помощи.

Так, в Пермском крае прокурорскими проверками установлено, что администрация детской

колонии задействовала несовершеннолетних воспитанников на производстве с вредными и опасными условиями труда, не обеспечивая их средствами индивидуальной защиты, смывающими и обезвреживающими препаратами. Периодические и предварительные медицинские осмотры таких работников учреждение проводило в общем порядке, без учета воздействия на них негативных факторов. Отмечены нарушения стандарта оказания медицинской помощи воспитанникам, находящимся на стационарном лечении. Больные после хирургических операций не осматривались врачами-специалистами.

По итогам проверки прокуратурой края начальнику детской колонии Ильшату Гилязову и начальнику ГУФСИН России по Пермскому краю внесены представления, которые рассмотрены и удовлетворены. По результатам рассмотрения 4 руководителей подразделений, ответственных за выявленные нарушения, привлечены к строгой дисциплинарной ответственности. Юридическое лицо ФКУ «Пермская воспитательная колония» по постановлению прокурора привлечено к административному штрафу в размере 60 тыс. рублей по ч.1 ст. 5.27.1 КоАП РФ (нарушение государственных нормативных требований охраны труда).

В Омской области по результатам прокурорской проверки в связи с появившимися сообщениями в средствах массовой информации о том, что четверо воспитанников омской адаптивной школы-интерната избили 13-летнего мальчика, проживающего в их комнате, установлено, что происшествие стало возможным вследствие того, что воспитатель нарушил должностную инструкцию и не обеспечил надлежащий контроль за поведением воспитанников. Кроме того, в момент прокурорской проверки в интернате отсутствовали двое подростков из тех, которые наносили повреждения потерпевшему, однако администрация школы своевременно не сообщила в правоохранительные органы информацию об их уходе.

По результатам проверки директору казенного общеобразовательного учреждения Омской области для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей «Адаптивная школа-интернат №5» внесено представление, которое удовлетворено. Воспитатель, допустивший возможность избиения несовершеннолетнего, уволен за невыполнение своих должностных обязанностей, заместитель директора по воспитательной работе привлечен к дисциплинарной ответственности.

Не оставались без внимания органов прокуратуры факты осуществления педагогической деятельности в указанных учреждениях лицами, ранее подвергавшимися уголовному преследованию.

Например, Уссурийской городской прокуратурой в ходе проверки деятельности КГБУ «Примор-

ское специальное учебно-воспитательное учреждение для обучающихся с девиантным (общественно-опасным) поведением им. Т.М. Тихого» установлено, что учитель физической культуры Троценко В.В. скрыл наличие двух судимостей за наркопреступления, предоставив администрации учреждения подложную справку об отсутствии судимости. По инициативе прокурора трудовой договор с данным лицом был расторгнут. По материалам прокурорской проверки возбуждено, расследовано и направлено в суд уголовное дело о преступлении, предусмотренном ч.3 ст. 327 УК РФ.

Кроме того, в учебно-воспитательных учреждениях не всегда надлежащим образом осуществляется защита имущественных прав (взыскание алиментов, контроль денежных средств на лицевом банковском счете и др.).

Многие из изложенных нарушений закона были обнаружены в специальных учебно-воспитательных учреждениях открытого и закрытого типа республик Адыгея, Бурятия, Северная Осетия-Алания, Астраханской, Калининградской, Свердловской областей и других субъектов Российской Федерации.

Нельзя не отметить и недостатки в правовом регулировании деятельности специальных учебно-воспитательных учреждений. В частности, обращает на себя внимание то обстоятельство, что в настоящее время отсутствуют типовые положения о специальных учебно-воспитательных учреждениях открытого и закрытого типа, тогда как подобные положения согласно п.12 ст.15 Федерального закона от 24.06.1999 №120-ФЗ должны быть утверждены уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти³.

Учитывая изложенное, в целях надлежащей организации профилактики девиантного поведения

несовершеннолетних, а также реализации истинных целей создания и функционирования специальных учебно-воспитательных учреждений, мотивации детей с девиантным поведением к жизни в социуме представляется целесообразным предусмотреть следующие меры.

Необходимо разработать и принять типовые положения о специальных учебно-воспитательных учреждениях открытого и закрытого типа.

Следует совершенствовать систему образования и воспитания в специальных учебно-воспитательных учреждениях для несовершеннолетних. Привлекать в систему квалифицированных педагогических кадров, психологов, социальных педагогов. Повышать контроль за жизнедеятельностью детских коллективов, осуществлять профилактику правонарушений среди членов этих коллективов.

Важно организовать на системной основе психодиагностическое обследование воспитанников и сотрудников специальных учебно-воспитательных учреждений.

Целесообразно совершенствовать систему постинтернатного сопровождения с психологическим и социальным сопровождением подростков с девиантным поведением.

Назрела необходимость в разработке механизма конструктивного межведомственного взаимодействия учебно-воспитательных учреждений для детей с девиантным поведением, выпускающих детей, с органами управления образованием, социальной защиты, занятости, образовательными учреждениями (в случае, если подросток планирует продолжать обучение), органами постинтернатного сопровождения, правоохранительными органами в целях комплексного подхода к разрешению проблем подростков.

Список литературы

1. Форма 4-ЕГС (494). Генеральная прокуратура Российской Федерации.
2. Форма №10.1 «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания», форма №10.2 «Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел» за 2015, 2016 год и первое полугодие 2017 года // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 07.03.2018).
3. Форма №12 «Отчет об осужденных совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте» за 2015, 2016 год и первое полугодие 2017 года // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 07.03.2018).

³ Ранее действовавшее постановление Правительства Российской Федерации от 25.04.1995 № 420 «Об утверждении Типового положения о специальном учебно-воспитательном учреждении для детей и подростков с девиантным поведением» утратило силу в связи с изданием постановления Правительства Российской Федерации от 29.03.2014 № 245.

4. *Григорьева Т.Н.* Девиантное поведение несовершеннолетних как следствие посягательств на их жизнь и здоровье // *Законы России: опыт, анализ, практика.* 2013. №12.
5. *Ережипалиев Д.И.* Преступность несовершеннолетних на современном этапе развития российского общества // *Всероссийский криминологический журнал.* 2017. Т.11. №1.
6. *Чернышкова М.П.* Организация воспитательного процесса несовершеннолетних осужденных воспитательных колоний как составная часть реализации государственной социальной политики // *Вопросы ювенальной юстиции.* 2015. №3. С.12.

Reference list

1. Form 4-ESS (494). The Prosecutor General's Office of the Russian Federation.
2. Form №10.1 "Report on the number of persons brought to criminal responsibility and types of criminal punishment", form №10.2 "Report on the peculiarities of consideration of criminal cases, the use of real types of punishment and grounds for termination of criminal cases" for 2015, 2016 and the first half of 2017 // Official website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (date of access: 07.03.2018).
3. Form №12 "Report on convicted persons who committed crimes in their youth" for 2015, 2016 and the first half of 2017 // Official website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (date of access: 07.03.2018).
4. *Grigor'eva T.* Deviant behavior of minors as a consequence of attacks on their life and health // *Laws of Russia: Experience, analysis, practice.* 2013. №12.
5. *Erezhipaliev D.* Juvenile delinquency at the present stage of development of Russian society // *All-Russian criminological journal.* 2017. Vol. 11. № 1.
6. *Chernyshkova M.* Organization of the educational process of juvenile convicted of correctional colonies as an integral part of the implementation of the state social policy // *Juvenile justice issues.* 2015. № 3. P.12.

УДК 342.534

Никитина А.В.,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного, административного и финансового права Хабаровского государственного университета экономики и права

ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ДЕПУТАТСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

Одним из субъектов конституционно-правовых отношений, процессуальная правосубъектность которых является мало исследованной, являются депутатские объединения. В результате, законодательство, регулирующее их право на обращение в суд, характеризуется рядом коллизий и пробелов.

Анализируя право группы депутатов численностью не менее 1/5 от общего числа депутатов Государственной Думы РФ обращаться в Конституционный Суд РФ с запросом, автор отмечает, что в условиях доминирования одной фракции в российском парламенте и довольно низкой численности иных фракций, такой запрос становится невозможным, парламентское меньшинство фактически утрачивает право на обращение в Конституционный Суд РФ. В связи с чем, автор делает вывод о необходимости наделить фракцию в Государственной Думе (независимо от числа состоящих в ее составе депутатов) правом на обращение с запросом в Конституционный Суд РФ по делам о проверке конституционности нормативных правовых актов органов государственной власти и договоров между ними, а также не вступивших в силу международных договоров.

Также в статье поднимается вопрос о противоречии российского конституционного законодательства, наделяющего группу депутатов, фракцию в Государственной Думе правом на обращение в суды общей юрисдикции по делам о расформировании избирательных комиссий, комиссий референдума, об оспаривании решения (бездействия) Государственной Думы, касающегося отказа в досрочном прекращении полномочий депутата, и Кодекса административного судопроизводства РФ, общие положения которого не предусматривают права депутатских объединений быть административными истцами. В статье предлагаются варианты решения указанных проблем.

Ключевые слова: конституционно-правовой спор, конституционный конфликт, депутатское объединение, депутатская фракция, Конституционный Суд РФ, суды общей юрисдикции, Кодекс административного судопроизводства РФ

Nikitina A.,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of Chair of Constitutional, Administrative and Financial Law of the Khabarovsk State University of Economics and Law

THE ISSUES OF JUDICIAL-PROCEDURAL LEGAL IDENTITY OF DEPUTY ASSOCIATIONS

One of the subjects of constitutional-legal relations, the procedural legal identity of which is little investigated, is deputy associations. As a result, the legislation, governing their right to go to court is characterized by a number of conflicts and gaps. Analyzing the right of a group of deputies numbering not less than 1/5 of the total number of deputies of the State Duma to appeal with a request to the Constitutional Court of the Russian Federation, the article author notes that under the domination of one faction in the Russian Parliament and a fairly low number of other factions, such a request becomes impossible, the parliamentary minority actually loses the right to appeal to the Constitutional Court of the Russian Federation. In this connection, the contributor makes the conclusion about the necessity to give the right to the faction in the State Duma (regardless of the number of its members) to submit a request to the Constitutional Court of the Russian Federation on cases about the verification of constitutionality of normative acts of public authorities and agreements between them, as well as international treaties that have not entered in force.

The article also raises the issue of the contradiction between the Russian constitutional legislation, which gives the right to a group of deputies, a faction in the State Duma to appeal to the courts of general jurisdiction in cases of dissolution of election commissions, referendum commissions, challenging the decision (inaction) of the State Duma concerning the refusal to terminate the powers of a deputy, and the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, the general provisions of which do not provide for the right of deputy associations to be administrative plaintiffs. The article offers solutions to these issues.

Keywords: constitutional-legal dispute, constitutional conflict, deputy association, deputy faction, Constitutional Court of Russian Federation, courts of general jurisdiction, Code of Administrative Procedure of Russian Federation

В условиях плюралистической демократии конфликт, конкуренция интересов различных политических сил являются обычным явлением. Будучи представленными в парламенте, носители этих интересов переносят конфликт на деятельность в законодательном органе. В силу этого конфликтные отношения между представителями различных партий могут проявляться при принятии любых решений, относящихся к ведению парламента.

Наиболее остро такие конфликты проявляются при принятии законов, а после их принятия конфликт может получить юридическое оформление (и продолжение) в виде конституционно-правового спора, если носители политических сил, оставшиеся при принятии закона в меньшинстве, обладают правом на обращение в соответствующий суд (конституционный суд или суд общей юрисдикции). Европейская комиссия за демократию через право отмечает, что «Конституционный суд может играть важную роль в установлении верховенства закона и укрепления законности защиты прав парламентского меньшинства. Когда дело будет передано в Конституционный Суд от группы членов парламента, решение суда может способствовать преодолению политического конфликта при принятии законопроекта или закона» [3, с. 44-45].

Кроме этого, парламентское меньшинство, наделенное правом обращаться в Конституционный Суд с требованием о проверке конституционности любых нормативных правовых актов, имеет реальную возможность стать «оппонентом» главе государству или правительству, если большинство в парламенте не составляет им противовеса, не обеспечивая, таким образом, баланс и реальную независимость властей. Таким образом, наделение группы депутатов или постоянных депутатских объединений правом на обращение в судебные органы конституционного контроля с требованием о проверке конституционности нормативных правовых актов, позволяет защищать интересы тех политических сил, которые составляют меньшинство, представляют оппозицию, что, в свою очередь, способствует укреплению демократии.

Поскольку различные политические силы представлены в парламенте депутатами определенных политических партий, в зарубежном законодательстве имеются примеры наделения правом на обращение в конституционный суд политических партий, имеющих места в парламенте, или групп де-

путатов, парламентских фракций, представляющих правящую или оппозиционную партию. Например, согласно ст. 150 Конституции Турецкой Республики и ч. 1 ст. 35 Кодекса Турецкой Республики об учреждении и правилах процедуры Конституционного Суда обращаться в Конституционный суд с иском о признании кодексов, указов, имеющих силу закона, внутренних правил Великого Национального Собрания Турции противоречащими Конституции могут, помимо высших государственных органов, также парламентские группы правящей и оппозиционной партий. Если больше, чем одна политическая партия находится у власти, право правящей партии просить об аннулировании неконституционных актов осуществляется партией, имеющей большинство в парламенте [7]. Статья 38 Кодекса конституционной юрисдикции Республики Молдова наделяет парламентскую фракцию правом на обращение в Конституционный Суд Республики Молдова [6].

Подобное законодательное решение является удачным шагом в защите прав парламентского меньшинства, парламентской оппозиции. В отличие от групп депутатов – субъектов-заявителей в Конституционном Суде РФ, депутатские фракции являются постоянным, юридически оформленным депутатским объединением, представляющим не сиюминутные интересы конкретного депутата, а сложившиеся политические взгляды и представления, соответствующие, как правило, программе той или иной политической партии. Как отмечает Конституционный Суд РФ, «фракционная организация деятельности парламента позволяет депутатам объединиться, сформировать и коллективно отстаивать свою политическую позицию» [10]. В научной литературе подчеркивается, что роль депутатской фракции заключается не только в отстаивании своих партийных, и, соответственно, корпоративных интересов, но и электората в целом [2, с. 125]. «Являясь чрезвычайно важным структурным элементом института многопартийности, фракции, по сути, выполняют роль тех органов, через которые партии осуществляют функцию представительства интересов общества» [5, с. 22].

С позиции теоретических основ публично-правовых споров, фракция депутатов в парламенте – это такой субъект, который может защищать и интересы политической партии как элемента гражданского общества, отражающего определенные политиче-

ские взгляды, и интересы довольно большого числа избирателей, голосовавших за депутатов – членов фракции (т.е. интересы определенной части народа), и интересы конкретных депутатов – лиц, обладающих особым конституционно-правовым статусом, и, в то же время, публичные интересы, поскольку будучи избранными, депутаты становятся частью парламента – органа государственной власти, наделенного конституционно установленной компетенцией. В этом смысле депутатская фракция является «идеальным» субъектом, который может быть наделен статусом заявителя в конституционно-правовых спорах.

В условиях доминирования одной фракции в российском парламенте и довольно низкой численности иных фракций, запрос группы депутатов Государственной Думы РФ в Конституционный Суд РФ становится невозможным, парламентское меньшинство утрачивает право на обращение в судебный орган конституционного контроля. В связи с этим представляется необходимым наделить фракцию в Государственной Думе (независимо от числа состоящих в ее составе депутатов) правом на обращение с запросом в Конституционный Суд РФ по делам о проверке конституционности нормативных правовых актов органов государственной власти и договоров между ними, а также не вступивших в силу международных договоров.

В силу исключительно конституционно-правового статуса депутатской фракции, группы депутатов Государственной Думы, членов Совета Федерации, группы депутатов законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ, определение их в законодательстве в качестве стороны правового спора может свидетельствовать о конституционной природе такого спора. Например, группы депутатов определенной численности являются административными истцами по делам о расформировании избирательных комиссий и комиссий референдума (ч. 14 ст. 239 Кодекса административного судопроизводства РФ). Конституционно-правовая природа отношений, из которых возникают данные споры, статус сторон спора, основания спора в виде конституционного правонарушения, а также конституционно-правовые последствия его разрешения в виде расформирования избирательной комиссии позволяют охарактеризовать данную разновидность спора как конституционно-правовую.

Сравнительный анализ зарубежного правового регулирования показывает, что депутатские объединения могут быть субъектами-заявителями не только в делах о проверке конституционности нормативных правовых актов, но и в спорах об утрате депутатского мандата. Так, например, в соответствии с §92 Акта о Конституционном Суде Чешской Респуб-

блики ходатайство с просьбой об определении того, является ли депутат или сенатор утратившим мандат может быть подано в Конституционный Суд Чешской Республики группой не менее 20 депутатов, если ходатайство касается депутата, или группой не менее 10 сенаторов, если оно касается сенатора [1]. Не менее одной пятой членов парламента Грузии имеет право подать конституционную жалобу о конституционности решения парламента о признании или досрочном прекращении полномочий члена парламента (ст. 40 Органического закона Грузии «О Конституционном Суде Грузии») [8]. Жалобы на решения Бундестага относительно потери места в Бундестаге могут быть поданы в Федеральный Конституционный Суд парламентской группой или меньшинством в Бундестаге, если это меньшинство содержит, по меньшей мере, 1/10 от установленного законом числа представителей (ст. 41 Основного закона Федеративной Республики Германии). Конституционный Суд Португальской Республики по требованию парламентской фракции, а также, по крайней мере, 10 членов соответствующего парламента рассматривает дела об утрате мандата в Ассамблее Республики и в областных законодательных ассамблеях (ст. 223 Конституции Португальской Республики, ст. 91-А, 91-В Закона о Конституционном Суде Португальской Республики) [4]. В Республике Албания вопрос о невозможности совмещения депутатского мандата с другой прибыльной деятельностью устанавливается Конституционным Судом по требованию одной десятой членов Кувенда (ст. 70 Конституции Республики Албания).

В Российской Федерации Конституционный Суд такого рода споры не рассматривает, однако расширение круга юридических споров, инициируемых депутатскими объединениями, осуществляется именно под воздействием практики Конституционного Суда РФ, который, проверяя конституционность положений пункта «в» части первой и части пятой статьи 4 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы, во-первых, указал на возможность судебного обжалования постановления Государственной Думы о досрочном прекращении полномочий депутата, нарушившего соответствующие ограничения и запреты, и, соответственно, правомочие Верховного Суда Российской Федерации проверить его законность и обоснованность, а, во-вторых, предусмотрев возможность оспаривания и решения (или бездействия) Государственной Думы, касающихся отказа в досрочном прекращении полномочий депутата Государственной Думы, если не согласные с данным решением (или бездействием) лица полагают, что для этого у них имеются достаточные основания, отметил, что к

таким заинтересованным лицам, в любом случае относятся депутатские фракции, а также могут быть отнесены и иные лица, наделенные публично-правовым статусом, позволяющим инициировать рассмотрение соответствующего вопроса в Государственной Думе. При этом, как указал Конституционный Суд РФ, установление перечня субъектов, уполномоченных на инициирование соответствующих обращений, и закрепление гарантий их рассмотрения судом в приоритетном порядке – прерогатива федерального законодателя» [9]. Данная правовая позиция, выработанная в 2012 году, имела отношение к Гражданскому процессуальному кодексу РФ, в соответствии нормами которого и оспаривались указанные решения. В настоящее время данный порядок регулируется Кодексом административного судопроизводства РФ, который применяется наряду с положениями Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», и в процессуальном плане обладает рядом недостатков.

Первая проблема состоит в несогласованности норм этих законов. Прямо следуя правовой позиции Конституционного Суда РФ, законодатель наделил правом обратиться в суд с требованием об оспаривании решения (или бездействия) Государственной Думы, касающегося отказа в досрочном прекращении полномочий депутата Государственной Думы, «фракции или иных лиц, наделенных надлежащим публично-правовым статусом, перечень которых устанавливается федеральным законом (ч. 5 ст. 4 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»)). В то же время, согласно положениям ст. 38, 40 и 218 Кодекса административного судопроизводства РФ предъявление административного искового заявления об оспаривании решений, действий (бездействия) органа государственной власти возможно гражданином, организацией в случае, если нарушены или оспорены их права, свободы и законные интересы; в случае, если это предусмотрено законом – общественным объединением – в интересах членов этого общественного объединения. В случаях, предусмотренных федеральными конституционными законами, Кодексом административного судопроизводства РФ и другими федеральными законами, государственные органы, должностные лица, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, уполномоченный по правам человека в субъекте Российской Федерации могут обратиться в суд в защиту прав, свобод и законных интересов неопределенного круга лиц, публичных интересов. Прокурор в пределах своей компетенции может обратиться в суд с административным исковым заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов иных лиц.

Таким образом, общие положения Кодекса административного судопроизводства РФ не предусматривают наделения депутатской фракции (как и группы депутатов) статусом административного истца (зарубежный опыт и практика показывают, что группы депутатов и депутатские фракции чаще являются субъектами конституционно-правовых споров, рассматриваемых конституционными судами). При этом депутатская фракция не относится ни к одной из перечисленных в Кодексе категорий субъектов (не является ни государственным органом, ни общественным объединением). В результате в практике могут возникнуть вопросы не только о возможности депутатского объединения обращаться в суд с административным заявлением, но и о процедуре реализации такого права (кто вправе осуществлять представительство фракции в суде, кто от имени фракции может выдавать доверенность, как принимается решение об обращении в суд и пр.).

Кроме этого, перечень «иных лиц, наделенных надлежащим публично-правовым статусом», которые могли бы наряду с фракцией обжаловать бездействие Государственной Думы, касающиеся отказа в досрочном прекращении депутатского мандата, не установлен ни в одном федеральном законе. Вероятно, задача законодателя при формулировании нормы ч. 5 ст. 4 Федерального закона «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» состояла не в том, чтобы сделать отсылку к несуществующему федеральному закону, а именно в данной статье перечислить лиц, наделенных публично-правовым статусом и правом на обращение в суд. Вторая проблема состоит в том, что отсутствие в Кодексе упоминания депутатской фракции как субъекта правового спора, разрешаемого в порядке административного судопроизводства, не позволяет фракции депутатов в региональном парламенте оспорить отказ в прекращении полномочий депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ, поскольку Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» вообще не предусматривает возможности оспорить решение (или бездействие) об отказе законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ прекратить полномочия регионального депутата и не называет, таким образом, категории лиц, которые вправе такой отказ обжаловать.

Стоит отметить и тот факт, что предметом упомянутого выше Постановления Конституционного Суда РФ не являлся вопрос о возможности обжалования решения (или бездействия) Совета Федерации, касающихся отказа в досрочном прекращении полно-

мочий члена Совета Федерации, если не согласные с данным решением (или бездействием) лица полагают, что для досрочного прекращения полномочий члена Совета Федерации имеются достаточные основания. Соответственно, данный вопрос в настоящий момент времени не решен в процессуальном законодательстве. В отсутствие фракционной системы организации подобным полномочием могла бы быть наделена группа членов Совета Федерации определенной численности (например, не менее одной пятой членов Совета Федерации).

Думается, что депутатская фракция, а также группа депутатов Государственной Думы, членов Совета Федерации, группа депутатов законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ определенной численности может быть наделена правом оспаривать и иные постановления, а также бездействие соответствующей палаты Федерального Собрания РФ или законодательного органа государственной власти субъекта РФ. В отношении депутатской фракции или группы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания (например, численностью не менее 50 депутатов) и группы членов Совета Федерации Федерального Собрания (например, численностью 20-30 парламентариев) является актуальным возможность оспаривать постановления Государственной Думы и Совета Федерации, принимаемые ими в соответствии со ст. 102, 103 Конституции РФ, по причине, например, процедурных нарушений. Аналогичными правами можно наделить депутатскую

фракцию или группу депутатов (численностью, например не менее 1/5) законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ. Помимо этого, депутатская фракция могла бы быть наделена правом быть заявителем в делах о проверке законности досрочного прекращения полномочий законодательного (представительного) органа субъекта РФ (в случае самороспуска, роспуска высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации или Президентом РФ в соответствии со ст. 9 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации») в целях защиты интересов депутатов, входящих в ее состав. Безусловно, это требует внесения изменений в статью 38 Кодекса административного судопроизводства РФ, определяющую статус сторон административного судопроизводства.

Таким образом, развитие процессуального законодательства, опосредующего разрешение конституционно-правовых споров, требует учета особого конституционно-правового статуса депутата, групп депутатов и парламентских фракций не только как субъектов, обладающих материальной, но и процессуальной правосубъектностью, и более широкого закрепления в нормах такого законодательства возможностей этих лиц обращаться в суд с требованиями не только в защиту своего конституционно-правового статуса, но и в защиту ценностей представительной демократии, иных публичных интересов.

Список литературы

1. Акт о Конституционном Суде Чешской Республики от 16 июня 1993 г. // URL: http://www.usoud.cz/fileadmin/user_upload/ustavni_soud_www/Pravni_uprava/AJ/Constitutional_court_act_182_1993.pdf (дата последнего обращения: 2 февраля 2018 г.).
2. *Арабаева А.* Депутатское объединение в парламенте Кыргызской республики // *Власть*. 2009. № 11. С. 124-126.
3. Заключение по проекту Закона о Конституционном Суде Азербайджанской Республики № CDL-INF(1996)010 // Сборник заключений, докладов и исследований Венецианской комиссии о конституционном правосудии (усовершенствованный): Европейская комиссия за демократию через право (Венецианская комиссия), 18 декабря 2017 г. Страсбург. 95 с.
4. Закон о Конституционном Суде Португальской Республики № 28/82 от 15 ноября 1982 г. // URL: <http://www.tribunalconstitucional.pt/tc/en/tclaw.html> (дата последнего обращения: 2 февраля 2018 г.).
5. *Измайлова Е.А.* К вопросу создания и прекращения деятельности депутатского объединения (фракции) в законодательном органе субъекта Российской Федерации // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2009. № 5. С. 22-26.
6. Кодекс конституционной юрисдикции Республики Молдова № 502-XIII от 16 июня 1995 г. // URL: <http://www.constcourt.md/public/files/file/Baza%20legala/CodJC.rus.pdf> (дата последнего обращения: 2 февраля 2018 г.).
7. Кодекс Турецкой Республики об учреждении и правилах процедуры Конституционного Суда № 6216 от 30 марта 2011 г. // URL: <http://www.constitutionalcourt.gov.tr/inlinepages/legislation/LawOnConstitutionalCourt.html> (дата последнего обращения: 2 февраля 2018 г.).
8. Органический закон Грузии «О Конституционном Суде Грузии» от 31 января 1996 г. // URL: <http://constcourt.ge/en/court/legislation/law.page> (дата последнего обращения: 2 февраля 2018 г.).
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 декабря 2012 г. № 34-П // *Собрание законодательства РФ*. 2013. № 1. Ст. 78.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 февраля 2012 г. № 4-П // *Собрание законодательства РФ*. 2012. № 11. Ст. 1365.

Reference list

1. Act of 16 June 1993 on the Constitutional Court of the Czech Republic // URL:http://www.usoud.cz/fileadmin/user_upload/ustavni_soud_www/Pravni_uprava/AJ/Constitutional_court_act_182_1993.pdf (last accessed: February 2, 2018).
2. *Arabaeva A.* Deputy association in the Parliament of the Kyrgyz Republic // *Vlast'*. 2009. №11. P. 124-126.
3. Conclusion on the draft law on the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan no. CDL-INF(1996)010 // Collection of conclusions, reports and studies of the Venice Commission on constitutional justice (improved): European Commission for Democracy through Law (Venice Commission), 18th of December, 2017. Strasbourg. 95 p.
4. Law on the Constitutional Court of the Portuguese Republic №28/82 of 15th of November, 1982 // URL: <http://www.tribunalconstitucional.pt/tc/en/tclaw.html> (last accessed: February 2, 2018).
5. *Izmaylova E.* Revisiting of creation and termination of activity of Deputy Association (faction) in legislative authority of the entity of the Russian Federation // *State power and local government*. 2009. №5. P. 22-26.
6. Code of Constitutional Jurisdiction of the Republic of Moldova №502-XIII of 16th of June, 1995 // URL: <http://www.constcourt.md/public/files/file/Baza%20legala/CodJC.rus.pdf> (last accessed: February 2, 2018).
7. Code of the Republic of Turkey on the establishment and rules of procedure of the Constitutional Court №6216 of 30th of March, 2011 // URL: <http://www.constitutionalcourt.gov.tr/inlinepages/legislation/LawOnConstitutionalCourt.html> (last accessed: February 2, 2018).
8. Organic Law of Georgia on the Constitutional Court of Georgia of 31st of January, 1996 // URL: <http://constcourt.ge/en/court/legislation/law.page> (last accessed: February 2, 2018).
9. The Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation from December 27, 2012 №34-P // Official Gazette of the Russian Federation. 2013. №1. Art. 78.
10. The Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 28th of February, 2012 №4-P // Official Gazette of the Russian Federation. 2012. №11. Art. 1365.

Федоров Р.В.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права
Московского института государственного управления и права

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СОЗДАНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ФАБИАНИСТОВ

Научный интерес к социалистическим идеям вновь усилился спустя 25 лет после разрушения СССР. Дискуссионным остается вопрос о положительных и отрицательных сторонах как самой теории социализма, так и практики его реализации в реальной жизни. Учитывая уровень развития экономических и общественных отношений в Великобритании как одной из наиболее передовых капиталистических держав XIX-XX века, особый интерес для исследования представляет история английской политико-правовой мысли в этом периоде. В настоящей статье раскрываются некоторые исторические аспекты учреждения радикальной английской общественно-политической организации социалистического толка «Фабиянское общество», оказавшей сильное влияние на Британскую политику. Основной вопрос статьи: чьи интересы представляли лидеры фабиянского социализма – рабочих масс или крупнейших капиталистов? В качестве методов научного исследования использовались историко-генетический, системно-структурный, сравнительно-исторический. В статье исследуются публично провозглашенные цели создания Фабиянского общества, которые сравниваются с возможными скрытыми мотивами и стремлениями фабиянистов. Произведена попытка определения сущности политико-правовых идей Фабиянского общества. Приводится критика их учения как псевдо-религиозной социалистической утопии. Выявляются связи лидеров организации с крупнейшими медиамагнатами, промышленниками и политиками либерально-капиталистического толка Англии и США, такими как Артур Бальфур, лорд Розбери, Юлиус Вернер, лорд Ротшильд, Эдвард Халтон, Альфред Милнер, Сесил Родс, Пассмор Эдвардс, Ричард Кобден и другими. Определяются связанные с Фабиянским обществом организации, такие как Лондонская Школа Экономики, либерально-капиталистическое политическое движение «Манчестерская школа», организация Милнер Групп, Клуб Кобдена, Обеденный Клуб «Козфициенты», Великие Западные и Великие Магистральные Железные дороги Англии и Канады, газеты Сандей Крониклс, Нью Йорк Трибьюн, Пэлл Мэлл, Эдинбург Ревью и др. В результате исследования сделан вывод, что Фабиянское общество в большей степени преследовало именно капиталистические интересы, прикрываясь социалистическими идеями.

Ключевые слова: фабиянское общество, история социализма, тайные организации, история политико-правовых учений

Fedorov R.,

PhD in Law, Associate Professor of Chair of Theory and History of State and Law
of the Moscow Institute of Public Administration and Law

SOME HISTORICAL FACTS ABOUT ESTABLISHING OF THE FABIAN SOCIETY

Scientific interest in socialistic ideas becomes stronger 25 years later, after USSR was demolished. The issue about positive and negative aspects of socialist theory and practice both is still discussible. Taking into account the level of development of economic and social relations in the United Kingdom as one of the most advanced capitalist countries of the nineteenth-twentieth century, the special interest in the study is the history of English political and legal thought in this period. The article describes some historical facts about establishing of the Fabian Society – British radical socialist organization, which has had a powerful influence on British politics. The main issue in the article is: whose interests were represented by Fabian socialists – the working masses or the major capitalists? Historical-genetic, system-structural, comparative-historical methods were used as methods of scientific research. The article examines the publicly proclaimed goals of the creation of the Fabian society, which are compared with the possible hidden motives and aspirations of fabianists. An attempt is made to determine the essence of political and legal ideas of Fabian society. The criticism of their doctrine as pseudo-religious socialist utopia is given. In the article reveals bonds of the Fabians with the largest media barons, industrialists, and politicians of the liberal capitalist sense of England and the United States, such as Arthur Balfour, Lord Rosebery, Julius Wernher, Lord Rothschild, Edward Hulton, Alfred Milner, Cecil Rhodes, Passmore Edwards, Richard Cobden and others. Reveals associated organizations, such as the

London School of Economics, the liberal-capitalist political movement «Manchester school», Milner Group, the Cobden Club, Coefficients Dining Club, the Great Western and Grand Trunk Railways of England and Canada, Pall Mall Gazette, New York Tribune, Edinburgh Review, Sunday Chronicle etc. As a result it is concluded that the Fabian society represented capitalist interests under the guise of socialist ideas

Keywords: Fabian Society, history of Socialism, secret organizations, history of political and legal thought

Споры о перспективах капитализма и социализма продолжают и по сей день. Один из критиков марксистской доктрины, Йозеф Шумпетер, отвечая на вопрос «Сможет ли капитализм выжить?» давал отрицательный ответ. Он писал, что социалистическая организация общества неизбежно вырастает из такого же неизбежного процесса разложения общества капиталистического [9].

В данной статье мне бы хотелось непредвзято взглянуть на историю развития такого неоднозначного направления политико-правовой мысли как фабианизм. Это радикальное движение, было организовано в Лондоне в 80-х годах XIX века с целью разрушения существующего тогда в Англии капиталистического государственного порядка и образования Социалистического Мирового Правительства, контролируемого, однако, лидерами фабианистов с учетом их личных финансовых интересов.

В те годы Лондон был с одной стороны центром либерального капитализма (такого же в свое время революционного направления по отношению к феодализму), с другой стороны – центром радикальной левосторонней агитации, стремившейся изменить уже капиталистический строй. Главной радикальной организацией пропагандирующей идеи социализма в Англии была Международная Ассоциация Трудящихся – так называемый Первый Интернационал – организованная Карлом Марксом в 1864 году.

На раннем этапе учение Карла Маркса было доступно лишь на немецком и французском языках, в связи с чем оно не имело сильного воздействия на англоговорящее население. Его ученик Генри Гайндман был первым, кто популяризировал учение Маркса и других немецких социалистов на английском языке. Также Гайндман стал основателем Социалистической Демократической Федерации [5, с.186].

Люди, ответственные за организацию Фабианского Общества, сами находились под влиянием марксизма и принадлежали к кругам Социалистической Демократической Федерации. Однако основным отличием Фабианского общества от ранних социалистических организаций, таких как Международная Ассоциация Трудящихся и Социалистическая Демократическая Федерация, были их методы достиже-

ния поставленной цели: тогда как другие социалисты говорили о революции, фабианисты решили строить социализм постепенно и скрытно.

Согласно словам одного из их лидеров, Фабианское общество было «организовано для размышлений и дискутирования, а не для избирательной активности, которую оно оставляет другим организациям, хотя общество и поощряет своих членов, с учетом их индивидуальных возможностей, принимать активное участие в работе этих иных организаций» [2].

Что касается происхождения названия Фабианского общества, то оно было так названо по предложению одного из его основателей, известного английского спиритуалиста Франка Подмора, в честь римского генерала Квинта Фабия Максима Веррукоза (по прозвищу «Кунктатор», что означает «Медлитель»). Стратегией Фабия в его битве против превосходящего численностью Карфагенского войска во главе со знаменитым генералом Ганнибалом заключалась в уходе от прямого открытого сражения при упорном преследовании и постепенном истощении врага.

На титульном листе первого памфлета общества было написано: «Вы должны ждать нужного момента, как это терпеливо делал Фабий в битве против Ганнибала, несмотря на критику его тактики другими; но когда наступит время вы должны атаковать так неистово, как это сделал Фабий, иначе все ваши ожидания будут напрасными» [6, с.9].

Волк в овечьей шкуре

Антиправительственный характер фабианского проекта проиллюстрирован на Фабианском витраже, на котором изображены лидеры фабианистов Эдвард Рейнольдс Пис, Сидней Джеймс Вебб и Джордж Бернанд Шоу (справа, в зеленой одежде) выковывающие новый мир из старого, в то время как остальные члены общества почтительно преклонились перед трудами, содержащими фабианское учение (иллюстрация 1).

На витраже изображена надпись: «Перекуйте его (Мир) согласно велению сердца», это слова взяты из четверостишия средневекового иранского поэта Омара Хайяма, которое гласит:

Иллюстрация 1.

«Любовь моя, если мы могли б с судьбою сговориться

Чтоб полностью постичь этот жалкий мир,
Разве не разбили бы мы его на мелкие кусочки,
что бы затем

Перековать согласно велению сердца!»

Таким образом, были выражены планы по уничтожению и переустройству старого общественного порядка согласно линии фабианского учения.

Фабианский витраж был сделан по заказу Бернарда Шоу в 1910 году и в настоящее время находится в Лондонской Школе Экономики. Хотя картина, изображенная на витраже может быть названа юмористической, интересным фактом является то, что юмор, или как это сам называл Бернард Шоу «умение смеяться над самими собой», было отличительной чертой Фабианского общества [7, с.34]. На самом деле, юмор был той тактикой, которую выбрали фабианисты, чтобы скрыть всю серьезность своих намерений.

Очевидно, что нет ничего смешного в полусекретной организации, стремящейся разрушить западный тип цивилизации. Кроме того, Фабианский витраж, несомненно, символичен, и в этом многие критики фабианского социализма увидели еще одно подтверждение того, что это учение оказалось пронизано внутренними несоответствиями и противоречиями, делающими приверженность его принципам вопросом веры, а не разума.

Экономист Питер Томас Бауэр писал, что «социализм на деле оказался своего рода мессианской религией, основанной лишь на вере, обещавшей спасение всем на Земле» [1, с.176]. В случае с Фабианским обществом, превращение социализма (или правильнее сказать – фабианизма) в квазирелигиозное движение было осознанной задачей лидеров этого дви-

жения, так сам Бернард Шоу говорил о «необходимости создания фабианистами религии социализма» [4, с.488]. Таким образом, слишком благоговейное, фанатичное отношение к фабианскому учению, изображенное на витраже, достаточно ясно намекает на сектантский характер фабианского социализма.

Также на витраже имеется герб Фабианского общества (расположен над мировым глобусом), на котором изображен волк в овечьей шкуре, несущий красное знамя с инициалами «F.S.». И снова через символы подчеркивается выбранная фабианистами тактика «внедрения» и достижения своих целей «скрытными методами».

И наконец, некоторые исследователи отмечают, что иранский лозунг общества может быть тайной отсылкой к идее о реконструкции мирового порядка в интересах международной нефтедобывающей элиты. Англо-Иранская Нефтяная Компания (позже названная «Бритиш Петролеум») была одним из корпоративных членов Королевского Института по Международным Делах, также известного как «Чатем-Хаус» – организации созданной при участии членов Фабианского общества, таким образом видна тесная связь фабианистов с интересами нефтедобытчиков, ниже рассмотрим этот вопрос подробнее.

Фабианисты и антиправительственные денежные интересы

Основной организацией, через которую действовало Фабианское Общество была Либеральная Партия (в то время левоцентристская). Благодаря деятельности созданных фабианистами сторонних организаций, таких, например, как Обеденный Клуб «Кoeffициенты» (название клуба на английском языке – Coefficients

Dining Club), окрепи связи фабианистов с либеральными политиками и, соответственно, с их либерально-капиталистическими интересами [8, с.137][3, с.118].

Доказательством того факта, что фабианисты сознательно стремились сотрудничать и искали поддержки со стороны богатых и могущественных, является фабианский трактат Беатрисы Вебб «Наше партнерство», который изобилует описанием «ловли миллионеров», «дергания их за ниточки», «управления всеми силами, которые были под контролем», в то же время с соблюдением необходимой осторожности для того, чтобы казаться «незаинтересованными скромными людьми, которых никто не заподозрит во влиянии и могуществе» [11].

На самом деле чета Вебб находилась в постоянных контактах с такими людьми как Артур Бальфур и Ричард Холдейн (член Фабианского общества), которые были связующим звеном между фабианистами и сильными мира сего. По мере расширения своего круга общения через неформальные встречи, домашние вечеринки и совместные ужины, Веббы смогли познакомиться с ведущими членами правящей элиты – лордом Розбери, Юлиусом Вернером (участник компании по добычи золота и бриллиантов «Вернер, Бейт и К°») и лордом Ротшильдом, которых они уговаривали поддержать подрывную антиправительственную деятельность Фабианского Общества.

Важно понимать, что такое взаимодействие не было односторонней сделкой. Элита либерального капитализма – крупные бизнесмены, промышленники и банкиры, накопившие огромный капитал в ходе промышленной революции – не были альтруистами и филантропами. Их целями было укрепление собственных позиций во власти путем, во-первых, монополизации финансов, экономики и политики, а во-вторых, установлением контроля над растущим в числе городским рабочим классом.

Первая цель должна была быть достигнута путем централизации капитала, средств производства и т.п., вторая – через организацию рабочего класса, которому обещалось более справедливое перераспределение материальных ресурсов. Эти цели были внешне похожи на цели социалистического движения, поэтому неудивительно, что фабианисты решили ими прикрыть свои истинные замыслы.

Герберт Уэллс писал, что крупный бизнес не был противником коммунизма, так как «чем больше крупный бизнес расширялся, тем больше он приближался по своей форме к коллективизму» [12, с.100]. Об этом же говорил и Йозеф Шумпетер, который был преподавателем Дэвида Рокфеллера в Гарвардском Университете, так он писал: «Истинными лидерами социализма были не интеллектуалы или агитаторы, проповедовавшие его идеи, – а Вандербилты, Карнеги и Рокфеллеры» [9, с.134].

Действительно, многие обращали внимание на тот фат, что ядром Манифеста Коммунистической партии (1848 г.), написанного Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом, являются идеи политики монополистического капитализма, такие как централизация капитала и организация трудящихся.

Маркс и Энгельс начинали свою карьеру в качестве журналистов, продвигающих интересы либерального капитализма. Позже Маркс работал на издательство Нью Йорк Трибьюн, чей владелец Хорас Грилли и редактор Чарльз Андерсон Дана тесно сотрудничали с Клинтонем Рузвельтом [10, с.45], радикальным демократом и членом хорошо известного клана Рузвельтов, основными сферами интересов которого были банковское дело и политика. Клан Рузвельтов был союзником клана Вандербильтов.

Фабианское общество не только заимствовало идеи Маркса и Энгельса, но и было тесно связано с либерально-капиталистическими интересами. Так, одним из соучредителей Фабианского общества, был Хьюберт Блэнд, бывший работник банка, ставший журналистом. Он работал на лондонскую газету Сандей Крониклс, принадлежавшую медиамагнату Эдварду Халтону. Блэнд занимал в Фабианском обществе должность члена исполнительного органа и казначея. Позже он привлек к работе в обществе своего друга и коллегу Бернарда Шоу.

Шоу работал на лондонскую газету Пэлл Мэлл, редактором которой был один из лидеров либерального направления Вильям Сид, а его помощником был Альфред Милнер (позже получивший титул лорда). Они оба были близки к бриллиантовому магнату и компаньону Ротшильда Сесилу Родсу, организатору английской колониальной экспансии в Южной Африке, известному в истории как «архитектор апартеида», и участвовали в формировании влиятельной тайной организации «Милнер Групп». Будучи завербованным в фабианисты своим другом Бландом в 1884 году, Шоу привлек в общество Анни Безант, а также Сиднея Уэбба, Сиднея Оливьера и Грэма Уоллеса в 1885 и 1886 годах.

Что характерно, фабианисты были искусны в улучшении своего личного финансового и общественного положения, то есть они не считали необходимым связывать себя ими же проповедуемыми идеями «справедливого перераспределения естественных и приобретенных преимуществ» и «полной замены частной собственности на общественную».

Так, друг и коллега Бернарда Шоу, лидер Фабианского общества Сидней Вебб был женат на Беатрис, дочери Ричарда Поттера, богатого финансиста с международными связями, являвшегося председателем правления железнодорожной компании «Великие Западные и Великие Магистральные Железные дороги Англии и Канады». Беатрис также была близко знакома с компаньо-

ном Ротшильдов, консервативным премьер-министром Великобритании Артуром Бальфуrom. Компания «Великие Западные Железные дороги» поддержала тогда еще молодую и неокрепшую Лондонскую Школу Экономики, созданную фабианистами, путем заключения договора на оказание образовательных услуг (курсы повышения квалификации) для сотрудников компании. Следует заметить, что сегодня Лондонская Школа Экономики и политических наук занимает второе место в мире после Гарвардского Университета в области общественных наук, а среди выпускников Лондонской школы экономики больше миллиардеров, чем у любого другого университета Европы. Вебб использовал и другие связи своей жены для реализации замыслов фабианистов.

Сам же Бернард Шоу женился на Шарлотте, дочери богатого биржевого инвестора Хораса Пэйна-Таунсхэнда, который был одним из спонсоров Фабианского общества. Шоу работал на миллионера Вильяма Валдорфа Астора (позже ставшего лордом), собственника газеты Пэлл Мэлл, и стал близким другом его сына по имени Валдорф – главы тайной организации «Милнер Групп» [8]. Статьи Шоу и Вебба, в которых они продвигали социалистические идеи, публиковались и в газете Пэлл Мэлл, и в газете Сэйнт-Джэймс (новое название Пэлл Мэлл после 1880 года).

Так как Шоу, Вебб, Оливьер и Уоллес были лидерами фабианистов, то становится очевидным, что Фабианское Общество было создано в качестве частной организации, управляемой представителями крупнейших газетных издательств, представлявших интересы либерального капитализма.

Несомненно, что ключевыми спонсорами общества были Джон Пассмор Эдвардс, партнер само-го Ричарда Кобдена, крупного фабриканта и лидера английского либерального политического направления, так называемой «Манчестерской школы». Например, в 1890-х, Пассмор Эдвардс пожертвовал 10 000 фунтов стерлингов на новое здание для Лондонской Колы Экономики фабианистов [11, с.93].

Фабианское общество было связано с Манчестерской школой через своего члена Гарольда Кокса, который также был приверженцем Манчестерского либерализма, секретарем «Клуба Кобдена», редактором квартального издания «Эдинбург Ревью», а также сподвижником Сиднея Вебб [11, с.502].

Таким образом видно, что как Карл Маркс, так и Фабианское общество финансировались промышленниками, связанными с левосторонней Манчестерской школой и миром средств массовой информации.

Интересно, что эти и без того могущественные силы были союзниками банковского клана Ротшильдов, тесно связанного с тайным миром леволиберальных средств массовой информации, промышленников и финансистов Манчестера. Известно, что клан Ротшильдов начал свое восхождение именно в Манчестере, где патриарх клана Натан Мейер впервые организовал текстильную торговлю. Ротшильды традиционно поддерживали либералов, некоторые представители семейства были парламентариями либерального направления. Но о связях Фабианского общества с интересами Ротшильдов мне бы хотелось написать в следующей статье.

Список литературы

1. *Bauer, Peter Thomas*. Dissent on Development, London, 1976. 325 с.
2. *Cole, G. D. H.* "The Fabian Society, Past and Present," Fabian Tract №258, London, 1942. 23 с.
3. *Cole, Margaret*. The Story of Fabian Socialism, London, first published in 1961, reprinted in Literary Licensing, LLC, 2013. 396 p.
4. *Henderson, Archibald*. George Bernard Shaw: His Life and Works, A Critical Biography, Cincinnati, OH, 1911. 618 p.
5. *Laidler, Harry W.* History of Socialism, New York, NY, 1968. 970 p.
6. *McBriar, A.M.* Fabian Socialism and English Politics, 1884-1918. [1962] Cambridge: Cambridge University Press, 1966. 388 p.
7. *Pease, Edward, R.* History of the Fabian Society: The Origins of English Socialism, New York, NY, 1916. 22 p.
8. *Quigley, Carroll*. The Anglo-American Establishment: From Rhodes to Cliveden, San Pedro, CA, 1981. 366 p.
9. *Schumpeter, Joseph A.* Capitalism, Socialism and Democracy, 1942, 3rd edn., New York, NY, 1950. 460 p.
10. *Sutton, Antony C.* The Federal Reserve Conspiracy, first published in 1995, reprinted in Carson City, NV, 2005. 83 p.
11. *Webb, Beatrice*. Our Partnership, Drake, B. and Cole, M. eds., London, 1948. 562 p.
12. *Wells, H. G.* Russia in the Shadows, 1920, reprint Forgotten Books, 2012. 91 p.

Reference list

1. *Bauer, Peter Thomas*. Dissent on Development, London, 1976. 325 с.
2. *Cole, G. D. H.* "The Fabian Society, Past and Present," Fabian Tract №258, London, 1942. 23 с.
3. *Cole, Margaret*. The Story of Fabian Socialism, London, first published in 1961, reprinted in Literary Licensing, LLC, 2013. 396 p.
4. *Henderson, Archibald*. George Bernard Shaw: His Life and Works, A Critical Biography, Cincinnati, OH, 1911. 618 p.
5. *Laidler, Harry W.* History of Socialism, New York, NY, 1968. 970 p.
6. *McBriar, A.M.* Fabian Socialism and English Politics, 1884-1918. [1962] Cambridge: Cambridge University Press, 1966. 388 p.

7. *Pease, Edward*, R. History of the Fabian Society: The Origins of English Socialism, New York, NY, 1916. 22 p.
8. *Quigley, Carroll*. The Anglo-American Establishment: From Rhodes to Cliveden, San Pedro, CA, 1981. 366 p.
9. *Schumpeter, Joseph A.* Capitalism, Socialism and Democracy, 1942, 3rd edn., New York, NY, 1950. 460 p.
10. *Sutton, Antony C.* The Federal Reserve Conspiracy, first published in 1995, reprinted in Carson City, NV, 2005. 83 p.
11. *Webb, Beatrice*. Our Partnership, Drake, B. and Cole, M. eds., London, 1948. 562 p.
12. *Wells, H. G.* Russia in the Shadows, 1920, reprint Forgotten Books, 2012. 91 p.

УДК 316.4

Кузнецов Е.С.,

аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

ОСОБЕННОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ МИРОВЫХ СОГЛАШЕНИЙ В АРБИТРАЖНОМ СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ И КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ

Настоящая статья посвящена анализу ключевых проблем заключения мирового соглашения в арбитражном суде апелляционной и кассационной инстанции. Автор исследует вопрос разрешения юридической судьбы предыдущих судебных актов по делу при утверждении мирового соглашения в вышестоящей инстанции и критически оценивает устоявшуюся практику отмены предыдущих судебных актов в рассматриваемом случае.

Ключевые слова: мировое соглашение, процессуальная форма, прекращение производства, отмена судебных актов

Kuznetsov E.,

Postgraduate student of National Research University "Higher School of Economics"

FEATURES OF AMICABLE AGREEMENTS IN ARBITRATION COURT OF APPEAL AND CASSATION INSTANCE

This article is devoted to the analysis of the key issues of the amicable agreement in the Arbitration court of appeal and cassation instance. The article author examines the issue of resolving the legal fate of previous court acts in the case when approving the amicable agreement in a higher instance and evaluates critically the established practice of cancellation of previous court acts in the case under consideration.

Keywords: amicable agreement, procedural form, discontinuation of proceedings, cancellation of court acts

Использование примирительных процедур получает все большее распространение в правоприменительной практике. Стороны нередко стремятся заключить мировое соглашение, в том числе в рамках споров, возникающих из административных и иных публичных правоотношений.

Вместе с тем, применение института мирового соглашения по правилам АПК РФ связано со значительным числом вопросов, требующих дальнейшего теоретического осмысления. Одним из таких вопросов является вопрос разрешения юридической судьбы предыдущих судебных актов по делу при утверждении мирового соглашения в вышестоящей инстанции и необходимости безальтернативной отмены предыдущих судебных актов в рассматриваемом случае.

В соответствии с ч. 2 ст. 150 АПК РФ в случае утверждения мирового соглашения дело подлежит прекращению, в том числе в случае утверждения мирового соглашения в суде апелляционной и кассационной инстанции.

Вместе с тем, АПК РФ не регулирует вопрос разрешения судьбы предыдущих судебных актов в случае, если производство по делу прекращается в суде апелляционной или кассационной инстанции в связи с утверждением мирового соглашения. Так, остается спорным вопрос о необходимости отмены предыдущих судебных актов по делу в рассматриваемом случае. Кроме того, неясно, можно ли считать установленными фактические обстоятельства по делу, которое было прекращено утверждением мирового соглашения, в судебном акте суда первой инстанции в случае утверждения мирового соглашения в суде апелляционной инстанции, и в судебных актах суда первой и апелляционной инстанции – в случае утверждения мирового соглашения в суде кассационной инстанции.

С теоретической точки зрения прекращение дела означает, что по делу не может быть ни одного акта, обладающего законной силой судебного решения, равно как и остальными свойствами, присущими

судебному акту. Действительно, если проанализировать основания прекращения производства по делу в соответствии со ст. 150 АПК РФ, то можно сделать вывод, что прекращение производства по делу не может создавать судебный акт, обладающий законной юридической силой и иными свойствами судебного акта либо в силу того, что он уже существует (пп. 2-3 ч. 1 ст. 150 АПК РФ), либо в силу того, что такой судебный акт в принципе невозможен (пп. 1, 4-7 ч. 1, ч.2 ст. 150 АПК РФ).

Нормы, регулирующие мировое соглашение, размещены в Разделе II АПК РФ («Производство в арбитражном суде первой инстанции. Исковое производство»). В момент прекращения дела в суде первой инстанции, в том числе в связи с утверждением мирового соглашения, судебных актов, обладающих присущими им юридическими свойствами, не существует. Однако такая логика не соответствует утверждению мирового соглашения при пересмотре дела в соответствующих вышестоящих инстанциях, в связи с чем налицо недостаточность правового регулирования последствий утверждения мирового соглашения: помимо прекращения дела в общем порядке, АПК РФ должен содержать специальные нормы о судьбе уже вынесенных судебных актов по данному делу.

Так, в ГПК РФ предусмотрены нормы, определяющие последствия утверждения мирового соглашения в таких случаях. В соответствии с ч. 2 ст. 326.1 ГПК РФ, «...при утверждении мирового соглашения сторон суд апелляционной инстанции отменяет принятое решение суда и прекращает производство по делу». Такое полномочие суда апелляционной инстанции не относится к собственно полномочиям суда апелляционной инстанции по смыслу статьи 328 ГПК РФ, реализуемым судом апелляционной инстанции по результатам рассмотрения апелляционной жалобы. В случае, если суд апелляционной инстанции применяет положения ст. 326.1 ГПК РФ, рассмотрения апелляционной жалобы не имеет места, поэтому нет оснований и для реализации полномочий суда апелляционной инстанции, указанных в статье 328 ГПК РФ.

Вместе с тем, АПК РФ также предусматривает «квази-полномочия», которые отличаются по существу от собственно полномочий арбитражного суда апелляционной инстанции, предусмотренных в ст. 269 АПК РФ. К примеру, отказ заявителя от апелляционной жалобы влечет вынесение арбитражным судом апелляционной инстанции определения [1, ч. 3 ст. 265]. Однако таких «квази-полномочий» для случая утверждения мирового соглашения в суде апелляционной и кассационной инстанции АПК РФ не содержит.

Как следствие, арбитражный суд апелляционной инстанции фактически связан полномочиями, предусмотренными ст. 269 АПК РФ, а арбитражный суд кассационной инстанции – ст. 287 АПК РФ.

Более того, поскольку утверждение мирового соглашения требует прекращения дела по прямому указанию закона (ч. 2 ст. 150 АПК РФ), то арбитражный суд апелляционной инстанции фактически вправе реализовать лишь одно из предусмотренных законом полномочий, которое закреплено в п. 3 абз. 1 ст. 269 АПК РФ: «отменить решение полностью или в части и прекратить производство по делу либо оставить исковое заявление без рассмотрения полностью или в части», поскольку только данное полномочие позволяет суду прекратить производство по делу. Аналогично, арбитражный суд кассационной инстанции фактически может реализовать только полномочие по отмене решения суда первой инстанции и (или) постановления суда апелляционной инстанции полностью или в части и прекратить производство [1, п. 6 ч. 1 ст. 287].

Соответственно, в соответствии с АПК РФ на данный момент фактически невозможна ситуация, когда решение арбитражного суда, вынесенное арбитражным судом первой инстанции (апелляционной инстанции), не будет отменено при утверждении мирового соглашения в суде апелляционной инстанции (кассационной инстанции).

С одной стороны, отмена предыдущих судебных актов необходима для исключения ситуации одновременного существования двух и более судебных актов по одному делу, имеющих одинаковую юридическую силу и которые потенциально могут друг другу противоречить.

С другой стороны, отмена решения суда первой инстанции через полномочие, предусмотренное ч. 3 ст. 269 АПК РФ, связано с необходимостью изложения мотивов, по которым суд апелляционной инстанции не соглашается с выводами арбитражного суда первой инстанции.

Законодатель, таким образом, подразумевает, что отмена решения суда первой инстанции обязательно означает несогласие суда апелляционной инстанции с таким решением, однако при утверждении мирового соглашения в суде апелляционной инстанции такого несогласия может и не быть: во-первых, может не быть самого рассмотрения жалобы по существу, а во-вторых, арбитражный суд апелляционной инстанции может быть согласен с мотивами предыдущего судебного акта, если рассмотрение жалобы по существу состоялось, но стороны до момента удаления суда для вынесения постановления ходатайствовали перед судом об утверждении мирового соглашения.

Учитывая также то, что отмена судебного акта означает то, что он теряет свою законную силу судебного решения и иные свойства, что фактически означает, что отмененный судебный акт никогда не существовал, возникает вопрос о фактических обстоя-

тельствах, которые были установлены решением суда первой инстанции и с которыми по большому счету может быть согласен суд вышестоящей инстанции.

Данная проблема интересна с той точки зрения, что иногда самим сторонам необходимо, чтобы фактические обстоятельства, установленные решением суда первой инстанции, не утратили силу в связи с отменой судебного акта, которым эти обстоятельства были установлены, после утверждения мирового соглашения в вышестоящей инстанции. «Неустановленность» фактических обстоятельств, отраженных в отменном решении арбитражного суда первой инстанции при утверждении мирового соглашения арбитражным судом апелляционной инстанции, может влечь негативные материально-правовые последствия для сторон, проиллюстрированные примером из правоприменительной практики далее.

Ситуация затрагивала спор между налоговым резидентом Индии (истец) и налоговым резидентом России (ответчик) [2]. Истец представлял собой фармацевтическую компанию, производящую продукцию под товарным знаком «МИКОЗОН», при этом защита данного товарного знака была обеспечена и в России. Ответчик – также производил фармацевтическую продукцию под схожим товарным знаком «МИКОЗАН». Истец обратился в арбитражный суд с требованиями о запрете ответчику производить продукцию под товарным знаком «МИКОЗАН» как товарным знаком, сходным до степени смешения с тем, что принадлежит истцу, и под которым он – истец – производит продукцию, которая реализуется в том числе на фармацевтическом рынке РФ.

Суд удовлетворил иск. После этого ответчики обратились в суд апелляционной инстанции с жалобой, однако в процессе стороны решили обратиться к примирительным процедурам и заключить мировое соглашение.

Одним из пунктов мирового соглашения должен был стать пункт о компенсационной выплате истцу. Так, в мировом соглашении указывается сумма, уплачиваемая ответчиком в счет возмещения ущерба, возникшего в результате действий ответчика, связанных с маркировкой и реализацией продукции под товарным знаком ответчика. Взамен истец отказывался от всех первоначально заявленных требований (включая запрет использования товарного знака «МИКОЗАН» при производстве фармацевтической продукции).

При рассмотрении дела арбитражный суд первой инстанции установил, что товарные знаки истца и ответчика являются сходными до степени смешения. Данное обстоятельство, как на это указывал Президиум ВАС РФ в п. 13 Информационного письма от 13 декабря 2007 года № 122 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел, связанных с при-

менением законодательства об интеллектуальной собственности», является вопросом факта, который «по общему правилу может быть разрешен судом без назначения экспертизы».

Соответственно, в случае утверждения мирового соглашения в суде апелляционной инстанции возник вопрос о том, сохраняется ли свойство «установленности» того факта, что спорные товарные знаки являются сходными до степени смешения. В деле по товарному знаку «МИКОЗАН» данное обстоятельство могло иметь значение для ответчика с материально-правовой точки зрения – а именно, с точки зрения возможности учета для целей налогообложения прибыли рассматриваемой компенсационной выплаты при отсутствии каких-либо нарушений прав истца, что зафиксировано в мировом соглашении, и при отсутствии «установленности» фактического обстоятельства сходства до степени смешения товарных знаков, которое было отражено лишь в решении арбитражного суда первой инстанции.

Таким образом, для рассматриваемого выше материально-правового последствия утверждения мирового соглашения в виде осуществления компенсационной выплаты в пользу истца в арбитражном суде апелляционной инстанции необходимо так или иначе подтвердить нанесенный истцу ущерб.

В случае отмены решения суда первой инстанции при утверждении мирового соглашения в суде апелляционной инстанции обстоятельство сходства до степени смешения окажется неустановленным; как следствие, ущерб, полученный истцом, имеет лишь предположительную причинно-следственную связь с действиями ответчика и, следовательно, истец продолжит оставаться лишь предполагаемым носителем субъективного материального права на компенсационную выплату. При этом ответчик, в свою очередь, действовал правомерно, поскольку не установлено иное, что имеет место при отмене судебного акта, в котором такое «иное» и было установлено.

Таким образом, отмена решения арбитражного суда при утверждении мирового соглашения в арбитражном суде апелляционной инстанции может противоречить интересам сторон. Учитывая, что АПК РФ содержит лишь требование о прекращении производства по делу при утверждении по делу, но не отмене предыдущих судебных актов, необходимость отмены предыдущих судебных актов в рассматриваемом случае подлежит дальнейшему теоретическому осмыслению.

Представляется также необходимым проанализировать дело, рассмотренное Верховным Судом РФ в октябре 2014 года, которое косвенно подтверждает аргумент о том, что отмена предыдущих судебных актов не требуется при утверждении мирового соглашения и последующего прекращения производства

по делу в той же апелляционной и иной вышестоящей инстанции. Так, представляет интерес Определение Верховного Суда РФ от 15 октября 2014 года по делу № 308-ЭС14-91, А53-16593/2013. В данном определении отражена следующая логика: если дело окончено мировым соглашением, то обстоятельства, установленные [т.е. фактически отраженные в мировом соглашении – прим. автора] в рамках данных дел, «не могут быть положены в основу судебных решений», поскольку «судом вообще не устанавливались какие-либо обстоятельства», и по таким делам «судебная оценка доказательств и установление обстоятельств дела не осуществляется». В рамках данного конкретного дела проблема заключалась скорее в преюдициальной силе судебного решения, которое содержало в себе текст утвержденного мирового соглашения, которое, в свою очередь, содержало ряд обстоятельств, в сохранении свойства «установленности» которых для других дел был заинтересован ответчик. Но в рамках анализируемого автором вопроса представляется возможным и обоснованным такой вывод исходя из логики Верховного Суда РФ: если конкретные обстоятельства все-таки рассматривались и устанавливались судом первой инстанции, производилась оценка доказательств, то утверждение мирового соглашения в вышестоящей инстанции не влечет признания данных конкретных обстоятельств неустановленными по конкретному делу.

Следовательно, обстоятельства, отраженные в решении арбитражного суда первой инстанции, должны сохранить свойство «установленности». Поскольку при утверждении мирового соглашения в суде апелляционной инстанции отмена решения суда первой инстанции при прекращении производства повлечет признание действительно установленных судом первой инстанции обстоятельств неустановленными даже и в том случае, если суд апелляционной инстанции с ними согласен, необходимо рассмотреть иные способы, позволяющие сохранить свойство «установленности» для обстоятельств, отраженных в решении арбитражного суда первой инстанции.

Ключевым обстоятельством, которое не позволяет арбитражным судам не отменять судебные акты предыдущих инстанций, а исследователям – предлагать иные правовые способы, которые способствовали бы сохранению свойства «установленности» для обстоятельств, отраженных в решении арбитражного суда первой инстанции, является проблема наличия нескольких судебных актов, имеющих одинаковую законную силу судебного решения. Как было отмечено выше, теоретически, отмена предыдущих судебных актов необходима для исключения ситуации одновременного существования двух и более судебных актов по одному делу, имеющих одинаковую юридическую силу и которые потенциально могут друг

другу противоречить. На данное внимание обращают внимание и исследователи – так, например, как отмечает А.С. Морозова, «иначе прекратить производство по делу, не отменяя судебное решение, невозможно, поскольку по одному делу в законную силу вступят два различных по своему содержанию судебных акта» [4].

О необходимости отмены предыдущих судебных актов утверждает также и Л.А. Терехова: «Поэтому такому полномочию, как отмена решения суда первой инстанции с прекращением производства по делу или оставлением заявления без рассмотрения, должны соответствовать основания для отмены, учитывающие специфику ситуации <...> было бы достаточно отсылочных норм в ст. 362 ГПК РФ и ст. 270 АПК РФ следующего содержания: основанием для отмены решения суда первой инстанции является также отказ истца от иска, принятый судом второй инстанции, или заключение сторонами мирового соглашения, утвержденного судом второй инстанции» [5].

Таким образом, необходимость отмены предыдущих судебных актов при утверждении мирового соглашения в суде апелляционной (кассационной) инстанции не будет столь необходима, если решить вопрос о противоречии судебных актов по одному делу, обладающих одинаковой юридической силой.

Данный вопрос теоретически можно решить посредством лишения предыдущего судебного акта части законной силы судебного решения при сохранении прочих свойств, с тем чтобы судебные акты по одному делу и существовали одновременно, но в то же время не противоречили друг другу в силу разной законной силы судебного решения. К примеру, судебный акт предыдущей инстанции можно лишиться свойства исполнимости по аналогии с нормой части 7 статьи 141 АПК РФ, в соответствии с которой в определении об утверждении мирового соглашения, заключенного в процессе исполнения судебного акта арбитражного суда, должно быть также указано, что этот судебный акт не подлежит исполнению. Косвенно такая возможность подтверждена иными исследователями. Например, Кочергин К.В. отмечает, что «АПК РФ разрешен вопрос о действии нескольких судебных актов по одному делу для случаев утверждения мировых соглашений, заключенных в процессе исполнения судебных актов арбитражных судов» [3].

В таком случае фактические обстоятельства, установленные данным судебным актом предыдущей инстанции, сохраняют свойство «установленности».

Строго говоря, в рамках производства в суде апелляционной и кассационной инстанции суд может дать правовую оценку установленным арбитражным судом первой инстанции (апелляционной инстанции) обстоятельствам, если дело будет рассмотрено по существу, но стороны заявят ходатайство об утверж-

дении мирового соглашения до момента, когда арбитражный суд удаляется для принятия решения в порядке ст. 166 АПК РФ.

Таким образом, в случае, если дело фактически рассмотрено по существу арбитражным судом апелляционной инстанции, тогда:

– суд при согласии с выводами суда первой инстанции, включая установленные им фактически обстоятельства, при утверждении мирового соглашения должен прекратить производство по делу без отмены предыдущих судебных актов, но с лишением их свойства исполнимости;

– суд при несогласии с выводами суда первой инстанции, включая установленные им фактически обстоятельства, при утверждении мирового соглашения должен прекратить производство по делу и отменить предыдущие судебные акты. В таком случае, как указано в указанном выше Определении Верховного Суда РФ от 15 октября 2014 года по делу № 308-ЭС14-91, А53-16593/2013, никакие обстоятельства по делу не будут признаны установленными судом первой инстанции, что соответствует случаю, когда мировое соглашение утверждается в суде первой инстанции.

Напротив, в случае, если дело фактически не рассмотрено по существу арбитражным судом апелляционной инстанции, тогда суд без правовой оценки выводов суда первой инстанции, включая установленные им фактически обстоятельства, при утверждении мирового соглашения должен прекратить производство по делу без отмены предыдущих судебных актов, но с лишением их свойства исполнимости.

Предложенное выше должно быть отражено в АПК РФ в статье, аналогичной статье 326.1 ГПК РФ в том смысле, что данная статья должна предусматривать «квази-полномочия» суда апелляционной (кассационной) инстанции при утверждении мирового соглашения, отличные от собственно полномочий, реализуемых судом апелляционной (кассационной) инстанции по результатам рассмотрения апелляционной (кассационной) жалобы.

При этом на момент написания данной статьи автором не было обнаружено ни одного судебного акта арбитражного суда апелляционной (кассационной) инстанции, в рамках которого при утверждении мирового соглашения предыдущие судебные акты не были бы отменены.

Список литературы

1. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 28.12.2017) // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
2. Решение Арбитражного суда города Москвы от 24.10.2014 года по делу № А40-105408/14.
3. *Кочергин К.В.* Утверждение мировых соглашений в арбитражных судах апелляционной и кассационной инстанций // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 1. С. 32-36 // Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
4. *Морозова А.С.* Полномочия суда апелляционной инстанции // Администратор суда. 2017. № 2. С. 16-20.
5. *Терехова Л.А.* Система пересмотра судебных актов в механизме судебной защиты. М.: Волтерс Клувер, 2007. 320 с.

Reference list

1. "Arbitration Procedure Code of the Russian Federation" of 24.07.2002 № 95-FL (as amended on 28.12.2017) // Access mode: Rference legal system "ConsultantPlus".
2. The Decision of the Arbitration Court of Moscow from 24.10.2014 in the case № А40-105408/14.
3. *Kochergin K.* Approval of amicable agreements in arbitration courts of appeal and cassation instance // Arbitration and civil proceedings. 2010. №1. P. 32-36 // Access mode: Reference legal system "ConsultantPlus".
4. *Morozova A.* Powers of court of appeal instance / Administrator suda. 2017. №2. P. 16-20.
5. *Terekhova L.* Court acts review system in the mechanism of judicial protection. M.: Volters Kluver, 2007. 320 p.

УДК 347.4

Галицкая А.А.,аспирант кафедры «Гражданское право и гражданский процесс»
Юридического института Российского университета транспорта

ДОГОВОР СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Статья посвящена проблемам, возникающим в правоприменительной практике при разрешении дел, возникающих из договоров строительного подряда, разрешаемых арбитражными судами. Договор строительного подряда в настоящее время очень широко применяется как юридическими лицами, так и индивидуальными предпринимателями, вызывает особый интерес, как при формировании законодательной базы, так и в правоприменительной практике. Поскольку в договоре строительного подряда обширны права и обязанности сторон договора, уже в процессе исполнения обязательств по договору возникает множество вопросов и проблем, которые стороны договора зачастую не могут урегулировать самостоятельно, в связи с чем, вынуждены обращаться в арбитражные суды с исковыми заявлениями. В статье автор дает понятие договора строительного подряда; рассматривает особенности, существенные условия договора строительного подряда. Автор приводит примеры из судебной практики, обращая при этом особое внимание представленным доказательствам, применяемым нормам действующего законодательства при разрешении споров, возникающих из договоров (контрактов) строительного подряда, в том числе, заключенных в рамках Закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 года №44-ФЗ. Подробно проанализировав договор строительного подряда, автор приходит к выводу, что в правоприменительной практике доказательства, представленные сторонами договора при разрешении споров, возникающих из договоров строительного подряда, должны быть оценены судом в совокупности, им должна быть дана оценка в принятом по делу судебном акте, следует обращать внимание и на нормы действующего законодательства, которые применяют суды при разрешении дел данной категории.

Ключевые слова: договор строительного подряда, письменная форма договора, цена договора, оплата работ, строительные работы, предназначенные для удовлетворения государственных и муниципальных нужд, заключение государственного или муниципального контракта на выполнение дополнительных работ

Galitskaya A.,Postgraduate student of the Chair "Civil Law and Civil Procedure"
of the Law Institute of the Russian University of Transport

THE BUILDING CONTRACT IN AN ESTABLISHED PRACTICE IN APPLYING THE LAW

This article is devoted to the issues arising in an established practice in applying the law in resolving cases occurring from building contracts resolved by arbitration courts. The building contract is now widely used by both legal persons and individual entrepreneurs and it is of particular interest, both in the formation of legal framework and in an established practice in applying the law. Since the building contract has extensive rights and obligations of the contracting parties, already in the process of performance of obligations under the contract, there are many questions and issues that the contracting parties often cannot settle on their own, in connection with they are forced to apply in arbitration courts with statements of claim. In the article the author gives concept of the building contract and considers features, essential conditions of a building contract. The contributor gives examples from a court practice, paying particular attention to the present evidences, applied to the norms of the current legislation in the resolution of disputes, arising from building contracts (agreements), including entering into upon the terms and conditions contained in the Law "On the contract system in the procurement of goods, works, services for state and municipal needs" dated 05.04.2013. №44-FL. Having analyzed the building contract in detail, the article author comes to the conclusion that in an established practice in applying the law the evidences, presented by the contracting parties in the settlement of disputes arising from building contacts, must be evaluated by the court in aggregate, they must be assessed in

the adopted court acts on a case; it is necessary to pay attention to the norms of the current legislation, which are used by the courts in resolving cases of this category.

Keywords: building contract, written form of contract, contract price, payment for works, building works, designed to meet state and municipal needs, conclusion of state and municipal agreement for performance additional works

Согласно действующего гражданского законодательства гражданские права и обязанности возникают из оснований, предусмотренных законом и иными правовыми актами, а также из действий граждан и юридических лиц, которые хотя и не предусмотрены законом или такими актами, но в силу общих начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности.

В соответствии с этим гражданские права и обязанности возникают, в том числе, из договоров и иных сделок, предусмотренных законом, а также из договоров и иных сделок, хотя и не предусмотренных законом, но не противоречащих ему.

В соответствии со статьей 740 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] основанием для возникновения правоотношения по строительному подряду является также договор, либо государственный контракт, заключенный в рамках Федерального закона от 05.04.2013 г. №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [2].

По договору строительного подряда подрядчик обязуется в установленный договором срок построить по заданию заказчика определенный объект либо выполнить иные строительные работы, а заказчик обязуется создать подрядчику необходимые условия для выполнения работ, принять его результат и уплатить обусловленную цену.

Под понятие строительного подряда подпадают не только работы по строительству, но и связанные с этим иные виды работ, такие как монтажные работы, ремонтные работы, реконструкция объекта, пусконаладочные работы и тому подобные.

Особенности договора строительного подряда

1. Договор строительного подряда заключается на строительство или реконструкцию предприятия, здания (в том числе жилого дома), сооружения или иного объекта, а также на выполнение монтажных, пусконаладочных и иных неразрывно связанных со строящимся объектом работ. При капитальном ремонте зданий и сооружений также применяются правила о договоре строительного подряда, если иное не предусмотрено в договоре

2. Если по договору строительного подряда выполняются работы для удовлетворения личных потребностей гражданина, то его права дополнительно регулируются положениями §2 «Бытовой подряд» глава 37 Гражданского кодекса Российской Федерации

3. Договор заключается в письменной форме (статьи 160-161 Гражданского кодекса Российской Федерации). При несоблюдении письменной формы нельзя ссылаться в подтверждение сделки на свидетельские показания, однако можно приводить письменные и другие доказательства (статья 162 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Однако в судебной практике возможно и принятие в качестве доказательств свидетельских показаний, но только как дополнительных, в подтверждение факта выполнения работ, а не в качестве доказательства существования между сторонами договорных отношений, то есть в дополнение представленных иных доказательств, подтверждающих факт выполнения работ по договору строительного подряда [3].

В подтверждение факта выполнения работ могут быть представлены акты выполненных работ, подписанные заказчиком, справки о стоимости выполненных работ и другие доказательства, из которых имеется возможность установить фактический объем выполненных работ, их стоимость.

Следовательно, отсутствие между сторонами договорных правоотношений не освобождает заказчика от оплаты результатов фактически выполненных работ.

Данная позиция судов соответствует разъяснениям пункта 2 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24.01.2000 №51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда».

Существенные условия договора строительного подряда

Это условия, обязательные для договоров данного вида. Договор считается заключенным, если между сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора (пункт 1 статьи 432 Гражданского кодекса Российской Федерации). Без них договор будет считаться незаключенным.

Существенными условиями являются:

- условия, позволяющие определить конкретный вид работы (пункт 1 статьи 740 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Но здесь следует обратить внимание на то, что в соответствии со статьей 743 Гражданского кодекса Российской Федерации в договоре должны быть определены состав и содержание технической документации, техническая документация обязательна для подрядчика. Однако отсутствие утвержденной технической документации не является безусловным основанием для признания договора незаключенным. Если заказчик ознакомлен с типовым проектом объекта, то можно считать, что предмет договора сторонами согласован;

- условие о сроке выполнения работ;

- условие о цене работы (пункт 1 статьи 740, пункт 1 статьи 746 Гражданского кодекса Российской Федерации).

В судебной практике имеют место быть споры, касающиеся выполнения дополнительных работ в отсутствие договорных отношений.

Здесь также важно доказать сам факт выполненных работ.

Бывают случаи, когда сторонами не оспаривается, что они не заключали договор на выполнение какой-либо части дополнительных работ в письменной форме. В отсутствие допустимых доказательств, содержащих сведения о согласовании существенных условий договора строительного подряда, суд приходит к выводу об отсутствии между сторонами договорных отношений, и о применении при разрешении спора правил главы 60 Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах вследствие неосновательного обогащения.

Однако в данном случае не доказав сам факт выполнения каких-либо конкретных работ, результаты которых были бы приняты заказчиком по акту приемки выполненных дополнительных работ, требования о взыскании стоимости данных работ не подлежат удовлетворению [4].

Согласно статье 763 Гражданского кодекса Российской Федерации подрядные строительные работы, предназначенные для удовлетворения государственных или муниципальных нужд, осуществляются на основе государственного или муниципального контракта на выполнение подрядных работ для муниципальных нужд.

С одной стороны, отношения в области строительного подряда по государственному (муниципальному) контракту регулируются нормами §3 гл. 37 «Строительный подряд» Гражданского кодекса Российской Федерации, с другой – законодательством о государственных закупках и §5 гл. 37 Гражданского кодекса Российской Федерации, что как правильно

отмечал Белов В.А., влечет «пробельность и межотраслевую противоречивость» [5].

Государственный (муниципальный) контракт заключается на условиях, предусмотренных в том числе, извещением об осуществлении закупки и документацией о закупке (ч. 1 ст. 34 Федерального закона от 05.04.2013 г. №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»). Условия, которые в случае проведения закупки работ должны содержаться в документации и извещении, определены соответственно в ст. 33 и п. 2 ст. 42 Федерального закона от 05.04.2013 г. №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Заказчику необходимо включить их в проект контракта, поскольку в нем отражаются условия, на которых будет заключен контракт с победителем закупки.

К числу данных условий относятся:

- требования к качественным, техническим и функциональным характеристикам работ (п. 1 ч. 1 ст. 33 Федерального закона от 05.04.2013 г. №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»);

- место выполнения работы (п. 2 ст. 42 Федерального закона от 05.04.2013 г. №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»);

- срок завершения работы (п. 2 ст. 42 Федерального закона от 05.04.2013 г. №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»).

В практике рассмотрения дел возникают вопросы по определению лица, обязанного оплатить выполненные работы по государственному (муниципальному) контракту на выполнение подрядных работ для государственных (муниципальных) нужд.

Проанализируем некоторые понятия.

Контрактная система в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд – совокупность участников контрактной системы в сфере закупок (федеральный орган исполнительной власти по регулированию контрактной системы в сфере закупок, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации по регулированию контрактной системы в сфере закупок, иные федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, уполномоченные на осуществление нормативно-правового регулирования и контроля в сфере закупок, Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом», Государственная корпорация по космической деятельности «Роскосмос», заказчики,

участники закупок, в том числе признанные поставщиками (подрядчиками, исполнителями), уполномоченные органы, уполномоченные учреждения, специализированные организации, операторы электронных площадок) и осуществляемых ими, в том числе с использованием единой информационной системы в сфере закупок (за исключением случаев, если использование такой единой информационной системы не предусмотрено настоящим Федеральным законом), в соответствии с законодательством Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами о контрактной системе в сфере закупок действий, направленных на обеспечение государственных и муниципальных нужд.

Закупка товара, работы, услуги для обеспечения государственных или муниципальных нужд (далее – закупка) – совокупность действий, осуществляемых в установленном настоящим Федеральным законом порядке заказчиком и направленных на обеспечение государственных или муниципальных нужд. Закупка начинается с определения поставщика (подрядчика, исполнителя) и завершается исполнением обязательств сторонами контракта.

Государственный (муниципальный) контракт на выполнение подрядных работ для государственных (муниципальных) нужд – это гражданско-правовой договор, по которому подрядчик обязуется выполнить строительные, проектные и другие связанные со строительством и ремонтом объектов производственного и непроизводственного характера работы и передать их государственному (муниципальному) заказчику, а последний обязуется принять выполненные работы и оплатить их или обеспечить их оплату (п. 2 ст. 763 ГК РФ).

Государственный контракт, муниципальный контракт – договор, заключенный от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации (государственный контракт), муниципального образования (муниципальный контракт) государственным или муниципальным заказчиком для обеспечения соответственно государственных нужд, муниципальных нужд.

Государственный заказчик – государственный орган (в том числе орган государственной власти), Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом», Государственная корпорация по космической деятельности «Роскосмос», орган управления государственным внебюджетным фондом либо государственное казенное учреждение, действующие от имени Российской Федерации или субъекта Российской Федерации, уполномоченные принимать бюджетные обязательства в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации от имени Российской Федерации или субъекта Российской Федерации и осуществляющие закупки.

Муниципальный заказчик – муниципальный орган или муниципальное казенное учреждение, действующие от имени муниципального образования, уполномоченные принимать бюджетные обязательства в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации от имени муниципального образования и осуществляющие закупки.

Учитывая вышеизложенное, по государственному контракту государственным заказчиком выступают государственный орган, обладающий необходимыми инвестиционными ресурсами, или организация, наделенная соответствующими государственным органом правом распоряжаться такими ресурсами, а подрядчиком – юридическое лицо или гражданин (статья 764 Гражданского кодекса Российской Федерации).

В случаях, когда при заключении государственных контрактов на выполнение подрядных работ для государственных нужд государственные заказчики действуют от имени и в интересах публично-правового образования, должником по обязательствам, вытекающим из таких контрактов, является само публично-правовое образование в лице уполномоченного органа, у которого находятся выделенные для оплаты указанных работ бюджетные средства.

Федеральный закон от 05.04.2013 г. №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» регулирует отношения, связанные с размещением заказов на поставки товаров (выполнение работ, оказание услуг), устанавливая единый порядок размещения заказов как для государственных (муниципальных) нужд, так и для нужд бюджетных учреждений. Распространение положений названного Закона на соответствующие договоры, заключаемые бюджетными учреждениями для обеспечения собственной деятельности, обусловлено в том числе необходимостью эффективного использования бюджетных средств, обеспечения гласности и прозрачности размещения заказов, предотвращения коррупции и других злоупотреблений в сфере размещения заказов.

При этом в Федеральном законе от 05.04.2013 г. №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» разграничены понятия как государственных (муниципальных) нужд и нужд бюджетных учреждений, так и договоров, заключаемых для их обеспечения.

Для удовлетворения потребностей публично-правовых образований в товарах (работах, услугах), необходимых для осуществления государственных функций и полномочий, для решения вопросов местного значения государственным (муниципальным) заказчиком заключается государственный (муници-

пальный) контракт в интересах и от имени публично-правового образования. Для обеспечения собственных потребностей бюджетным учреждением заключается договор от своего имени, и в данном случае учреждение выступает как юридическое лицо со специальной правоспособностью, действующее в собственных интересах в соответствии с целями деятельности, предусмотренными в его учредительных документах.

В соответствии с действующим гражданским законодательством, государственное или муниципальное учреждение может быть казенным, бюджетным или автономным учреждением. Порядок финансового обеспечения деятельности государственных и муниципальных учреждений определяется законом.

Государственные и муниципальные учреждения не отвечают по обязательствам собственников своего имущества.

Бюджетное учреждение отвечает по своим обязательствам всем находящимся у него на праве оперативного управления имуществом, в том числе приобретенным за счет доходов, полученных от приносящей доход деятельности, за исключением особо ценного движимого имущества, закрепленного за бюджетным учреждением собственником этого имущества или приобретенного бюджетным учреждением за счет средств, выделенных собственником его имущества, а также недвижимого имущества независимо от того, по каким основаниям оно поступило в оперативное управление бюджетного учреждения и за счет каких средств оно приобретено.

Статьей 125 Гражданского кодекса Российской Федерации установлено, что от имени Российской Федерации и субъектов Российской Федерации могут своими действиями приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права и обязанности, выступать в суде органы государственной власти в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов.

Аналогичное положение приведено в статье 3 ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», согласно которой государственным заказчиком (лицом, уполномоченным от имени Российской Федерации или субъекта Российской Федерации принимать бюджетные обязательства и осуществляющие закупки) могут выступать (в числе иных органов) государственные органы, органы управления государственным внебюджетным фондом либо государственное казенное учреждение.

По смыслу статей 124, 125 Гражданского кодекса Российской Федерации участниками гражданских правоотношений являются публично-правовые образования, но не созданные ими государственные органы или органы местного самоуправления. Органы го-

сударственной власти в рамках их компетенции своими действиями могут приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права и обязанности, выступать в суде от имени субъектов Российской Федерации (пункт 1 статьи 125 Гражданского кодекса Российской Федерации).

В силу пункта 10 статьи 158 Бюджетного кодекса Российской Федерации и разъяснениям, данным в пункте 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2006 №23 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами норм Бюджетного кодекса Российской Федерации», в суде от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования по искам, предъявленным к публично-правовым образованиям, выступает соответствующий главный распорядитель бюджетных средств, обладающий необходимыми полномочиями на момент рассмотрения дела в суде.

Согласно статье 71 Бюджетного кодекса Российской Федерации все закупки товаров, работ, услуг на сумму свыше 2000 минимальных размеров оплаты труда осуществляются исключительно на основе государственных и муниципальных контрактов.

Под государственным или муниципальным контрактом в силу части 1 статьи 72 Бюджетного кодекса Российской Федерации понимается договор, заключенный органом государственной власти или органом местного самоуправления, бюджетным учреждением, уполномоченным органом или организацией от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования с физическими и юридическими лицами в целях обеспечения государственных или муниципальных нужд, предусмотренных в расходах соответствующего бюджета. Государственный и муниципальный контракты размещаются на конкурсной основе, если иное не установлено федеральными законами, законами и законодательными актами субъектов Российской Федерации, нормативными правовыми актами представительных органов местного самоуправления (часть 2 статьи 72 Бюджетного кодекса).

Когда при заключении муниципальных контрактов на выполнение подрядных работ для муниципальных нужд муниципальные заказчики действуют от имени и в интересах муниципального образования, должником по обязательствам, вытекающим из таких контрактов, является муниципальное образование в лице уполномоченного органа, у которого находятся выделенные для оплаты указанных работ бюджетные средства.

Следовательно, выступая стороной государственного заказчика в рамках государственного контракта, заключенного для обеспечения государственных нужд (статья 764 Гражданского кодекса Россий-

ской Федерации), сторона по контракту (заказчик) в силу закона может действовать не в своих собственных интересах, а от имени и в интересах субъекта Российской Федерации, который, по сути, и является стороной в спорных взаимоотношениях.

В рамках рассматриваемых споров о взыскании задолженности по государственному контракту, заключенному для обеспечения государственных нужд, судам необходимо вынести на обсуждение лиц, участвующих в деле, вопрос о привлечении к участию в деле публично-правовое образование, если иск заявлен непосредственно только к стороне по контракту, судам необходимо определить надлежащего ответчика по делу, вытекающему из гражданских правоотношений.

В данном случае необходимо также проверить в соответствии с уставом заказчика (стороны по контракту), для каких целей создано указанное юридическое лицо, и если целью является обеспечение полномочий определенного субъекта Российской Федерации по его функциям как государственного заказчика по объектам, строительство которых осуществляется за счет средств (в числе иных средств) бюджета субъекта Российской Федерации, и при доказанности указанных обстоятельств, субъект Российской Федерации не может быть освобожден от обязанности в полном объеме произвести оплату работ, выполненных по государственному контракту для обеспечения нужд субъекта Российской Федерации, следовательно, взыскание может быть произведено с субъекта Российской Федерации в лице соответствующего полномочного органа за счет средств казны [6].

Рассмотрим несколько вариантов выполнения дополнительных работ в отсутствие заключенного контракта в соответствии с требованиями Федерального закона от 05.04.2013 г. №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

Данный закон регулирует отношения, направленные на обеспечение государственных и муниципальных нужд в целях повышения эффективности, результативности осуществления закупок товаров, работ, услуг, обеспечения гласности и прозрачности осуществления таких закупок, предотвращения коррупции и других злоупотреблений в сфере таких закупок.

Если при рассмотрении дела усматривается, что стороны не заключали в порядке, предусмотренном Законом №44-ФЗ, государственного контракта на выполнение дополнительных работ, то и оплате такие работы не подлежат [7].

Поскольку финансирование работ для государственных учреждений осуществляется из федерального бюджета, заключение государственного

контракта в силу положений Закона №44-ФЗ является обязательным для сторон условием.

Взыскание за фактически выполненные при отсутствии государственного (муниципального) контракта работы открывало бы возможность для недобросовестных исполнителей работ и государственных (муниципальных) заказчиков приобретать незаконные имущественные выгоды в обход Закона №44-ФЗ. Между тем никто не вправе извлекать преимущества из своего незаконного поведения.

На невозможность предъявления к оплате в рамках исполнения государственного контракта дополнительных работ, выполнение которых не согласовано в порядке, установленном Законом №44-ФЗ, указано в пункте 20 Обзора судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28.06.2017 года, согласно которому по общему правилу поставка товаров, выполнение работ или оказание услуг в целях удовлетворения государственных или муниципальных нужд в отсутствие государственного или муниципального контракта не порождает у исполнителя право требовать оплаты соответствующего предоставления.

Таким образом, выполнение работ без государственного (муниципального) контракта, подлежащего заключению в случаях и в порядке, предусмотренных Законом №44-ФЗ, свидетельствует о том, что лицо, выполнявшее работы, не могло не знать, что работы выполняются им при очевидном отсутствии обязательства.

Однако не всегда выполненные дополнительные работы в отсутствие заключенного государственного контракта не подлежат оплате [8].

При рассмотрении дела, возможно, установить, в том числе и путем проведения судебной экспертизы, что выполненные дополнительные работы относятся к предметам ранее заключенных государственных контрактов, образуют единый цикл строительства одного объекта, состоящего например из нескольких комплексов, связанных при этом с технологическим циклом выполнения работ по каждому из ранее заключенных контрактов и дополняют технологический цикл каждого из них, также учитывается например необходимость экстренного проведения работ, о чем заказчику было известно.

Данный вывод о возможности оплаты согласованных с заказчиком дополнительных строительных работ по государственным контрактам при указанных выше обстоятельствах согласуются с правовым подходом, закрепленным в Обзоре судебной практики применения законодательства Российской Феде-

рации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28.06.2017.

Что же касается цены работы по договору строительного подряда, если она не установлена договором, то, учитывая положения пункта 1 статьи 709 и пункта 3 статьи 424 Гражданского кодекса Россий-

ской Федерации, цена договора должна определяться не по фактическим затратам подрядчика, а исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за аналогичные товары, работы или услуги.

В данном случае суды вправе назначить судебную экспертизу для определения стоимости выполненных работ [9].

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 2) от 26 января 1996 года №14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 января 1996 года. №5. Ст. 410.
2. Федеральный закон от 05 апреля 2013 года №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации от 08 апреля 2013 года. №14. Ст. 1652.
3. Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13.07.2011 г. №ВАС-8248/11.
4. Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 26.08.2010 г. по делу №А28-3893/2010.
5. Белов В.А. О некоторых аспектах рассмотрения споров при осуществлении закупок товаров (выполнении работ и оказании услуг) в государственном и муниципальном секторе экономики // Закон. 2012. №6. С. 73.
6. Постановление Арбитражного Суда Восточносибирского округа от 28.06.2017 г. по делу №А78-7012/2016.
7. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20.12.2017 г. по делу №А56-24242/2017.
8. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 03.08.2017 г. №305-ЭС17-4364.
9. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20.10.2015 г. №18-КГ15-167.
10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) от 30 ноября 1994 года №51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 05 декабря 1994 года. №32. Ст. 3301.

Reference list

1. The Civil Code of the Russian Federation (part 2) of 26th of January, 1996 №14-FL // Collection of legislation of the Russian Federation of 29th of January, 1996. №5. Art. 410.
2. The Federal Law of 05th of April, 2013 №44-FL "On the contract system in the procurement of goods, works, services for state and municipal needs" // Collection of legislation of the Russian Federation from 08th of April, 2013. №14. Art. 1652.
3. The Decision of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 13.07.2011, №SAC-8248/11.
4. The Decision of Federal Arbitration Court of the Volgo-Vyatskiy district from 26.08.2010, the case №A28-3893/2010.
5. *Belov V.* About some aspects of consideration of disputes at implementation of purchases of goods (performance of works and rendering services) in the public and municipal sector of economy // *Zakon*. 2012. №6. P. 73.
6. The Decision of the Arbitration Court of the East Siberian district of 28.06.2017, the case №A78-7012/2016.
7. The Decision of the Arbitration Court of the Northwestern district from 20.12.2017, the case №A56-242/2017.
8. The Determination of the Supreme Court of the Russian Federation from 03.08.2017, №305-ES17-4364.
9. The Determination of the Supreme Court of the Russian Federation from 20.10.2015, №18-KG15-167.
10. The Civil Code of the Russian Federation (part 1) of 30th of November, 1994 №51-FL // Collection of legislation of the Russian Federation dated 05th of December 1994. №32. Art. 3301.

Агаев А.И.,

аспирант Астраханского государственного университета

ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГРАЖДАН, ПРИЗВАННЫХ НА ВОЕННЫЕ СБОРЫ, И ВОИНСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

В статье рассматривается порядок и специфика проведения военных сборов для граждан, пребывающих в запасе и призванных на военные сборы. В частности, уделяется внимание особенностям уголовной ответственности граждан, призванных на военные сборы за совершение преступлений, предусмотренных главой 33 Уголовного кодекса Российской Федерации. Рассматриваются правовые акты, регулирующие правовые отношения между гражданами и воинскими формированиями во время проведения военных сборов. Помимо этого, приводится оценка действующего законодательства на основе имеющейся литературы юридической направленности, а также предлагаются вероятные изменения в формулировках отдельных статей Кодекса.

Ключевые слова: уголовная ответственность, правовое положение граждан, пребывающих в запасе в период прохождения ими военных сборов, 33 глава УК РФ, порядок проведения военных сборов, статус военнотружущего

Agaev A.,

Postgraduate student of the Astrakhan State University

ON THE CRIMINAL RESPONSIBILITY OF CITIZENS CALLED FOR RESERVE TRAINING, AND MILITARY OFFENCES

The article deals with the procedure and specifics of passing reserve training for citizens, staying reserved, and called for reserve training. In particular, attention is paid to the peculiarities of criminal responsibility of citizens, called for reserve training, for commission of offences under Chapter 33 of the Criminal Code of the Russian Federation. Legal documents regulating legal relations between citizens and military forces during reserve training are considered in the article. In addition, an assessment of the current Russian legislation on the basis of the available literature of the legal orientation is proved, as well as possible changes in the wording of separate articles of the Criminal Code are proposed.

Keywords: criminal responsibility, legal status of citizens, staying reserved during reserve training passing by them, Chapter 33 of the Russian Criminal Code, procedure for passing reserve training, status of serviceman

Утвержденная Указом Президента РФ №146 от 5 февраля 2010 года Военная доктрина Российской Федерации гласит, что преимущественное укомплектование рядового и сержантского состава военнотружущих-контрактников выполняет функцию развития, улучшение системы каждого из войск РФ. Кроме этого, оно гарантирует боеспособность российских войск.

По окончании военной службы призывников и контрактников зачисляются в запас, и при военной угрозе их мобилизуют и призывают на действительную военную службу.

В целях военной переподготовки и повышения квалификации законодательная база РФ предусматривает ежегодные военные сборы отслуживших

граждан, регламентируемые федеральными законами «Об обороне» №61-ФЗ от 31 мая 1996 года и «О воинской обязанности и военной службе» №53-ФЗ от 28 марта 1998 года. Военные сборы бывают двух видов – учебные и проверочные – и не могут длиться дольше двух месяцев.

Говоря о правовых взаимоотношениях между призванными на военные сборы гражданами и воинскими формированиями, вызывает сомнения 33 глава УК РФ, повествующая о преступлениях против военной службы и регламентирующая систему санкций против нарушивших закон граждан. Преступление такого рода – это единственный вид преступления, определение которого сформулировано в качестве общеобязательного в самостоятельной уголовно-

правовой норме. Оно является нормой общего характера. Признаки данных преступлений, основываясь на общих положениях учения о преступлении, имеют свое специфическое содержание, которое следует учитывать при решении разнообразных вопросов ответственности военнослужащих. Определение преступления против военной службы позволяет раскрыть сущность преступных деяний, относящихся к числу воинских, разграничить преступления против военной службы между собой, отделить их от других смежных преступлений, а также отделить воинские преступления от иных правонарушений. Однако 33 глава не учитывает правовой статус граждан, проходящих военные сборы, что, в целом, и является основным катализатором спорных моментов.

Во время прохождения военных сборов граждане пребывают в организационно-правовой связи с теми или иными воинскими формированиями, что порождает военно-служебные отношения между ними. Согласно кандидату юридических наук Калякину Д.В., на граждан в этот период распространяется действие всех соответствующих правовых актов, устанавливающих определенную юридическую ответственность военнослужащих. Нарушения гражданами возложенных на них во время военных сборов военно-служебных обязанностей являются воинскими правонарушениями, и, следовательно, требуют применения мер ответственности в соответствии с военно-уголовным законодательством.

Пятая статья «Положения о проведении военных сборов» гласит, что военные сборы, равно как и военная служба, имеет своё начало и окончание:

- для граждан, призванных на военные сборы, доставка которых к месту проведения военных сборов осуществляется в день их отправки из военного комиссариата или пункта сбора, день зачисления гражданина в списки личного состава воинской части;
- для граждан, призванных на военные сборы, доставка (прибытие) которых к месту проведения военных сборов осуществляется в дни, следующие за днем их отправки из военного комиссариата (пункта сбора), день убытия гражданина из военного комиссариата (пункта сбора) к месту проведения военных сборов, указанный в командировочном удостоверении гражданина (старшего команды), выданном военным комиссариатом.

Окончанием военных сборов принято считать возвращение граждан в тот комиссариат, из которого они отправлялись в день сборов. Соответственно, в этот же день прекращаются юридические взаимоотношения между пребывавшими на военных сборах гражданами и военным формированием.

Призыв на военные сборы предполагает прохождение обязательного медицинского освидетельствования на предмет годности к прохождению сбо-

ров. Не годные к прохождению сборов по состоянию здоровья граждане не облагаются уголовной ответственностью за совершение соответствующих преступлений. Однако важно помнить, что вердиктом медицинской комиссии может быть как абсолютное недопущение граждан к прохождению сборов, так и временное.

К слову, согласно 55 статье Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», от военных сборов также освобождаются:

- граждане женского пола;
- педагогические работники;
- обучающиеся по очной или очно-заочной форме обучения в образовательных организациях (вне зависимости от государственной аккредитации образовательных программ);
- обучающиеся заочно – в период сессии, итоговой аттестации, подготовки выпускной квалификационной работы;
- граждане, уволенные с военной службы, – в течение двух лет со дня увольнения в запас;
- имеющие трех и более детей.

Кроме того, в вышеназванном законе установлено, что от военной службы освобождаются граждане, прошедшие АГС – альтернативную гражданскую службу. Это положение связано с тем, что АГС проходят граждане, убеждения которых противоречат несению военной службы. Так как военные сборы проводятся для подготовки к военной службе, они также противоречат убеждениям или вероисповеданию тех, кто проходил альтернативную гражданскую службу. И имеющие особые убеждения и не прошедшие АГС граждане также могут быть освобождены от военных сборов.

Важно знать, что правовой статус пребывающих в запасе граждан отличается от статуса военнослужащих, потому они выделяются в особую категорию лиц, на которых распространяется действие 33 главы УК РФ.

В юридической литературе выдвигается позиция, что в вышеуказанной норме должен быть отражён особый характер статуса военнослужащего в отличие от статуса гражданина, пребывающего на военных сборах. Так как положение военнослужащего в полном объеме может распространяться только на военнослужащих, которые исполняют особый вид федеральной государственной службы, иначе говоря, военную службу.

Подкрепляется эта позиция тем, что граждане, проходящие военные сборы, должны исполнять обязанности военной службы в целях подготовки к ней, что, в свою очередь, обуславливается непосредственно назначением военных сборов и свидетельством ограниченного распространения статуса военнослужащего на пребывающих в запасе гражд-

дан. Потому привлечение этих граждан к уголовной ответственности имеет свою специфику, которая выражается в том, что граждане, пребывающие в запасе и проходящие военные сборы, руководствуются не установленным порядком прохождения службы, а порядком подготовки к военной службе, что, априори, предполагает различные правовые отношения. Авторы же литературы юридической направленности настаивают на том, чтобы во избежание дублирования 33 главы УК РФ уравнивать обе категории между собой, поскольку это было бы логично. В конце концов, согласно первой части статьи 331 УК РФ, граждане, пребывающие в запасе и проходящие военные сборы, в равной степени должны облагаться уголовной ответственностью за совершение тех или иных преступлений, предусмотренных вышеуказанными нормами. Итогом данной процедуры является безосновательное уменьшение числа преступлений, за которые лица упомянутой категории должны привлекаться к ответственности.

В период прохождения военных сборов граждане должны руководствоваться Уставом внутренней службы Вооружённых Сил Российской Федерации, а также соблюдать его положения и привлекаться к ответственности за противоречивые этим положениям действия, поскольку эти действия могут интерпретироваться как посягательство на военную государственную безопасность. Таким образом, граждане, пренебрегшие положением вышеупомянутого Устава, несут уголовную ответственность, что, в свою очередь, регламентируется статьями 335 и 336 УК РФ. В то же время авторы юридической литературы, в частности Ахметшин Х.М., рекомендуют не привлекать к уголовной ответственности граждан, находящихся в запасе и проходящих военные сборы, по статье 338 УК РФ (дезертирство), 340, 341, 342 и 343 УК РФ (нарушение правил несения боевого дежурства, пограничной, караульной службы и службы по охране общественного порядка). Ведь граждане, находящиеся в запасе, не привлекаются во время военных сборов к выполнению упомянутых боевых и служебных задач. В целом, это справедливое замечание.

Помимо этого, следует не менее внимательно рассмотреть меры ответственности за уклонение обсуждаемой категории лиц от исполнения обязанностей военной службы. Согласно пункту 8 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2008 года № 3 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы» указано, что ответственность за нарушение установок статей 337,

338 и 339 УК РФ могут нести граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения ими военных сборов. Что касается наших взглядов по данному вопросу, то мы не вполне солидарны с позицией Верховного Суда РФ; мы считаем, что по статьям 337 – 339 УК РФ рассматриваемая категория лиц не может быть привлечена к уголовной ответственности.

Естественно, военные сборы предполагают определённый порядок их проведения, закреплённый в соответствующих нормативных правовых актах. Соблюдение этого порядка призванными на военные сборы гражданами строго обязательно, его нарушение приравнивается к посягательству на военную безопасность государства. Поскольку речь идёт о военной государственной безопасности, представляется релевантным и вполне правомерным внедрение уголовной ответственности для участников военных сборов за нарушение порядка. В связи с этим мы предлагаем распространить на них действие военно-уголовного законодательства, приравняв некоторые формы правонарушений к правонарушениям полноценных военнослужащих. И потому для достижения наиболее оптимальной законодательной базы выглядит закономерным предложение внесения определённых корректур в действующее законодательство. А именно:

– часть 2 статьи 331 УК РФ, утратившая силу на основании Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 280 – ФЗ изложить в следующей редакции: «Граждане, пребывающие в запасе, в период прохождения ими военных сборов несут ответственность за совершение преступлений по статьям главы 33 УК РФ, за исключением статей 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343 настоящего Кодекса»;

– внести дополнение в главу 33 УК РФ статью 337.1 «Уклонение от прохождения военных сборов», изложив ее в следующей редакции: «Самовольное оставление места проведения сборов, неявка в срок к месту проведения сборов без уважительных причин, а равно уклонение от исполнения обязанностей по прохождению военных сборов путем симуляции болезни, или причинения какого-либо повреждения (членовредительства), или подлога документов, или иного обмана продолжительностью свыше десяти суток, совершенные гражданином, пребывающим в запасе, в период прохождения военных сборов, за которое внести наказание в виде штрафа в размере до ста тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо исправительными работами на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет».

Список литературы

1. Федеральный закон от 31 мая 1996 года № 61 – ФЗ «Об обороне».
2. Федеральный закон от 28 марта 1998 года №53 – ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».
3. Указ Президента Российской Федерации от 19 апреля 2017 года №179 «О призыве граждан Российской Федерации, пребывающих в запасе, на военные сборы в 2017 году».
4. Постановление Правительства РФ от 26 июня 1993 года №605 «Об утверждении Положения о порядке проведения военных сборов».
5. *Калякин Д.В.* Субъект воинского преступления: Диссертация кандидата юридических наук. Москва, 1994 год.
6. *Фатеев К.В.* О военных сборах и правовом статусе граждан, пребывающих в запасе, во время прохождения военных сборов. Право в Вооруженных Силах. 2008 год. №8.
7. *Корнишин С.В.* О некоторых вопросах распространения статуса военнослужащих на граждан, призванных на военные сборы. 1999. №11.
8. *Ахметшин Х.М.* Квалификация воинских преступлений: Учебное пособие. Москва, 1977 год.

Reference list

1. Federal Law №61 – FL of 31st of May, 1996, “On defense”.
2. Federal Law №53 – FL of 28th of March, 1998. “On military duty and military service”.
3. Decree of the President of the Russian Federation №179 of 19th of April, 2017 “On the appeal of citizens of the Russian Federation who are reserved to reserve training in 2017”.
4. The Russian Federation Government Decree of 26th of June, 1993 №605 “About the statement of Regulations about the procedure of passing reserve training”.
5. *Kalyakin D.* Subject of a military offence: Thesis of PhD in Law. Moscow, 1994.
6. *Fateev K.* About reserve training and the legal status of the citizens staying reserved during passing of reserve training. Law in the Armed forces. 2008 year. №8.
7. *Kornishin S.* About some issues of distribution of the status of the military personnel on the citizens called on reserve training. 1999. №11.
8. *Akhmetshin Kh.* Classification of military offences: Textbook. Moscow, 1977.

УДК 347

Борисова Н.В.,

аспирант Российского государственного университета правосудия

НАЧАЛЬНАЯ СТАДИЯ ПРОИЗВОДСТВА В СУДЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ

Предмет, цель статьи состоят в анализе вступительной стадии апелляционного процесса, где решаются важные процедурные вопросы: определения приемлемости, отзыва апелляционных жалобы или представления, определения и статуса «докладчика», возможности выражения им своего мнения по делу, возможности и целесообразности разъяснений председательствующим участникам апелляционного судебного разбирательства их прав. Критически оценен законодательный запрет задавать вопросы суду, из которого следует, что участники процесса, в т.ч. и другие судьи – члены коллегии, не вправе задавать вопросы докладчику, что делает невозможным обсуждение принимаемого решения.

Методология исследования заявленной проблемы построена на сравнительном анализе действующего уголовно-процессуального законодательства с нормами Судебных уставов 1864 г., УПК Республики Казахстан 1997 г., УПК Украины 1960 г. и др.

Результаты работы. Выявлены проблемные места в правовом регулировании начальных стадий рассмотрения уголовных дел в апелляционной инстанции. Предложено в действующем уголовно-процессуальном законе предусмотреть обязанность председательствующего в апелляционной инстанции разъяснять права и обязанности участникам судебного заседания. Сделан вывод о том, что доклад по делу должен быть строго информативным, реферативным, не оценочным, без субъективных оценок, суждений, выводов, соответственно, недопустимо явное выражение мнения судьи-докладчика по докладываемым вопросам.

Область применения результатов – совершенствование уголовно-процессуального законодательства, регулирующего производство в суде апелляционной инстанции, развитие теории уголовного процесса, концептуализация положений, повышающих процессуальную эффективность в суде апелляционной инстанции.

Выводы – на базе проведенного анализа действующего законодательства и правоприменительной практики, внесены предложения по изменению и дополнению ряда норм, в целях реализации целей уголовно-процессуального законодательства в апелляционной инстанции.

Ключевые слова: апелляция, уголовный процесс, судебное заседание

Borisova N.,

Postgraduate student of the Russian State University of Justice

INITIAL STAGE OF PRODUCTION IN THE COURT OF APPEAL INSTITUTION

The subject, the purpose of the article is to analyze the introductory stage of the appellate process, where important procedural issues are resolved: the determination of admissibility, withdrawal of appeal or submission, the definition and status of the "rapporteur", the possibility of expressing his opinion on the case, the possibility and expediency of clarification to the presiding judges of the appellate court trial of their rights. The legislative prohibition to ask questions to the court is critically assessed, from which it follows that the participants in the process, incl. and other judges – members of the board, do not have the right to ask questions to the speaker, which makes it impossible to discuss the decision.

The methodology for investigating the stated problem is based on a comparative analysis of the current criminal procedural legislation with the norms of the Judicial Charters of 1864, the Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan of 1997, the Criminal Procedure Code of Ukraine of 1960.

Results of the work. There are identified problem areas in the legal regulation of the initial stages of the consideration of criminal cases in the appellate instance. It is proposed in the current criminal procedure law to provide for the duty of the presiding judge to explain the rights and obligations to the participants of the court session. It was concluded that the report on the case must be strictly informative, abstract, not appraisal, without subjective assessments, judgments, conclusions, respectively, an inadmissible expressive expression of the judge-rapporteur's opinion on the issues to be reported.

The field of application of the results is the improvement of the criminal procedural legislation regulating the process of appellate court proceedings, the development of the theory of the criminal process, the conceptualization of provisions that enhance procedural effectiveness in the court of appeal.

Conclusions – based on the analysis of current legislation and law enforcement practice, proposals were made to amend and supplement a number of norms, in order to implement the objectives of the criminal procedural legislation in the appellate instance.

Keywords: appeal, criminal process, court session

Современное апелляционное производство начинается с определения приемлемости апелляционных жалобы или представления. Эта обязанность возложена на суд первой инстанции, который при несоответствии указанных документов установленным требованиям, возвращает их для устранения недостатков (ч. 4 ст. 389.6 УПК РФ) [1]. В то же время, обязанность разрешения вопроса о приемлемости апелляционной жалобы (представления) есть и у суда апелляционной инстанции, который установив, что суд первой инстанции не исполнил требования ст. 389.6 и 389.7 УПК РФ, вправе вернуть уголовное дело в нижестоящий суд для устранения обстоятельств, препятствующих рассмотрению в апелляционной инстанции (ч. 3 ст. 389.11 УПК РФ).

Вопрос об отзыве апелляционных жалобы или представления в действующем законодательстве относительно урегулирован. В то же время, ст. 389.28 УПК РФ в числе элементов апелляционных определения или постановления не содержит требование об указании на такой отзыв, равно как и на принятое судом решение. Процессуальные последствия отзыва указаны в ч. 3 ст. 389.8 и ч. 4 ст. 389.12 УПК РФ. В зависимости от момента, когда они возникли, судом апелляционной инстанции могут быть вынесены разные решения: жалоба (представление) могут быть возвращены либо апелляционное производство может быть прекращено.

Первое решение обусловлено отзывом жалобы или представления ещё до назначения судебного заседания. Закон прямо не запрещает отозвать апелляционную жалобу или соответствующее представление непосредственно в ходе заседания суда апелляционной инстанции. Здесь следует исходить из воли апеллянта, которого нельзя принудить поддерживать свою жалобу или представление.

Если указанные документы не отозваны и приняты судом, то в соответствии с ч. 1 ст. 389.11 УПК РФ судья, изучив поступившее уголовное дело, выносит постановление о назначении судебного заседания. В данном случае Закон не содержит конкретизации, кто из судей изучает уголовное дело, и кто этого судью

назначает для этого. Логично, чтобы постановление о назначении судебного заседания выносил председательствующий. В связи с этим в литературе предложено в ч.ч. 1 и 3 ст. 389.11 слово «судья» заменить на «председательствующий» [11, с. 48]. В то же время, задача изучения уголовного дела ложится на судью-докладчика, однако фигура докладчика возникает в УПК лишь в ст. 401.13, где речь идет о кассационном обжаловании. Здесь докладчик – это «один из судей, ранее не участвовавших в рассмотрении данного уголовного дела». Закон обязывает его изложить обстоятельства уголовного дела, содержание судебных решений, принятых по делу, доводы жалобы, представления, послужившие основанием для передачи этой жалобы или представления с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании суда.

В апелляции «докладчика» нет, но его роль играет председательствующий или «один из судей, участвующих в рассмотрении уголовного дела апелляционной инстанции». Именно они излагают содержание приговора или иного обжалуемого судебного решения, существо апелляционных жалобы и (или) представления, возражений на них, а также существо представленных дополнительных материалов (п. 3 ст. 389.13). Очевидно, что и «докладчик» и «один из судей» выполняют одну и ту же функцию. В этой связи представляется полезным все же легитимизировать широко-используемое в обороте понятие «судья-докладчик», применив его и к производству в апелляционной и к производству в кассационной инстанции, как это сделано в некоторых международных документах [5].

Рассмотрение уголовного дела в суде апелляционной инстанции начинается с объявления председательствующим, какое уголовное дело рассматривается и по чьим апелляционным жалобе и (или) представлению. Далее председательствующий объявляет состав суда, называет стороны, а также присутствующих в судебном заседании, а также секретаря судебного заседания и (по обстоятельствам) переводчика. Затем председательствующий выясняет наличие отводов и ходатайств, а также их отношение к ходатай-

ствам, содержащимся в апелляционных жалобе или представлении (ч. 2 ст. 389.13 УПК РФ).

В отличие от пореформенного русского процесса по Судебным уставам 1864 г. (с изменениями) в современном уголовном апелляционном процессе председательствующий не разъясняет участникам апелляционного судебного разбирательства их права. В то же время, такая практика есть в ряде стран. В качестве примера можно привести ст. 409 УПК Республики Казахстан 1997 г. [3], ст. 362 УПК Украины 1960 г. [4] и др.

Вспоминая традиции Уставов 1864 г. принято цитировать А.Ф. Кони, который в бытность председателем суда строго соблюдал порядок разъяснения прав, полагая, что беспрекословное следование нормам судебного обряда вносились вкус, чувство меры и такт, так как суд он считал «не только судилищем, но и школой» [8, с.131]. Нельзя не учитывать, что в те годы это имело значение и в плане правового воспитания, так как судебные процессы, особенно резонансные, собирали полные залы судов. То, что председательствующий разъяснял права равным сторонам процесса, имело большое значение как для самого судопроизводства, так и для формирования правового сознания.

В современных условиях, а priori предполагается, что грамотные участники процесса знают свои права и обязанности, и разъяснять их не требуется. Позволим себе частично не согласиться с этим и аргументировать следование традиции, которое в данном случае было бы не лишним.

Участники современного уголовного судопроизводства (подразумевается) знают закон, однако суд исходит как из нормы права, так и из судебной практики. В данном случае имеются ввиду указания Пленумов Верховного Суда РФ, который фактически формирует новые нормы права, нередко существенно расходящиеся с действующим законодательством. В литературе обосновано указывается на то, что Пленум Верховного Суда РФ «в отдельных руководящих разъяснениях выходит за пределы норм права, толкование которых он осуществляет, формирует новую правоприменительную практику». Хотя данные разъяснения не считаются прецедентом, так как не имеют индивидуальной определенности, они официально не закреплены, не общеобязательны, но, в тоже время, наделены основным свойством, именно в них формируются «новые правовые положения», что придает им «уникальность». Данные разъяснения даны нижестоящим судам, утверждены вышестоящим для них Пленумом Верховного Суда РФ и официально опубликованы. В судебной практике в правовом поле фактически формируется новый правовой феномен – «общепринятый устоявшийся прецедент» [6]. Прецедентом принято считать решение высшего судебного

органа по конкретному делу, вынесенное в определенной юридической процедуре и содержащее обязательные для применения нижестоящими судами положения, при рассмотрении аналогичных дел [10, с. 401].

Поставленный нами вопрос далеко не нов. Дискуссия о признании актов высших судебных органов источниками права в отечественной правовой науке ведется на протяжении многих десятков лет [7]. М.Д. Шаргородский, С.Ф. Кечемян и др., признавая постановления высших судов источниками права, указывали на то, что разъяснения Пленума Верховного суда СССР даются по наиболее общим вопросам и восполняют действующее право [13, с. 134].

В новейших исследованиях авторы пытаются уловить границу между толкованием Верховного Суда РФ действующих норм и созданием новых. При этом большинство пишущих по теме склоняется к тому, что эта граница «размыта, но она существует» [9, с.130]. Такая виртуальность, однако, очевидно свидетельствует об отсутствии всяких границ. В этой связи участникам процесса в апелляционной инстанции необходимо знать, чем будет руководствоваться суд в части соблюдения (реализации) их прав и обязанностей.

Таким образом, было бы полезным в действующем уголовно-процессуальном законе предусмотреть обязанность председательствующего в апелляционной инстанции разъяснять права и обязанности участникам судебного заседания. Для этого целесообразно ч. 2 ст. 389.13 УПК РФ дополнить соответствующим положением о разъяснении председательствующим участникам судебного заседания прав, предусмотренных гл. гл. 6-8 УПК РФ.

В соответствии с ч. 3 ст. 389.13 УПК РФ судебное заседание в апелляционной инстанции начинается с краткого изложения председательствующим либо одним из судей, содержания приговора, обжалуемого судебного решения, существа апелляционных жалобы и (или) представления, возражений на них и существа представленных дополнительных материалов. Принимая во внимание предложенные выше уточнения к порядку формирования суда апелляционной инстанции, обязанность изложить указанные сведения целесообразно возложить на судью-докладчика.

Необходимо ли и допустимо ли, чтобы судья-докладчик изложил свое мнение по обжалуемому судебному решению. Здесь следует исходить из того, что предусмотренный в ч. 5 ст. 301 УПК РФ запрет оглашать всякое особое мнение при вынесении приговора не дает возможность и в данном докладе при рассмотрении уголовного дела в суде апелляционной инстанции излагать свое мнение по обжалуемому судебному решению. Таким образом, доклад должен быть исключительно информативным,

реферативным, но не оценочным, т.е. не должен содержать субъективных оценок, суждений, выводов, равно как и мнения судьи-докладчика по докладываемым вопросам.

Такого рода запрет выражения мнения до коллегиального обсуждения совокупности обстоятельств дела, является (пусть и в большей степени внешним) условием обеспечения гарантий коллегиального и более объективного исследования обстоятельств дела.

При этом ничто не препятствует членам коллегии, иным участникам процесса задавать вопросы судье-докладчику.

Сложно согласиться с позицией Е.И. Фадеевой, которая, ссылаясь на законодательный запрет задавать вопросы суду, исходит из того, что участники процесса, куда автор включает и других судей – членов коллегии, «не вправе задавать вопросы докладчику» [11]. Полагаем, что здесь рассматриваются разные вещи. Если судью лишить право задавать вопросы другому судье (докладчику, который один изучал дело) по существу рассматриваемого ими коллегиально дела, то, как может проходить обсуждение при-

нимаемого решения? Вопрос судьи судье не нарушит ничьих прав, а лишь подтвердит коллегиальный характер процесса.

В этой связи в ч. 3 ст. 389.13 УПК РФ могут быть внесены положения о порядке судебного следствия, которое начинается с изложения судьей-докладчиком содержания приговора либо иного обжалуемого судебного решения, а также существа апелляционных жалобы либо представления, поступивших на них возражении и сути дополнительных материалов, кроме содержания особого мнения судьи по приговору, либо иному обжалуемому решению. Также судья-докладчик, не выходя за пределы материалов дела, не комментирует его и не высказывает свои суждения по поводу обоснованности или не обоснованности жалобы либо представления.

В данном случае, как обосновано указывает А.А. Рукавишников, на первый план выходит необходимость поиска разумного баланса между полноценной второй инстанцией, разумным сроком уголовного судопроизводства и необходимостью защитить уголовный процесс от возможности злоупотребления правом со стороны участников» [11, с. 109].

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 19.02.2018) // Собрание законодательства РФ. 2001. №52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года // СПС Консультант http://civil.consultant.ru/sudeb_ustav/
3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (ред. от 01.03.2018 г.) // СПС «Параграф» http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852
4. Уголовный процессуальный Кодекс Украины от 13.04.2012 № 4651-VI (ред. от 14 сентября 2017 г.) // http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T124651.html
5. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 23.12.2014 №101 «Об утверждении Регламента Суда Евразийского экономического союза» (ст. 20).
6. Баранова М.А., Григорян В.Л. О прецедентных свойствах постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам // Вестник СГЮА. 2016. №2 (109). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-pretседentnyh-svoystvah-postanovleniy-plenuma-verhovnogo-suda-rossiyskoy-federatsii-po-ugolovnym-delam> (дата обращения: 06.03.2018).
7. Вильнянский С.И. Значение руководящих разъяснений Пленума Верховного суда СССР // Ученые записки Харьковского юридического института. Выпуск 13 / под ред. С.И. Вильнянского. Харьков, 1959. С. 65-80.
8. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (Общие черты судебной этики) // Избранные труды и речи. Тула: «Автограф», 2000. 351 с.
9. Лепихина Н.В. Толкование норм права в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Вестник Пермского государственного научного исследовательского университета. 2016. №28. С. 128-132.
10. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учебник. М., 2012. 411 с.
11. Рукавишников А.А. Апелляционный порядок проверки итоговых судебных решений по УПК РФ: полная или неполная апелляция // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. №4 (10). С. 108-114.
12. Фадеева Е.И. Коллегиальность состава суда при рассмотрении уголовных дел в суде апелляционной инстанции // Адвокат. М.: Законодательство и экономика, 2011. № 8. С. 47-55.
13. Шаргородский М.Д. Избранные работы по уголовному праву: Юридический центр Пресс; Санкт-Петербург; 2003. 529 с.

Reference list

1. Criminal-Procedure Code of the Russian Federation from 18.12.2001 №174-FL (edition from 19.02.2010) // Official gazette of the Russian Federation. 2001. №52 (part I). Art. 4921.
2. The Judicial Statutes of November 20, 1864 // Reference legal system Consultant http://civil.consultant.ru/sudeb_ustav/

3. Criminal-Procedure Code of the Republic of Kazakhstan (as amended on 01.03.2018) // Reference legal system "Paragraph" http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852
4. Criminal-Procedure Code of Ukraine of 13.04.2012 № 4651-VI (as amended on September 14, 2017) // http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T124651.html
5. The Decision №101 of the Supreme Eurasian Economic Council of 23.12.2014 "On approval of the rules of Court of the Eurasian Economic Union" (Article 20).
6. *Baranova M., Grigoryan V.* On case properties of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on criminal cases // Bulletin of Saratov State Law Academy. 2016. №2 (109). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-pretседentnyh-svoystvah-postanovleniy-plenuma-verhovnogo-suda-rossiyskoy-federatsii-po-ugolovnym-delam> (date of access: 06.03.2018).
7. *Vil'nyanskiy S.* The value of the guiding explanations of the Plenum of the Supreme Court of the USSR // Scientific notes of the Kharkov Legal Institute. Issue 13 / Under the editorship of S. Vil'nyanskiy. Kharkov, 1959. P. 65-80.
8. *Koni A.* The moral principle in criminal process (General features of judicial ethics) // Selected writings and speeches. Tula: "Autograph", 2000. 351 p.
9. *Lepikhina N.* The interpretation of the law in the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation // Bulletin of Perm State Scientific Research University. 2016. №28. P. 128-132.
10. *Nersesyants V.* General theory of law and state: Textbook. M., 2012. 411 p.
11. *Rukavishnikova A.* Appeal procedure for checking final court decisions on the code of criminal procedure: Full or incomplete appeal // Bulletin of Tomsk State University. Law. 2013. №4 (10). P. 108-114.
12. *Fadeeva E.* Collegiality of the court in the consideration of criminal cases in the court of appeal // Lawyer. M.: Law and Economics, 2011. №8. P. 47-55.
13. *Shargorodskiy M.* Selected works on criminal law: Law center Press; St. Petersburg; 2003. 529 p.

Романько Э.А.,

аспирант Российского государственного университета правосудия

ОСНОВАНИЯ РАСТОРЖЕНИЯ ДОГОВОРА

Предметом исследования в данной статье выступает совокупность гражданско-правовых норм, регулирующих отношения, связанные с основаниями и последствиями расторжения гражданско-правовых договоров. Цель исследования заключается в анализе действующих императивных требований в области расторжения гражданского договора, а также материалов судебной практики в отношении выявления существующих проблем правового регулирования оснований расторжения договора и возникающих последствий прекращения договорных отношений. В качестве методов исследования применялись сравнительно-правовой анализ, метод обобщения и аналогии, системный анализ, формально-логический, исторический и сравнительно-правовой анализ. Автором широко рассмотрены случаи из судебной практики, когда стороны не пришли к обоюдному мнению о расторжении договора, проанализированы рекомендации Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и решения Верховного Суда Российской Федерации. Кроме этого в статье проведено теоретическое исследование понятия «существенное нарушение договора» на примере договора аренды и Принципов международных коммерческих договоров (Принципов УНИДРУА). Сделан вывод о том, что существенное нарушение договора является оценочным понятием и зависит от судебного усмотрения. Границы существенности изначально определяются заключенным договором и напрямую зависят от предмета договора. При этом неоднократность и ухудшение качества объекта правоотношения выступает основой для характеристики существенности нарушения договорных условий. Автором также рассмотрены значение и цель заключения договора управления многоквартирным домом, как гражданско-правового договора между собственником и управляющей организацией. На основе проведенного анализа автором сделан вывод о целесообразности введения исчерпывающего перечня оснований, дающих право собственникам жилья в одностороннем порядке по собственному волеизъявлению расторгать договор с управляющей компанией, а в остальных случаях при расторжении договора с управляющей компанией применять общую норму статьи 450 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: расторжение договора, порядок расторжения договора, существенное нарушение договора, ущерб

Roman'ko E.,

Postgraduate student of the Russian State University of Justice

GROUNDS OF TERMINATION OF THE CONTRACT

The subject of research in this article is a set of civil law rules governing relations related to the grounds and consequences of the termination of civil law contracts. The purpose of the study is to analyze the current imperative requirements in the field of termination of a civil contract, as well as materials of judicial practice with regard to identifying existing problems of legal regulation of grounds for termination of the contract and the rising consequences of termination of contractual relations. As methods of research, comparative legal analysis, the method of generalization and analogy, system analysis, formal-logical, historical and comparative legal analysis were applied. The author widely considered cases from judicial practice, when the parties did not come to a mutual opinion on the termination of the contract, the recommendations of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation and decisions of the Supreme Court of the Russian Federation were analyzed. In addition, the article carried out a theoretical study of the concept of «significant breach of contract» on the example of the lease agreement and the Principles of International Commercial Contracts (UNIDROIT Principles). It is concluded that a significant violation of the contract is an appraisal concept and depends on the judicial discretion. The boundaries of materiality are initially determined by the concluded contract and directly depend on the subject of the contract. At the same time, the repeated and deteriorating quality of the object of the legal relationship is the basis for characterizing the materiality of the violation of the contractual conditions. The author also considers the significance and purpose of concluding a management agreement for an apartment building as a civil-law contract between the owner and the management organization. Based on the analysis carried out by the author, the author made a conclusion about the expediency of introducing an exhaustive

list of grounds giving the right to homeowners to unilaterally terminate the contract with the management company on their own will, and in other cases, upon termination of the contract with the management company, apply the general rule of Article 450 of the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: termination of contract, termination of contract, fundamental breach of contract, damage

В современных условиях участники гражданско-правового договора имеют достаточно широкие возможности по определению содержания договора, выбору различных вариантов реализации субъективных прав и выполнения обязательств. В основе договорных отношений субъектов гражданского права содержится их взаимное юридическое равенство, исключаящее властное подчинение одной стороны другой. При этом система регулирования договорных отношений включает в себя:

- императивные нормы, содержащиеся в гражданском законодательстве, действовавшие на момент заключения договора;

- диспозитивные нормы, которые применяются в том случае, если соглашением сторон не установлено иное;

- обычаи делового оборота, применимые тогда, когда соответствующие условия договора не определены ни императивными, ни диспозитивными нормами либо соглашением сторон.

В условиях дальнейшего развития рыночной экономики в Российской Федерации вопросы расторжения договора, заключенного между различными контрагентами, имеет важное значение. Во многом это определяется следующими аспектами:

- 1) возможность стороны договора расторгнуть заключенный ранее договор позволяет ей обладать большей гибкостью и действовать с максимальной эффективностью в условиях внешних условий и изменяющейся конъюнктуры рынка. При этом экономическая ситуация может складываться так, что одной стороне договора (или сразу обеим) выгодней расторгнуть ранее заключенное соглашение, компенсировав при этом полученные убытки, чем продолжать выполнять условия договора, порождая при этом еще большие убытки и повышая вероятность банкротства;

- 2) расторжение договора может выступать некоей возможной санкцией в случае неисполнения условий соглашения, что настраивает участников экономического оборота на строгое выполнение заключенного договора. Расторжение договора с контрагентом и привлечение его к имущественной ответственности способствует «очистке» рынка от несостоятельных предпринимателей. При этом пострадавшая сторона может в дальнейшем заключить дого-

вор с тем контрагентом, который более ответственно относится к выполнению договорных обязанностей.

Указанная двойственность приводит к неоднозначному отношению к расторжению договора, требует совершенствования правового регулирования, которое способствовало бы повышению конструктивной составляющей расторжения договоров и сокращению отрицательных последствий, что способствовало бы формированию стабильных договорных отношений в обществе и экономике. Детальная регламентация договорных отношений, в том числе и в аспекте их прекращения, способствует укреплению открытости между контрагентами, более четко определяя условия прекращения договора и исключая правовую вакуум.

Данные обстоятельства определяют актуальность анализа действующих нормативных требований и судебной практики в отношении оснований и последствий расторжения договора, а также определении проблем регулирования данной области правовых отношений.

Предметом исследования выступает совокупность гражданско-правовых норм, которые регулируют отношения, связанные с основаниями и последствиями расторжения гражданско-правовых договоров.

Объектом исследования данной статьи являются общественные отношения, возникающие при расторжении гражданско-правовых договоров.

Цель работы заключается в рассмотрении нормативных требований и судебной практики в отношении оснований и последствий расторжения договора, выявлении проблем правового регулирования договорных отношений в гражданском праве.

В качестве методологической основы работы применялись частные методы теоретического анализа (сравнительно-правовой анализ, метод обобщения и аналогии, системный анализ, формально-логический, исторический и сравнительно-правовой анализ), а также анализ материалов судебной практики и решений Верховного Суда Российской Федерации.

Действующий Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) в сравнении с законодательством дореволюционного и советского периодов в большей степени уделяет внимание вопросам расторжения договорных отношений. Прогрессивным здесь

является закрепление общих положений о расторжении договора, в том числе его основаниях и последствиях. Указанные правила получили свое развитие в нормах, которые посвящены регулированию отдельных разновидностей договорных правоотношений.

В соответствии со ст. 450 ГК РФ возможно изменение и расторжение договора. При этом для расторжения необходимо согласие сторон, для которого достаточно, чтобы стороны договорились о его расторжении. Вероятно, они при этом также договорятся о распределении и осуществлении обязательств, оставшихся не исполненными к моменту расторжения договора.

Но возможно ли расторжение договора или его изменение в том случае, если стороны не пришли к обоюдному мнению о расторжении договора, или если законом, или договором не предусмотрено расторжение договора на стадии его исполнения? В данном случае законодатель предусмотрел порядок расторжения или изменения договора в одностороннем порядке через суд (ч. 2 ст. 450 ГК РФ).

Условиями, позволяющими суду своим решением по заявлению одной из сторон расторгнуть договор, являются:

1. существенное нарушение договора другой стороной;
2. иные случаи, предусмотренные ГК РФ, другими законами или договором.

Что касается случаев, предусмотренных ГК РФ, другими законами или договором, то, кажется, что указанные случаи достаточно понятны, поскольку прописаны в законе либо в договоре.

А вот «существенное нарушение договора» является оценочным понятием, поскольку «существенность» соответствует субъективному положению вещей, сложившихся в той или иной ситуации. В судебной практике существенными нарушениями договора обычно признаются нарушения обеспечения нормального производственного процесса, нарушения существенных условий договора (в значении ст. 432 ГК РФ), нарушения, приводящие к значительным убыткам, нарушения, характеризующиеся длительностью, и т.п.

Согласно ст. 450 ГК РФ, существенным признается нарушение договора одной из сторон, которое влечет для другой стороны такой ущерб, что она в значительной степени лишается того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора.

Таким образом, рамки существенности изначально заложены в заключенном договоре и зависят напрямую от предмета договора. Например, нарушение договора поставки поставщиком предполагается существенным в случаях: поставки товаров ненадлежащего качества с недостатками, которые не могут быть устранены в приемлемые для покупателя сроки или неоднократного нарушения сроков поставки товаров.

Существенность нарушения условий договора также актуальна и в случае расторжения договора аренды, в соответствии со ст. 619 ГК РФ, по требованию арендодателя договор аренды может быть расторгнут судом в случаях, когда арендатор:

- 1) пользуется имуществом с существенным нарушением условий договора или назначения имущества либо с неоднократными нарушениями;
- 2) существенно ухудшает имущество;
- 3) более двух раз подряд по истечении установленного договором срока платежа не вносит арендную плату.

Неоднократность и ухудшение качества объекта правоотношения является основой для характеристики существенности нарушения договора.

В абзаце 4 п. 2 ст. 450 ГК РФ законодатель говорит об ущербе, который несет сторона. Таким образом, ущерб является также основанием для признания нарушения договора существенным, наряду с неоднократностью и нарушением качества. Согласно указанному абзацу ст. 450 ГК РФ, в результате ущерба сторона претерпевает лишения, которые изначально, договором не были предусмотрены.

Согласно ст. 15 ГК РФ, ущерб является одной из составляющих убытков и содержит в себе расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб). Тем самым понятие «ущерб» применительно к имущественному вреду (т.е. реальный ущерб) является его составной частью и предполагает некие имущественные потери. И вновь в ст. 15 ГК РФ, законодатель употребляет термин «утрата».

Таким образом, общая норма ст. 450 ГК РФ и специальные нормы ст.ст. 523 и 619 ГК РФ напрямую корреспондируют со ст. 15 ГК РФ. Именно «ущерб» является основанием для расторжения или изменения договора в одностороннем порядке.

С точки зрения законодателя и правоприменительной практики ущерб имеет конкретные материальные рамки. Действительно повреждение имущества можно оценить в материальном плане, т.е. определить стоимость утраченного имущества.

Но утрата может носить как материальный, так и нематериальный характер, например, непроведение в установленный срок торгов по продаже предмета залога, нарушение условий договора о передаче первоначальным кредитором новому кредитору документов, удостоверяющих право требования, и несообщение имеющих значение сведений.

В этой связи напрашивается вывод, что в предмет изучения суда, по делу о прекращении или изменении договора по инициативе одной из сторон, наряду с существенностью нарушений попадают и последствия, возникшие в результате указанных нарушений.

При оценке существенности юридически значимым является не только само нарушение условий договора, но и последствия, которые возникли по факту такого нарушения.

Так, например, при нарушении сроков торгов по продаже предмета залога, кардинально может измениться цена предмета залога, сам залог может оказаться непригодным к продаже и т.д. Данная позиция подтверждается п. 12 Обзора судебной практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с договором об ипотеке (Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 28.01.2005 № 90).

При нарушении условий договора о передаче первоначальным кредитором новому кредитору документов, удостоверяющих право требования, возможна и ситуация при которой само право требование не существует или существует частично, а соответственно новый кредитор лишается того, на что изначально рассчитывал.

Также представляет интерес ситуация, при которой арендатор вносит арендную плату не в полном объеме. Интерес заключается в том, что в арендных правоотношениях внесение арендатором платы не в полном объеме – возможная и встречающаяся ситуация. Но при этом в ст. 619 ГК РФ законодатель в перечне условий расторжения договора установил основанием расторжения договора – невнесение арендатором арендной платы без уточнения полностью или частично, но с указанием вторичного неисполнения обязательств по оплате арендованного имущества.

Согласно п. 28 Обзора практики разрешения споров, связанных с арендой (Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11.01.2002 № 66), договор может быть расторгнут в связи с внесением арендной платы не в полном объеме, если данное нарушение суд признает существенным.

В указанной ситуации суд оценивал последствия причиненные таким порядком оплаты договора, а также учел сложившуюся неоднократно таких частичных платежей.

В мотивировочной части решения суд указал, что наличие статьи 619 ГК РФ, устанавливающей специальные правила досрочного расторжения договора, не исключает возможности досрочного расторжения договора аренды на основании статьи 450 Кодекса. В данном деле суд применил общую норму, предпочитая ее специальной.

Исследуя вопрос существенности нарушений договора, необходимо комплексно подойти к оценке всех обстоятельств сложившихся в рамках заключенного договора.

А именно, выявить конкретные цели, которые ставили стороны при заключении договора. Поскольку сам факт нарушения условий договора не является основанием его расторжения. Примером данной

правовой логики является Определение ВС РФ от 07.06.2011 года № 5-В11-27.

Предметом рассмотрения по делу был договор купли-продажи квартиры между физическими лицами. Согласно обстоятельствам дела нарушение условий договора было допущено со стороны покупателя, который получил квартиру в пользование, затем зарегистрировал право собственности на недвижимость, но не исполнил своих обязательств перед продавцом по оплате квартиры при покупке. Продавец просила расторгнуть договор купли-продажи и вернуть ей квартиру. Факт не исполнения обязанностей со стороны покупателя по внесению платы за квартиру был установлен судом, т.е. нарушение имело место. Но сам факт нарушения договора не является основанием для расторжения договора по смыслу ст. 450 ГК РФ. Суд отказывает в расторжении договора, ссылаясь на неверное толкование ст. 450 ГК РФ и разъясняет возможность разрешения спора и восстановления нарушенного права продавца с ссылкой на п. 3 ст. 486 ГК РФ, если покупатель своевременно не оплачивает переданный в соответствии с договором купли-продажи товар, продавец вправе потребовать оплаты товара и уплаты процентов в соответствии со статьей 395 настоящего Кодекса. С точки зрения процессуальных норм, это возможно при условии обращения с иными исковыми требованиями, не о расторжении договора купли-продажи и возврате квартиры. Таким образом, суд указал в данном деле на пределы применения п. 2 ст. 450 ГК РФ, а также на подлежащее применение специальных норм права, относящихся к договору купли-продажи.

В международном праве подлежат применению Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) при оценке существенности нарушений договора для последующего его расторжения: существенно ли неисполнение договора лишает потерпевшую сторону того, что она имела право ожидать (кроме случаев, когда другая сторона не предвидела и не могла предвидеть такой результат); имеет ли принципиальный характер с точки зрения договора строгое соблюдение неисполненного обязательства; является ли неисполнение умышленным или совершено по грубой небрежности; дает ли неисполнение потерпевшей стороне основание верить, что она не может полагаться на будущее исполнение другой стороны; понесет ли неисполнившая сторона несоразмерные потери в результате подготовки или осуществления исполнения, если договор будет прекращен.

Представляет интерес применение норм о расторжении договора в одностороннем порядке на стыке норм ЖК РФ и ГК РФ. Речь идет о неисполнении условий договора между собственниками квартир в многоквартирном доме, с одной стороны и управляющей компанией, с другой.

Судебная практика сформулировала значение и цель заключения договора управления многоквартирным домом. Указанный договор имеет социальное значение, охранительную цель, влияет на защищенность частных интересов собственников квартир.

Также с учетом п. 2 ст. 310 ГК РФ, в случае, если исполнение обязательства связано с осуществлением предпринимательской деятельности не всеми его сторонами, право на одностороннее изменение его условий или отказ от исполнения обязательства может быть предоставлено договором лишь стороне, не осуществляющей предпринимательской деятельности, за исключением случаев, когда законом или иным правовым актом предусмотрена возможность предоставления договором такого права другой стороне. Правом на односторонний отказ от изменения либо расторжения договора наделены собственники квартир в многоквартирном доме без обращения в суд.

Суды крайне редко признают существенность того или иного нарушения договора со стороны потребителей, собственников квартир. В силу прямого указания ЖК РФ собственники помещений вправе отказать от договора управления в любой момент (п. 8.2 ст. 162 ЖК РФ). Указанное право имеет императивную природу и не может быть запрещено или ограничено договором в силу п. 2 ст. 310 и ст. 450.1 ГК РФ.

Как разъяснил в свое время Президиум ВАС РФ в Постановлении от 22.11.2011 №7677/11, «собственники помещений могут в одностороннем порядке отказаться от исполнения договора управления многоквартирным домом не только в случае, если управляющая организация не выполняет условий такого договора, но и в случае принятия ими решения о выборе иной управляющей организации или изменении способа управления данным домом. Выбрав единожды способ управления домом и управляющую организацию, домовладельцы не лишаются возможности их изменить иначе как по суду и только в случае подтверждения нарушений со стороны управляющей организации». Таким образом, собственники по своему желанию могут и не указывать в решении общего собрания оснований для отказа от договора управления или вовсе не включать данный вопрос в повестку дня общего собрания, ограничившись выбором нового способа управления многоквартирным домом или новой управляющей организации. Управляющая компания не обладает правом одностороннего отказа от договора, правом на его изменение.

Как следует из судебной практики, один лишь факт возникновения у управляющей организации убытков при обслуживании многоквартирного дома не является основанием для расторжения договора. Расторжение судом договора управления многоквартирным домом по инициативе управляющей компании является скорее исключением из правила, чем сложившейся судебной практикой.

Возможность расторжения договора по инициативе управляющей компании может быть основана на п. 1 ст. 417 ГК РФ, если в результате издания акта органа государственной власти или органа местного самоуправления исполнение обязательства становится невозможным полностью или частично, обязательство прекращается полностью или в соответствующей части. Стороны, понесшие в результате этого убытки, вправе требовать их возмещения в соответствии со статьями 13 и 16 настоящего Кодекса.

Когда физически невозможно исполнять договор в силу, например, невозможности исполнения обязательства в натуре, гибель или утрата имущества, находящегося в управлении или утраты владения имуществом.

Управляющая компания жестко ограничена в своих правах на расторжение договора, во-первых, это право возможно реализовать через обращение в суд и суд будет давать оценку существенности нарушений, а, во-вторых, для мотивированного расторжения данного договора суду недостаточно лишь нарушений, даже если они и привели к убыткам управляющей компании. В этой связи очевидно, что для расторжения договора суд исследовал и оценил все вышеуказанные обстоятельства (цели договора, существенность и последствия нарушений), определяет статус участников договорных отношений. Такая позиция стоит на защите прав граждан, собственников жилых помещений.

На практике возможно злоупотребление со стороны собственников жилья, в виде расторжения договора с управляющей компанией лишь по волеизъявлению собственников. В этой связи было бы целесообразно ввести исчерпывающий перечень оснований дающих право собственникам жилья в одностороннем порядке по собственному волеизъявлению расторгать договор с управляющей компанией, а в остальных случаях при расторжении договора с управляющей компанией применять общую норму – ст. 450 ГК РФ.

В данных договорных правоотношениях законодатель исходил из существа и целей данных правоотношений. В этой связи при решении вопросов по расторжению договора в суд принимая решение исходит из существа и целей договорных обязательств, а не только воспринимает буквальное значение содержащихся в договоре слов и выражений.

Принцип свободы договора, содержащийся в ст. 1 ГК РФ, безусловно имеет пределы, неограничивающие права участников отношений заключать договоры, которые приводят к возникновению прав и обязанностей, но именно сущность, т.е. предмет и цель договорных правоотношений накладывает определенные ограничения на стороны, как те, которые наблюдаются в договоре между управляющей компани-

ей и собственниками жилых помещений (Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах»).

Итак, «существенное нарушение договора» является оценочным понятием и зависит от судебсого усмотрения. Рамки существенности изначально заложены в заключенном договоре и зависят напрямую от предмета договора. Неоднократность и ухудшение качества объекта правоотношения является основой для характеристики существенности нарушения договора. Общая норма ст. 450 ГК РФ и специальные нор-

мы ст.ст. 523 и 619 ГК РФ напрямую корреспондируют со ст. 15 ГК РФ. Именно «ущерб» является основанием для расторжения или изменения договора в одностороннем порядке. С точки зрения законодателя и правоприменительной практики ущерб имеет конкретные материальные рамки. Повреждение имущества можно оценить в материальном плане, т.е. определить стоимость утраченного имущества. При оценке существенности юридически значимым является не только само нарушение условий договора, но и последствия, которые возникли по факту такого нарушения.

Список литературы

1. *Агарков М.М.* К вопросу о договорной ответственности // Вопросы советского гражданского права. Сб. I / Под ред. М.М. Агаркова. М.: Изд-во АН СССР, 1945.
2. *Бациев В.В.* Практический комментарий отдельных положений главы 26 ГК РФ о прекращении обязательств (за исключением положений о зачете) // Арбитражные споры. 2007. №4(40).
3. *Гражданское право: Учебник: В 3 т. Т. 1 / Под ред. А.П. Сергеева. М.: ТК «Велби», 2009.*
4. *Дегтярева Н.С.* Понятие ущерба, его отличия от вреда и убытков. Виды ущерба и порядок возмещения // СПС КонсультантПлюс. 2018.
5. *Егорова М.А.* Прекращение обязательств: опыт системного исследования правового института. М.: Статут, 2014. 753 с.
6. *Карпетов А.Г.* Основные тенденции правового регулирования расторжения нарушенного договора в зарубежном и российском гражданском праве: Дис.... д. ю. н. М., 2011. С. 219 – 220.
7. *Соменков С.А.* Расторжение договора по гражданскому законодательству Российской Федерации: Дис.... к. ю. н. М., 1999. 212 с.
8. *Хохлов В.А.* Общие положения об обязательствах: учебное пособие. М.: Статут, 2015. 288 с.

Reference list

1. *Agarkov M.* Revisiting on contractual responsibility // Issues of the Soviet civil law. B. I / Under the editorship of M. Agarkov. M.: Publishing office of Academy of Sciences of the USSR, 1945.
2. *Batsiev V.* Practical commentary on certain provisions of Chapter 26 of the Civil Code of the Russian Federation on termination of obligations (except for provisions on offset) // Arbitrazhnye spory. 2007. №4 (40).
3. *Civil law: Textbook: In 3 vol. Vol. 1 / Under the editorship of A. Sergeev. M.: TC "Velby", 2009.*
4. *Degtyareva N.* The concept of damage, its difference from damage and loss. Types of damage and compensation // Reference Legal System ConsultantPlus. 2018.
5. *Egorova M.* Termination of obligations: experience of system research of law Institute. M.: Statute, 2014. 753 p.
6. *Karapetov A.* The main trends of legal regulation of termination of the violated contract in foreign and Russian civil law: Thesis of Doctor of Law. M., 2011. P. 219 – 220.
7. *Somenkov S.* Termination of the contract under the civil legislation of the Russian Federation: Thesis of PhD in Law. M., 1999. 212 p.
8. *Khokhlov V.* General provisions on obligations: Textbook. M.: Statute, 2015. 288 p.

УДК 330.1

Салихов Б.В.,

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и менеджмента
Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина

КАЧЕСТВЕННАЯ ЦЕЛОСТНОСТЬ КРЕАТИВНОГО КАПИТАЛА КАК ОСНОВЫ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье обосновывается необходимость целостного исследования креативности и креативного капитала как системного основания масштабных и непрерывных экономических инноваций. Кратко анализируются основные звенья «триединой» качественной целостности креативного капитала экономического агента любого уровня: творчество, актуализированная креативность и функциональный креативный капитал. Методологической основой статьи является структурно-генетический и конструктивистский подход к исследованию креативного капитала. Научная новизна положений и выводов заключается в характеристике эндогенной онтологии и трактовке сущности креативного капитала как критического фактора производства в современной ноосферной, созидательной и поведенческой экономике. Научно-практическое значение статьи состоит в актуализации новых форм управления качеством индивидуального и корпоративного креативного капитала, а также в разработке механизма повышения эффективности когнитивного производства.

Ключевые слова: креативность, креативный капитал, ноосферная и поведенческая экономика, неявное знание, когнитивная онтология, созидательная аксиология, феноменология креативного капитала, эффективность креативного капитала, творчески-трудовая экология

Salikhov B.,

Doctor of Economics, Professor, Professor of Chair of Economics and Management
of the Russian State University named after A. Kosygin

QUALITY INTEGRITY OF THE CREATIVE CAPITAL AS THE BASIS FOR INNOVATION ECONOMY

The article substantiates the need for a holistic study of creativity and creative capital as a systemic basis for large-scale and continuous economic innovations. The paper briefly analyzes the main links of the “triune” quality integrity of the creative capital of an economic entity of any level: creativity, actualized creativity and functional creative capital. The methodological basis of the article is a structural-genetic and constructivist approach to the study of creative capital. The scientific novelty of the provisions and conclusions lies in the characterization of endogenous ontology and representation of the essence of creative capital as a crucial factor of production in the modern noospheric, originative and behavioral economy. The scientific-practical significance of the paper is the actualization of new forms of quality management of individual and corporate capital, as well as the development of a mechanism to improve the efficiency of cognitive production.

Keywords: creativity, creative capital, noospheric and behavioral economy, tacit knowledge, cognitive ontology, originative axiology, phenomenology of creative capital, efficiency of creative capital, creative-labour ecology

Аксиомой можно считать положение о том, что основой любых инноваций являются уникальные идеи, знания и компетенции, предстающих как функция, прежде всего неявных знаний творческих, или креативных людей и коллективов, целых сообществ и даже нации в целом. Способность экономи-

ческих агентов нестандартно мыслить и воссоздавать оригинальные идеи называется *творчеством*, или *креативностью* [1,2]. При этом формирование и развитие этой креативности предполагает не просто понимание актуализации роли человека в современной экономике, но и осуществление целевых, мас-

штабных инвестиций в его прогрессивное развитие, в создание человеческого капитала нового, именно ценностно-смыслового качества. Кроме того, императивом является не просто воссоздание *способности*, но и расширенное воспроизводство *потребности* человека (экономического агента любого уровня) в творческом, инновационном мышлении и креативной деятельности. Здесь важно подчеркнуть, что проблема экономической креативности (творчесткости) приобретает очертания кантовского «категорического императива» также в силу неуклонного нарастания кризиса неолиберальной модели хозяйственных отношений, о чем все чаще дискутируют современные исследователи [3,4].

Применительно к экономике, *творчество*, или *творческая деятельность* может трактоваться как целенаправленная деятельность определенного субъекта, например, корпоративного сообщества, по воспроизводству новых идей и знаний, заключающих в себе созидательный потенциал продуктивных инноваций. Факт производства новых идей и знаний есть функция, или результат сознательного и целенаправленного использования человеком его *творческой энергии* как специфической ценности. Очевидно, что поток этой специфической ценностей (в форме творческой энергии), включает в себе признаки как такового капитального блага и может быть назван «капиталом творческой деятельности», или «креативным капиталом». Таким образом, следуя обратной логике, *креативный капитал* следует определить как поток специфических эндогенных ценностей в форме творчески-трудовой энергии субъекта, создающих новые ценности в форме, прежде всего, оригинальных, уникальных идей и новейших знаний.

Специфика названного потока эндогенных ценностей заключается в *психической творческой энергии*, функционально проявляющейся в качестве творческого мышления и, далее, творческого действия. По сути, творчество есть бытие творческой энергии; творческая энергия, в свою очередь, есть проявление созидательной сущности человека, его естественного стремления создать гармонию духовного, социального, экономического и природного мира. Таким образом, творческая энергия «в действии» есть явление «работы», или деятельностного бытия креативного капитала конкретного субъекта. Всякая целенаправленная (предметная) актуализация творческого мышления экономического агента есть, одновременно, актуализация его созидательной энергии, то есть креативного капитала [5,6]. Очевидно, что анализ творческой энергии человека как функции его предметной и созидательной сущности требует дальнейшего экономико-философского и конструктивного осмысления, о чем свидетельствует множество релевантных исследований [7-9].

В связи с этим важно отметить, что бытующие такие положения, как «недостаток творческого мышления», «неспособность мыслить по-новому», «поведенческий консерватизм» и многие другие часто проистекают не из сущности человека, а являются результатом неумения наставника и/или самого субъекта четко определить предметную область, а также четко сформулировать цель деятельности и обеспечить действие релевантного механизма мотивации. Успех может быть предопределен лишь в том случае, если предмет и цель использования творческой энергии (креативного капитала) будут соответствовать «дремлющим» творческим амбициям, или творчески-трудовой экологии человека. Роль наставника здесь должна заключаться в активной майевтике (в выявлении системы уникальных неявных знаний) и в «точечном» мотивировании конкретного субъекта (личности, корпоративного сообщества и др.).

Следует подчеркнуть, что творческая деятельность не сводится только к творческому мышлению, а включает множество форм объективации и материализации «знаниевых» результатов такого мышления, где присутствует весь набор технологических, коммуникативных и иных форм и способов создания продуктивных инноваций. При этом творческое мышление, с одной стороны, всегда предшествует созданию нового креативного продукта и является необходимым элементом технологической объективации («креативной капитализации») уникальных идей в конечные инновации, а с другой стороны, развитие творческого мышления есть результат собственных мыслительных субъективных достижений, оказывающих обратное положительное, возможно, мультипликативное влияние на процесс мышления [10-12].

Таким образом, во-первых, *креативность* (*творчесткость*), как способность к творческому мышлению и действию, есть *креативный потенциал* субъекта экономики; данная креативность требует самостоятельного научно-практического анализа форм и методов развития и самосовершенствования. Далее, во-вторых, предметно-целевая и ценностно-смысловая актуализация креативности трансформирует креативный потенциал в *актуализированный креативный капитал*, то есть в реальную готовность собственника названного потенциала использовать его в четко очерченном направлении созидательной деятельности. Наконец, в-третьих, *творчество*, как реальная «капитализация» творческого мышления, есть не просто актуализированный для творческого действия, а уже функционирующий капитал творчества, или *функциональный креативный капитал*, создающий добавленную стоимость в рамках определенной продуктовой инновации.

Названная и кратко охарактеризованная «триада», или цепочка понятий: «креативность как креа-

тивный потенциал – предметная актуализация креативности как факт возникновения креативного капитала – функционирующий креативный капитал как факт создания добавленной стоимости» включает в себе исследовательский, научно-практический потенциал последующего логического анализа креативного капитала, а также разработки конструктивистской парадигмы управления его качеством в современной экономике. Данный потенциал «триединого» методологического и научно-практического анализа креативного капитала есть, по сути, потенциал исследования его качественной целостности. При этом следует выделить три ключевых элемента этой качественной целостности: онтологию, аксиологию и феноменологию креативного капитала [13-15].

Первый элемент отмеченной целостности характеризуется императивом развития (расширенного воспроизводства) творческой, креативности, то есть креативного потенциала. Резонно констатировать, что уровень и качество творческой субъекта есть, прежде всего, функция ранее накопленных знаний и систематизированных познавательных и иных компетенций. Именно в уровне когнитивного развития экономического агента и заключается онтология качества креативного капитала. Действительно, предметно актуализировать для последующего креативного действия можно лишь то, что накоплено в процессе когнитивной деятельности и реально существует, хотя и как созидательный потенциал. Таким образом, **онтология креативного капитала** заключается в уровне накопленных и систематизированных знаний и компетенций, а также в когнитивных способностях субъекта к их расширенному воспроизводству.

Прямая зависимость качественных свойств актуализированного и функционирующего креативного капитала от качественных характеристик креативного потенциала (творческой), нацеливает субъекта управления на конкретизацию усилий, направленных на расширенное воссоздание креативности как таковой. *Производство креативности* должно стать сферой специальных воспроизводственных и институциональных трансакций. Очевидно, речь идет об определенных решениях и действиях, требующих управленческого (институционального, организационного, методического) капитала высокого качества. При этом можно лишь предполагать, в каком направлении (направлениях) может и будет актуализирована креативность конкретного субъекта, что и требует максимальной широты охвата и высокой интенсивности образовательного пространства с целью повышения эффективности всего «набора» семантических сетей как основы мыслительной деятельности.

Второй элемент качественной целостности креативного капитала непосредственно связан с ме-

ханизмом предполагаемой актуализации креативного потенциала и формированием общей направленности актуализированного креативного капитала экономического агента. Направленность креативности и актуализации креативного капитала должны соответствовать требованиям гуманизации современной хозяйственной действительности и будущей деятельности, что требует релевантного управленческого выбора и создания соответствующего организационно-экономического и институционального механизма. В данном случае следует обеспечить именно созидательный (духовно-нравственный, ноосферный) вектор использования творчески-трудо-вых способностей субъекта, что представляет собой **ноосферную аксиологию** качества актуализированного креативного капитала экономического агента.

Относительно механизма актуализации креативного потенциала и превращения его в одноименный капитал, важно выделить методы и инструменты мотивации сотрудников, а также перечень психических и иных свойств субъектов, предполагаемых к формированию и последовательному развитию. Ключевую роль здесь играет механизм поиска и развития творчески-трудо-вой экологии (креативной ниши) экономического агента. Резонно также выделить необходимость культивирования различных новых форм коммуникаций и создания благоприятных внешних условий, призванных актуализировать креативный потенциал и высокоэффективно трансформировать его в «актуализированный креативный капитал». Это потребует использования широкого набора неэкономических форм и методов управления, причем «запуск» механизма рассматриваемой актуализации напрямую увязывается с интересами и целями, творческими амбициями и интенциями конкретного экономического агента [16,17].

Третий элемент рассматриваемой целостности интерпретируется как механизм непрерывного обеспечения успешного «старта», а также бесперебойного функционирования и повышения эффективности использования креативного капитала, что составляет *качество его «феномена», или функциональной феноменологии*. Кроме того, что это самостоятельный вопрос, связанный с качеством системы управления, эффективностью национального и корпоративного институционального капитала, важно отметить критическое значение достигнутого в обществе и экономике уровня доверительных отношений. Без высокого уровня системы институционального, межфирменного и внутрифирменного доверия вкупе со многими другими условиями и факторами, координирующими и направляющими творческую деятельность, невозможно обеспечить ожидаемый высокий уровень функционирования креативного капитала предприятия. Важнейшей проблемой здесь является

обеспечение требуемой *эффективности креативного капитала*, понимаемой как результативность, в форме качества и количества инноваций, соотношенная с затратами творчески-трудовой энергии собственников данного капитала [18,19].

Учитывая когнитивные основания креативности, уже на данном этапе исследования следует отметить, что без массивных инвестиций в *когнитивный сектор экономики*, характеризующий онтологический уровень творчески-трудовой деятельности, объективно невозможно обеспечить требуемый уровень качества креативного капитала экономического агента любого уровня. Это, как минимум, означает, что хозяйственный сектор производства неявного знания становится ключевым для современной экономики, а экономика неявных знаний превращается в ее критически важную, базисную часть. Другими словами, креативная экономика есть экономика, прежде всего, неявного знания, в которой ядром является собственно экономика познавательной деятельности [20,21].

Далее, резонно выделить условия и наметить факторы капитализации креативности, то есть формирования креативного капитала как специфической ценности. *Условием формирования и развития* высокоэффективного креативного капитала является востребованность в масштабных, непрерывных и радикальных инновациях, предопределяющих растущий спрос на уникальные идеи, способные превращаться в новые знания и, далее, в продуктовые инновации. Кроме того, к разряду «системы среды» относится наличие в обществе релевантной научно-образовательной системы, обеспечивающей такую плотность когнитивного и информационного пространства, которая полностью удовлетворяет творческим запросам экономических агентов.

Интегральным и системным *фактором создания и последующего совершенствования* креативного капитала экономических агентов является высокий уровень их мотивации к непрерывному творческому саморазвитию. Это предстает как функция их рациональных ожиданий в защите прав интеллектуальной собственности и реальной возможности наиболее полно реализовать свой креативный потенциал. Специфическим фактором развития и высокоэффективного использования креативного капитала экономического агента является релевантное качество управления и самоуправления экономикой знаний, что требует нового качества воспроизводственных концептов в сфере, прежде всего, корпоративного самообучения [22,23].

Несомненно, анализ условий и факторов, обеспечивающих неуклонный рост эффективности индивидуального и корпоративного креативного капитала, требует специальных исследований. При этом

важно отметить именно экономический характер проблемы обеспечения названной эффективности креативного капитала. Это означает, что, во-первых, должен обязательно существовать альтернативный выбор направления и спецификации использования данного капитала; во-вторых, следует исходить из того обстоятельства, что такой ресурс, каковым является творчески-трудовая энергия экономического агента, всегда является ограниченным. Свобода выбора креативной деятельности и ограниченность энергии креативности как фактора творческого созидания, и определяют *собственно экономическое качество* функционирования и развития креативного капитала конкретного субъекта. Таким образом, качественная целостность креативного капитала, релевантного требованиям гуманистической, ноосферной экономики, включает *когнитивную онтологию, созидательную ценностно-смысловую аксиологию и функциональную феноменологию*, предстающие как элементы системы управленческого воздействия, или звенья «системы объекта» (рис. 1).

Научно-практическое значение ключевых положений, характеризующих качественную целостность креативного капитала экономического агента в экономике созидательных смыслов, заключается в следующих выводах. *Во-первых*, учитывая нарастающий кризис неолиберальной модели экономики и, связанную с ним, ускоренную деградацию оснований развития цивилизации в форме, прежде всего, биосферы, а также перечень ряда других глобальных проблем, интенсификация поиска путей их решения связана с актуализацией креативности и креативного капитала субъектов всех уровней и форм человеческой деятельности. При этом *креативный капитал* предстает здесь в качестве *новой «креатосферы»*, как поток творчески-трудовой энергии, направленной на производство уникальных и *спасительных для цивилизации* новейших идей и знаний, обеспечивающих социально-экономическое развитие на основе воспроизводимых экономических ресурсов и прогрессивных технологий их использования. Очевидно, что *переход к ноосферному типу воспроизводства, критическим фактором которого является креативный капитал*, есть ключевой императив современного социально-экономического развития [24,25].

Во-вторых, важнейшим аргументом в пользу актуализации креативного капитала и, одновременно, системным фактором повышения эффективности гуманистически направленного (созидательного, ноосферного) типа воспроизводства, является *творчески-трудовая экология* экономического агента, формирование и развитие которой требует «точечных» управленческих усилий. Выявление и приведение в необходимое функциональное состояние креативной экологии экономического агента предполагает

Рис. 1. Ключевые элементы качественной целостности креативного капитала как основы инновационной экономики

реализацию «внутреннего» творчества и соответствующих качественных свойств, именно эндогенного креативного капитала. Резонно отметить, что критическим фактором созидательного индивидуального и/или корпоративного воспроизводства является эндогенный (индивидуальный и/или корпоративный) креативный капитал [26,27].

В-третьих, выявление когнитивной онтологии, а также поиск феноменологии качества и эффективности применения креативного капитала, позволяют, в первом приближении, сформулировать важный вывод о том, что креативность и креативный капитал являются понятными объектами управления и поэтому могут успешно формироваться и совершенствоваться в рамках экономического агента любого уровня. Можно констатировать, что экономических агентов, не обладающих творчеством и, следовательно, креативным капиталом не бывает; имеет место лишь отсутствие знаний и компетенций о том, как осуществить поиск креативной экологии и как актуализировать личностный и/или корпоративный эндогенный и экзогенный креативный капитал. Следовательно, ментальный импринт, объясняю-

щий креативность как функцию преимущественно и даже исключительно врожденных свойств человека, не может считаться верифицированным. *Креативов (на любом уровне) можно и нужно целенаправленно формировать* и готовить к успешной творческой деятельности. Для этого, прежде всего, необходим соответствующий механизм с набором специфических условий и факторов [28,29].

В-четвертых, растущая интенсивность конкурентно-конкордных отношений, сложность обеспечения индивидуализации потребления, необходимость ускоренного развития доверительных отношений, кризис «рыночноцентрической неолиберальной экономической модели (монетраной плутократии) как закономерный результат системных «провалов» рынка и государства, а также множество других характеристик современного хозяйства, обосновывающих потребность в становлении ноосферного типа воспроизводства, объективно определяют необходимость поиска новых креативных форм и способов организации социально-экономической практики. Сегодня необходим многоуровневый, общенациональный «мозговой штурм», призванный сфор-

мировать высокоэффективный институциональный капитал, способный обеспечить «безбарьерное» и масштабное использование креативного капитала нации и каждого субъекта экономики. Для этого, при-

менительно к современной российской экономике, необходимо не только качественное обновление политико-экономической элиты, но и высочайшее творческое напряжение всего креативного социума.

Список литературы

1. Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб.: Питер, 2012. 448 с.
2. Миронов Б. Экономическая биология человека // Вопросы экономики. 2004. №10. С. 141-151.
3. Бузгалин А., Колганов А. «Рыночноцентрическая» экономическая теория устарела // Вопросы экономики. 2004. №3. С. 36-50.
4. Моисеев С.Р. «Ренессанс» монетаризма: чем жила знаменитая теория в 2000-2018 годах // Вопросы экономики. 2018. №1. С. 26-45.
5. Креативное мышление в бизнесе / Пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. 228 с.
6. Юнг К.Г. Об энергетике души. / Пер. с нем. В. Бакусева. М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2010. 297 с.
7. Бузгалин А.В. Закат неоллиберализма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы экономики. 2018. №2. С. 122-142.
8. Никифоров А., Антипина О. Поведенческая макроэкономика: на пути к новому синтезу // Вопросы экономики. 2016. №12. С. 88-104.
9. Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики / Под редакцией А.Б. Гофмана. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2008. 568 с.
10. Ханс Й. Креативность действия. СПб.: Алетейя, 2005. 320 с.
11. Хомутский Д.Ю. Управление инновациями в компании. М.: СОЛОН-ПРЕСС, 2008. 160 с.
12. Шаститко А., Курдин А. Стимулы к процессным инновациям в дискретных структурных альтернативах конкурентной политики // Вопросы экономики. 2016. №4. С. 56-86.
13. Абанкина Т. Креативная экономика: переход к капитализации культурного наследия // Вопросы экономики. 2017. №4. С. 100-117.
14. Медушевский А. Российские реформы с позиций теории когнитивной истории // Вопросы экономики. 2016. №3. С. 131-160.
15. Широнин В. Институты и инновации: взгляд когнитивной науки // Вопросы экономики. 2010. №5. С. 43-58.
16. Друкер П. Бизнес и инновации. М.: Вильямс, 2007. 432 с.
17. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2000. 512 с.
18. Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями / Под ред. Б.З. Мильнера. М.: Инфра-М, 2010. 624 с.
19. Салихова И.С., Окорочков И.В. Научно-практические императивы развития методов управления корпоративными знаниями // Транспортное дело России. 2012. №6. Выпуск 2. С. 133-137.
20. Клейнер Г. Наноэкономика // Вопросы экономики. 2004. №12. С. 70-94.
21. Салихов Б.В., Салихова И.С., Олигова М.Б. Качество ключевых форм неявного знания в создании добавленной стоимости // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. №1. С. 77-94.
22. Салихова И.С. Предпринимательские университеты и особенности формирования самообучающихся организаций в российской экономике // Путеводитель предпринимателя. 2015. №25. С. 358-370.
23. Сенге П. Пятая дисциплина. Искусство и практика самообучающейся организации. М.: Олимп-Бизнес, 1999. 384 с.
24. Гребнев Л. От «человека в экономике» к «экономике в человеке» // Вопросы экономики. 2006. №11. С. 46-59.
25. Попов Г.Х. О цивилизации XXI века // Вопросы экономики. 2013. №2. С. 94-108.
26. Антипина О.Н. Тенденции гуманизации экономики при переходе к постиндустриальному обществу. М.: Экономический факультет, ТЕИС, 1998. 84 с.
27. Белянин А.В. Ричард Талер и поведенческая экономика: от лабораторных экспериментов к практике подталкивания (Нобелевская премия по экономике 2017 года) // Вопросы экономики. 2018. №1. С. 5-26.
28. Заостровцев А. Современная австрийская школа об институтах, проблемах развития и роли экономиста // Вопросы экономики. 2015. №7. С. 73-87.
29. Салихова И.С. Качество образовательных услуг: социально-экономическая онтология и основы эффективности управления // Экономика и предпринимательство. 2014. № 3(44). С. 119-126.

Reference list

1. Il'in E. Psychology of creativity, creativity, talent. SBR.: Piter, 2012. 448 p.
2. Mironov B. Economic biology of a human being // Issues of Economics. 2004. №10. P. 141-151.
3. Buzgalin A., Kolganov A. "Market-centric" economic theory is obsolete // Issues of Economics. 2004. №3. P. 36-50.
4. Moiseev S. The Renaissance of monetarism: The lived famous theory 2000-2018 years // Issues of Economics. 2018. №1. P. 26-45.

5. Creative thinking in business / Translation from English. M.: Alpina Business Books, 2006. 228 p.
6. *Carl Gustav Jung*. About Energy of the Soul. / Translation from German by V. Bakusev. M.: Academic project; Fund "Mir", 2010. 297 p.
7. *Buzgalin A.* The demise of neoliberalism (the 200th anniversary of the birth of Karl Marx) // Issues of Economics. 2018. №2. P. 122-142.
8. *Nikiforov A., Antipina O.* Behavioural macroeconomics: Towards a new synthesis // Issues of Economics. 2016. №12. P. 88-104.
9. Traditions and innovations in modern Russia. Sociological analysis of interactions and dynamics / Under the editorship of A. Gofman. M.: Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 2008. 568 p.
10. *Hans Joas*. The Creativity of Action. SBR.: Aleteiya, 2005. 320 p.
11. *Khomutskiy D.* Innovation management in the company. M.: SOLON-PRESS, 2008. 160 p.
12. *Shastiko A., Kudrin A.* Incentives for process innovations in a discrete structural alternatives of competition policy // Issue of Economics. 2016. №4. P. 56-86.
13. *Abankina T.* Creative economy: Transition to capitalization of cultural heritage // Issues of Economics. 2017. №4. P. 100-117.
14. *Medushevskiy A.* Russian reforms from the standpoint of the cognitive theory of history // Issues of Economics. 2016. №3. P. 131-160.
15. *Shironin V.* Institutions and innovation: A view of cognitive science // Issues of Economics. 2010. №5. P. 43-58.
16. *Peter F. Drucker*. Business and Innovation. M.: Williams, 2007. 432 p.
17. *Il'in E.* Motivation and motives. SBR.: Piter, 2000. 512 p.
18. Innovative development: Economy, intellectual resources, knowledge management / Under the editorship of B. Milner. M.: Infra-M, 2010. 624 p.
19. *Salikhova I., Okorokov I.* Scientific and practical imperatives of corporate knowledge management methods development // Transport business of Russia. 2012. №6. Issue 2. P. 133-137.
20. *Kleyner G.* Nanoeconomics // Issues of Economics. 2004. №12. P. 70-94.
21. *Salikhov B., Salikhova I., Oligova M.* The quality of key forms of tacit knowledge in the creation of added value // National interests: Priorities and security. 2017. №1. P. 77-94.
22. *Salikhova I.* Entrepreneurial universities and formation features of self-learning organizations in the Russian economy // Guide to entrepreneur. 2015. №25. P. 358-370.
23. *Senge P.* The fifth discipline. The art and practice of self-learning organization. M.: Olimp-Business, 1999. 384 p.
24. *Grebnev L.* From "a human being in economy" to "economy in a human being" // Issues of Economics. 2006. №11. P. 46-59.
25. *Popov G.* The civilization of the XXI century // Issues of Economics. 2013. №2. P. 94-108.
26. *Antipina O.* Trends in the humanization of the economy in the transition to a post-industrial society. M.: Faculty of Economics, TEIs, 1998. 84 p.
27. *Belyanin A.* Richard Thaler and behavioral Economics: From laboratory experiments to push practice (2017 Nobel Prize in Economics) // Issues of Economics. 2018. №1. C. 5-26.
28. *Zaostrovtshev A.* Modern Austrian school on institutions, development problems and the role of the economist // Issues of Economics. 2015. №7. P. 73-87.
29. *Salikhova I.* The quality of education services: Socio-economic ontology and the foundations of the efficiency of management // Economy and entrepreneurship. 2014. №3 (44). P. 119-126.

УДК 338.12.017

Шкодинский С.В.,

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории
Московского государственного областного университета,
главный научный сотрудник Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института
Министерства финансов Российской Федерации

Грасмик К.И.,

кандидат экономических наук, научный сотрудник
Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА НА ИННОВАЦИОННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАЛЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Современная мировая экономика все чаще сталкивается с кризисными явлениями, что отражается и на экономике России. Как показывают зарубежные исследования, экономический кризис не является исключительно негативным явлением для национальной экономики. Согласно концепции созидательного разрушения Й. Шумпетера, кризис может оказывать стимулирующее воздействие на инновационную активность отдельных компаний. В статье на основе официальных статистических данных выполнен обзор инновационной активности в экономике России. Показано, что в краткосрочном периоде экономический кризис не оказывает существенного негативного воздействия на инновационную деятельность. На протяжении более длительного интервала времени кризис снижает инновационную активность, однако компании разного размера ощущают это в различной степени. На малых предприятиях инновационная активность является более волатильной, сокращается в большей степени, что может указывать не только на их более слабую ресурсную базу, но и на менее устойчивые конкурентные позиции.

Ключевые слова: инновации, экономический кризис, малый бизнес, стимулирование, инновационная активность, индикаторы

Shkodinskiy S.,

Doctor of Economics, Professor, Head of Chair of Economic Theory of the Moscow State Regional University,
Main Scientific Researcher of the Center of Branch Economy of the Research Finance Institute
of the Ministry of Finance of the Russian Federation

Grasmik K.,

PhD in Economics, Researcher of Dostoevsky Omsk State University

THE IMPACT OF THE ECONOMIC CRISIS ON INNOVATION ACTIVITY OF SMALL ENTERPRISES

The modern world economy is increasingly faced with crisis phenomena that impact on the Russian economy. As foreign research shown, the economic crisis is not solely a negative phenomenon for the domestic economy. According to Schumpeter's conception of creative destruction, the crisis may have a stimulating effect on innovation activity of separate companies. In the article a review of innovation activity in the Russian economy is performed on the basis of official statistics. It is shown that in the short term of crisis is not providing a significant negative impact on innovation activity. During longer interval of time the crisis reduces innovation activity, however, companies of different size will be affected in varying degree. In small companies innovation activity is more volatile, is reduced to a greater extent, which may indicate not only their weaker resource base, but on a less sustainable competitive positions.

Keywords: innovations, economic crisis, small business, stimulating, innovation activity, indicators

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта №16-32-01113/а2
«Анализ инновационной активности в экономике России в условиях кризиса».*

Как цитировать статью: Шкодинский С.В., Грасмик К.И. Влияние экономического кризиса на инновационную деятельность малых предприятий // Вестник Академии права и управления. 2018. № 1(50). с. 126–130

Введение

Экономика России постоянно сталкивается с экономическими кризисами. Ряд компаний не выдерживает потрясений и уходит с рынка. Достаточно вспомнить историю банкротств Трансаэро, СУ-155, Бинбанка и других коммерческих организаций. Только за первый квартал 2017 г. 3026 юридических лица объявили себя банкротами [4]. Однако существуют компании, которые не просто продолжают осуществлять деятельность, но и даже наращивают свои активы, реализуя инновационные проекты и, тем самым, перераспределяя рынок в свою пользу. Здесь уместно вспомнить о концепции созидательного разрушения Й. Шумпетера [11]. В соответствии с данной концепцией кризис меняет отраслевые пропорции цен, высвобождает ресурсы, заставляет фирмы предпринимать усилия по снижению затрат, тем самым стимулируя реализацию инновационных проектов [9]. Соответственно, возникает вопрос, почему кризис по-разному влияет на положение компаний? Чем обусловлена различная степень устойчивости фирм к экономическим потрясениям?

Факторов, влияние которых обуславливает различную степень устойчивости фирм к экономическим потрясениям, может быть множество. При этом они могут быть различного порядка, а именно: отраслевого, регионального и микроуровня. Динамика факторов макроуровня одинакова для всех фирм (например, инфляция, рост ставок процента, валютного курса и т.п.), однако влияние на деятельность компаний различается вследствие действия факторов мезо- и микроуровня. Кризис поражает, прежде всего, отдельные отрасли, чаще всего строительство, торговлю, финансовый сектор, однако отражается на всей экономике ввиду производственных взаимосвязей. Соответственно, уровень конкуренции в отрасли, в отраслях стоящих выше и ниже в цепочке создания стоимости, изменение относительных цен на ресурсы и готовую продукцию, изменение спроса в отрасли (объема и структуры рынка), предложения факторов производства, – вот далеко не полный перечень отраслевых факторов. Региональные параметры могут оказывать воздействие в зависимости от сформировавшейся практики взаимодействия органов власти и бизнеса на данной территории, степени остроты социально-экономических проблем в регионе и, как результат, возможностей властей снизить её посредством изъятия и перераспределения части прибыли местных компаний. Наконец, на уровне отдельной компании это может быть размер компании, состав её собственников, уровень производственных технологий, качество ресурсов фирмы, степень финансовой устойчивости, позиция компании во взаимоотношениях с поставщиками и клиентами и т.д.

Настоящее исследование направлено на анализ влияния экономического кризиса на инновационную активность в экономике. Исследования на эту тему были стимулированы мировым финансовым кризисом 2008 г. Одними из основных работ на эту тему являются [7, 8, 10]. Этими, а также рядом других авторов показано, что инновационное поведение компаний во время кризиса может быть антициклическим. Это зависит, по сути, от умения эффективно использовать ресурсы, опыта инновационной деятельности и степени развитости финансовых институтов поддержки инноваций в стране. Более подробно обзор исследований представлен в [2, 3].

Вопрос о зависимости инновационной активности компании от её размера не получил однозначного ответа в научной литературе [2]. Соответственно, мы проведем сравнительный анализ инновационной деятельности малых, средних и крупных компаний и подробнее остановимся на оценке влияния кризиса на инновационную активность малых предприятий. Это обусловлено значимой ролью малого инновационного предпринимательства в модернизации экономики, а именно как источника инновационных идей [6, С.102].

Инновации средних и крупных компаний

Традиционно показатели инновационной активности в России представлены по выборке средних и крупных компаний. Среди показателей трудно выделить наиболее релевантный. Это делает необходимым рассмотрение всего комплекса индикаторов (см. табл. 1).

Как видно из табл. 1, значения индикаторов отличаются стабильностью. Кризис 2008-2009 гг. не оказал существенного влияния, в частности доля организаций, осуществляющих технологические инновации, практически не изменилась. Существенно уменьшилась лишь доля фирм, осуществляющих организационные и маркетинговые инновации. Однако и этот индикатор восстановился к докризисным значениям достаточно быстро. При этом если динамика продаж инновационной продукции была несколько хуже, чем отгруженной продукции в целом (соответственно доля инновационной продукции в отгруженной сократилась с 5,5% в 2008 г. до 5,1% в 2009 г.), то затраты на инновации, напротив, оказались стабильнее продаж. Таким образом, краткосрочный кризис 2008 г. не привел к существенным изменениям в инновационном поведении компаний; небольшие провалы были быстро преодолены. Возможно, кризис даже в меньшей степени повлиял на инновационно-активные предприятия, чем инновационно-пассивные.

Текущий кризис, во-первых, является более длительным. Если вести отсчет с начала 2014 г., то данный год представляет собой пятый год экономи-

Таблица 1.

Инновационная активность в экономике России (промышленность), 2011-2016 гг., в %*

Показатель	2007	2008	2009	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации	9,4	9,6	9,4	8,9	9,1	8,9	8,8	8,3	7,3
Удельный вес организаций, осуществлявших технологические, организационные, маркетинговые инновации	10,8	11,0	9,3	10,4	10,3	10,1	9,9	9,3	8,4
Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг	5,5	5,5	5,1	6,3	8,0	9,2	8,7	8,4	8,5
Удельный вес затрат на технологические инновации в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг	1,4	1,2	1,4	2,2	2,5	2,9	2,9	2,6	2,5

* Источник: Росстат

ческого кризиса. Во-вторых, текущий кризис усилен санкциями и гораздо более значительным эффектом девальвации, которые, конечно же, повлияли на способность компаний к импорту высокотехнологичного оборудования. Между тем приобретение оборудования длительное время представляло собой основную форму инновационной деятельности компаний, наиболее существенную статью инновационных расходов. В краткосрочном периоде динамика показателей была аналогична периоду 2008-2009 гг. Иначе говоря, показатели оставались довольно стабильными в 2014 г. по сравнению с 2013 г. Спад наступил в 2015 г. и продолжился годом позже.

Если рассматривать показатели на уровне регионов, сравнивая 2016 и 2013 гг., то можно также увидеть разнонаправленную динамику. Так, инновационная активность выросла в 19 регионах; доля инновационной продукции в отгруженной – в 38; доля затрат на инновации в отгруженной продукции – в 34. При этом колебания индикаторов могут быть очень значительными, что, как правило, связано с аномально их высокими значениями до кризиса. Динамика показателей отношения инновационной продукции к отгруженной (в целом по промышленности и только по обрабатывающей) в более крупных регионах лучше. Что касается динамики затрат, то здесь наблюдается тенденция сосредоточения инновационной деятельности в ЦФО, а точнее, в г. Москва. Если в 2013 г. отношение затрат на инновации к стоимости отгруженной продукции в Москве составляло 3%, что примерно соответствовало общероссийскому уровню, то в 2016 г. оно составило 4,3%.

Инновационная деятельность малых предприятий

Доля инновационно-активных российских малых предприятий значительно ниже, чем в экономике в целом, что также подтверждается более детальными

ми обследованиями [1, 5]. Самое простое объяснение заключается в том что, крупная компания располагает гораздо большим объемом ресурсов, также может привлечь значительно больший объем капитала, чем малое предприятие. Также следует принять во внимание и структуру малого бизнеса, традиционно сконцентрированного на торговле и отраслях сфере услуг. У крупной компании больше потребностей для инновационного развития, поскольку конкуренция на крупных сегментах рынка требует нововведений. Тем не менее, малые предприятия широко представлены в таких высокотехнологичных отраслях, как машиностроение – более 22 тыс. фирм на начало 2015 г., производство электрооборудования – более 17 тыс. фирм, наука и научное обслуживание – более 15 тыс. компаний. К их основным функциям в инновационном процессе относятся, во-первых, отбор проектов для крупных компаний, во-вторых, выполнение отдельных работ и производство деталей в режиме субподряда.

В России доля затрат на инновации в объеме отгруженной продукции в зависимости от размеров компании напоминает перевернутую параболу. Отношение затрат к объему отгруженной продукции очень волатильно у микропредприятий (число работников до 50 чел.) и особенно у следующей категории фирм. Текущий кризис не стимулировал интенсивность затрат у компаний любой категории; имеет смысл говорить лишь об устойчивости данного отношения у крупных организаций, но не сверхкрупных (см. табл. 2).

Анализ затрат на инновации в отраслевом разрезе позволяет увидеть их значительное падение в добывающем секторе в реальном выражении и в номинальном, если сравнить с 2009 г. В обрабатывающей промышленности также имело место снижение на 13% в номинальном выражении. Тем не менее, в отдельных средне- и высокотехнологичных отрас-

Таблица 2.

Отношение затрат на инновации к отгруженной продукции по размеру компаний, в %*

Размер фирм	2007	2008	2012	2013	2014	2015	2016
До 50 чел.	0,7	1,7	0,9	0,3	0,6	0,4	0,5
50-99	0,4	2,3	0,9	3,8	0,9	1,4	0,8
100-199	0,5	1,2	1,3	1,4	1,3	1,1	1,0
200-249	0,7	0,9	2,1	1,2	2,1	1,0	1,4
250-499	0,7	0,9	1,5	1,6	1,5	1,3	1,3
500-999	0,7	0,9	2,3	1,9	2,0	2,6	2,1
1000-4999	1,4	1,4	3,4	3,6	4,2	3,4	3,5
5000-9999	1,9	1,7	2,9	6,6	6,2	5,0	4,9
10000 и более чел.	1,5	2,2	2,8	2,4	2,0	2,5	2,2

* Источник: Росстат, сразу следует оговориться, в Табл. 2 и 3 данные представлены по всем компаниям, включая промышленные, связи, сферу услуг и сельского хозяйства

лях рост продолжился, к примеру, производстве резиновых и пластмассовых изделий, мебели, готовых металлических изделий, транспортных средств. Похожие тенденции наблюдаются для крупных и средних компаний, соответственно следует указать на преобладание общих для предприятий факторов в их поведении. Экономический кризис не приводит к структурной перестройке рыночного пространства. Скорее наблюдаются процессы масштабных изменений рыночных позиций малых предприятий в пользу средних и крупных. Динамика инновационной активности российских компаний в зависимости от размера представлена в табл. 3.

Заметно, что инновационная активность растет с ростом размера компании, как мы и говорили выше. По сравнению с 2007 г. инновационная активность выше у всех групп компаний. В малом бизнесе рост является незначительным, тогда как у сверхкрупных компаний, наоборот, прогресс очень существенный. До текущего экономического кризиса имел место рост инновационной активности. Так, у микропред-

приятий доля инновационно-активных фирм выросла с 2 до 3%, что в относительном выражении представляет собой рост в 1,5 раза! В 2014 г. инновационная активность практически не сократилась в малом и среднем бизнесе, за исключением компаний с численностью занятых 50-99 чел. даже выросла. Уменьшение доли инновационно-активных фирм произошло в 2016 г. Спад не коснулся крупных и сверхкрупных компаний, однако возникает вопрос: насколько интенсивно малые высокотехнологичные предприятия связаны в кооперационных отношениях с крупными? Поскольку динамика в разных группах разная, следует предполагать, что в России компании разного размера кооперируются не очень интенсивно.

Заключение

Проведенный анализ показал, что инновационная активность компаний разного размера может отличаться в значительной степени. Однако зависимость является различной применительно к разным

Таблица 3.

Доля компаний, осуществляющих технологические, организационные, маркетинговые инновации в зависимости от размера компаний, в % *

Размер фирм	2007	2008	2012	2013	2014	2015	2016
До 50 чел.	2,0	2,1	3,0	3,0	3,0	2,7	2,5
50-99	5,3	5,2	6,8	7,0	6,6	7,2	6,4
100-199	8,7	8,5	10,5	10,0	10,5	10,1	9,3
200-249	10,6	10,1	13,7	13,6	13,9	13,4	12,4
250-499	14,8	14,8	16,9	17,2	17,2	16,4	15,4
500-999	23,9	23,7	25,9	27,0	26,6	26,8	25,0
1000-4999	42,4	40,5	44,6	44,5	45,6	46,5	44,5
5000-9999	67,9	69,1	67,4	72,3	73,0	71,1	75,8
10000 и более чел.	69,6	73,1	85,4	75,5	82,2	83,7	82,7

* Источник: Росстат

индикаторам. Так, если речь идет о компаниях, которые осуществляют инновации в принципе, то доля таких фирм растет с ростом размера компании. Но это естественно, поскольку конкуренция в среднем и крупном бизнесе зачастую носит преимущественно неценовой характер. Что касается затрат, а именно отношения расходов на инновации к объему отгруженной продукции, то здесь зависимость является нелинейной: в малом и сверхкрупном бизнесе она значительно ниже по сравнению со средними компаниями.

Влияние экономического кризиса на инновационную деятельность зависит от его продол-

жительности. Кризис 2008-2009 гг. не оказал значительного влияния на интенсивность инновационной деятельности. То же самое можно сказать о текущем кризисе, если рассматривать показатели за 2014 г. в сравнении с предшествующими периодами. Более резкое снижение имело место в 2015 г. и особенно в 2016 г. При этом динамика в малом бизнесе была более резкой. Полагаем, что это связано с общей неустойчивостью функционирования малых компаний во время экономического спада, а также перераспределением рынка в пользу более крупных фирм.

Список литературы

1. Гончар К. Инновационное поведение крупнейших компаний: ленивые монополии или агенты модернизации // МЭ и МО. 2009. №9. С. 3-14.
2. Грасмик К. Инновационная активность фирм в условиях экономического кризиса // Проблемы теории и практики управления. 2017. №2. С. 58-64.
3. Дусь Ю.П., Грасмик К.И., Верховец О.А. Влияние финансового кризиса на инновационную активность российских компаний // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. 2013. №2. С. 62-72.
4. Занина А., Райский А. Безнадежное банкротство. Газета «Коммерсант» №69 (6063) от 20.04.2017 г.
5. Индикаторы инновационной деятельности: 2017: статистический сборник / Н.В. Городникова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский и др.; Нац. исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2017. 328 с.
6. Шкодинский С.В., Продченко И.А. Место и роль малых инновационных предприятий в национальной инновационной системе // Вестник Академии права и управления. 2016. №42. С.101-109.
7. Archibugi D., Filippetti A., Frenz M. 2013. Economic crisis and innovation: Is destruction prevailing over accumulation. *Research Policy*, 42 (2), 303-314.
8. Filippetti A., Archibugi D. 2011. Innovation in times of crisis: national systems of innovation, structure and demand. *Research Policy*, 40 (1), 179-192.
9. Hausman A., Johnston W.J. 2014. The role of innovation in driving the economy: lessons from the global financial crisis. *Journal of Business Research*, 67, 2720-2726.
10. Paunov C. 2012. The global crisis and firm's investments in innovation. *Research Policy*, 41 (1), 24-35.
11. Schumpeter J.A., 1942. *Capitalism, Socialism, and Democracy*. Social Science Research Network, Rochester, NY.

Reference list

1. Gonchar K. Innovation behavior of major companies: Indolent monopolies or agents of modernization // ME и MO. 2009. №9. P. 3-14.
2. Grasmik K. Innovation activity of firms in conditions of the economic crisis // Issues of theory and management practice. 2017. №2. P. 58-64.
3. Dus' Yu., Grasmik K., Verkhovets O. The impact of financial crisis on innovation activity of the Russian companies // Bulletin of Ural Federal University. Series: Economics and management. 2013. №2. P. 62-72.
4. Zanina A., Rayskiy A. Hopeless bankruptcy. The newspaper "Kommersant" №69 (6063) from 20.04.2017.
5. Indicators of innovative activities: 2017: Statistical collection / N. Gorodnikova, L. Grokhberg, K. Ditkovskiy and others; National Research University "Higher School of Economics". M.: NRU HSE, 2017. 328 p.
6. Shkodinskiy S., Prodchenko I. The place and role of small innovation enterprises in the national innovation system // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2016. № 42. P. 101-109.
7. Archibugi D., Filippetti A., Frenz M. 2013. Economic crisis and innovation: Is destruction prevailing over accumulation. *Research Policy*, 42 (2), 303-314.
8. Filippetti A., Archibugi D. 2011. Innovation in times of crisis: national systems of innovation, structure and demand. *Research Policy*, 40 (1), 179-192.
9. Hausman A., Johnston W.J. 2014. The role of innovation in driving the economy: lessons from the global financial crisis. *Journal of Business Research*, 67, 2720-2726.
10. Paunov C. 2012. The global crisis and firm's investments in innovation. *Research Policy*, 41 (1), 24-35.
11. Schumpeter J.A., 1942. *Capitalism, Socialism, and Democracy*. Social Science Research Network, Rochester, NY.

Смоленский А.М.,

стажёр Экономического факультета Российского университета дружбы народов

РОЗНИЧНАЯ ТОРГОВЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОСТОЯНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье приведен анализ современного состояния розничной торговли в Российской Федерации, вскрыты ее основные проблемы, рассмотрены макроэкономические условия и первоочередные пути их решения.

В основу анализа положены официальные данные Росстата в сфере розничной торговли и макроэкономических показателей состояния экономики Российской Федерации. В результате проведенного исследования приведены факты неудовлетворительного состояния розничной торговли в Российской Федерации. В свою очередь анализ макроэкономической ситуации привел автора к выводу о том, что в ближайшие годы общее положение в сфере розничной торговли вряд ли существенно улучшится, что обусловлено продолжающимся ростом потребительских цен, инфляцией и снижением реальных доходов населения. Статья затрагивает также проблемы выживания предприятий розничной торговли, что особенно актуально для предприятий розничной торговли малого и среднего бизнеса. Предлагаемое автором решение в складывающихся макроэкономических условиях Российской Федерации и отсутствии поддержки со стороны государства – существенное снижение внутренних издержек предприятий.

Ключевые слова: розничная торговля, состояние, проблемы, макроэкономические условия решения проблем

Smolenskiy A.,

Trainee of the Faculty of Economics of People's Friendship University of Russia

RETAIL TRADING IN THE RUSSIAN FEDERATION: CURRENT STATE AND PRESENT TROUBLES

The article analyzes the current state of retail trading in the Russian Federation; it is revealed its main troubles, considered macroeconomic conditions and priority ways of their solution.

The analysis is based on official data of Rosstat in the sector of retail trading and macroeconomic indicators of the Russian economy. As a result of the conducted research the facts about unsatisfactory condition of retail trading in the Russian Federation are given. In turn, the analysis of the macroeconomic situation led the article author to the conclusion that in the coming years the overall situation in the sector of retail trading is unlikely to improve significantly, due to the continued growth of customer prices, inflation and decline in real incomes of the population. The article author deals with the issues of survival of retail enterprises, which is especially important for small and medium-sized business. The solution proposed by the contributor in the current macroeconomic conditions of the Russian Federation and the lack of support from the government is a significant reduction in the internal costs of the enterprise.

Keywords: retail trading, state, troubles, macroeconomic conditions of trouble solution

Торговля представляет собой одну из наиболее динамично развивающихся отраслей российской экономики. В настоящее время по данным Росстата [1, 2] ее доля во внутреннем валовом продукте страны составляет около 20%. В отрасли действуют свыше 900 тыс. хозяйственных единиц. В них сегодня занято около 15 млн. человек (около 15% общего числа занятых в экономике страны). Все это свиде-

тельствует о значимости торговли в целом и розничной торговли в частности для экономики Российской Федерации.

Однако продолжающийся экономический кризис обусловил такие проблемы розничной торговли как: существенное снижение торгового оборота; увеличение доли компаний, которые сталкиваются с недостатком финансовых средств;

сокращение инвестиций на расширение деятельности и повышение качества услуг;

снижение численности численность работников в отрасли;

сокращение ассортимента товаров и др. [3]

Так, по данным Росстата, торговый оборот розничной торговли достаточно резко снижается (см. табл. 1). На конец 2015 года он составил 27,6 трлн. рублей, что в сопоставимых ценах составляет 90% к показателям 2014 года. В 2016 году снижение оборота розничной торговли продолжилось. По предварительным оценкам ее оборот к концу 2016 года составил в сопоставимых ценах 95% к показателям 2015 года.

В относительном выражении более существенно снизился (см. табл. 1) оборот розничной торговли непродовольственными товарами, наибольшую долю которых составляет техника и изделия легкой промышленности. Например, продажи телевизоров, фотоаппаратуры и персональных компьютеров снизились к концу 2015 года на 25-30%.

В течение 2016 г. падение оборота розничной торговли продолжилось (см табл. 1.2). В ноябре 2016г. он составил 2439,3 млрд. рублей, что в сопоставимых ценах составляет 95,9% к соответствующему периоду предыдущего года. В целом же за период с января по ноябрь 2016г. оборот розничной торговли составил 25237,9 млрд. рублей, или 94,9%. к соответствующему периоду предыдущего года.

В целом же по данным Росстата падение оборота розничной торговли продолжается с 2014 года и, судя по тренду (см. рис. 1) [1], заявления правительства о том, что дно достигнуто, означают только

снижение темпов падения. К этому следует добавить невысокую рентабельность предприятий розничной торговли. В среднем по отрасли в 2014 – 2016 годах она составляла немного более 2%.

Устойчивое падение оборота розничной торговли при сравнительно низкой рентабельности продаж привело к снижению индекса предпринимательской уверенности в отрасли [1]. В 2016 году он составил минус 2,3%, что на 1,3% превысило уровень его снижения во времена экономического кризиса 2008-2009 годов.

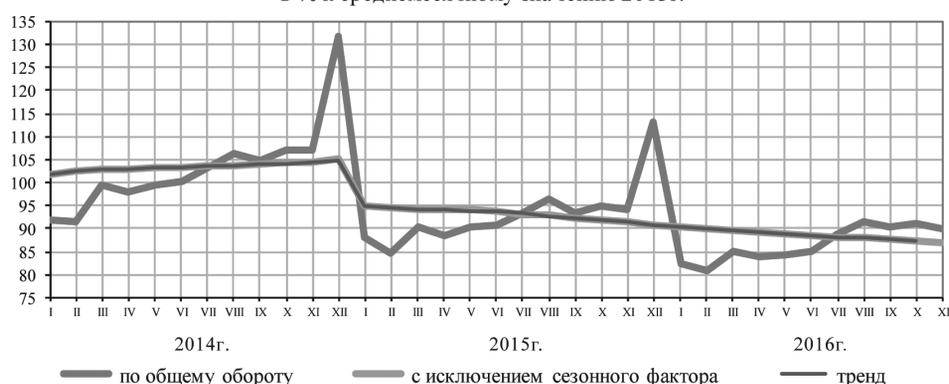
В результате ситуация в розничной торговле продолжает меняться в худшую сторону. Несмотря на официальные заявления властей о поддержке бизнеса, на практике эта поддержка в сфере розничной торговли относится только к крупному бизнесу и то в незначительной степени. В сфере же среднего и малого бизнеса складывается катастрофическая обстановка. Несмотря на то, что цена товаров на предприятиях малого бизнеса в среднем на 30-35% ниже, чем цена аналогичных товаров в супермаркетах и на них закупается 30% мяса, 30% картофеля, 37% верхней одежды, 32% одежды из меха, 28% всей обуви, государство не стремится поддерживать малый бизнес и рыночную розничную торговлю, поскольку получаемые с них налоги минимальны. Наложившиеся на кризисные явления рост прямых и косвенных налогов и ужесточение государственного администрирования привели к снижению численности предпринимателей и работников, занятых в сфере розничной торговли (см. табл. 2), сокращению количества доступных рынков и ярмарок и перераспределению оборота розничной торговли в пользу торговых сетей (см. табл. 3). [1]

Таблица 1.

Динамика оборота розничной торговли

Период	Оборот розничной торговли в 2015 году (% к аналогичному периоду 2014 года)	Оборот розничной торговли продовольственными товарами в 2015 году (% к аналогичному периоду 2014 года)	Оборот розничной торговли непродовольственными товарами в 2015 году (% к аналогичному периоду 2014 года)	Оборот розничной торговли в 2016 году (% к аналогичному периоду 2015 года)
Январь	96.4	97.3	95.5	93.6
Февраль	93.0	92.7	93.1	95.3
Март	91.5	92.9	90.3	93.8
Апрель	90.4	91.3	89.6	94.9
Май	91.1	91.3	90.9	93.6
Июнь	90.8	90.9	90.6	93.8
Июль	90.8	91.0	90.6	94.9
Август	90.8	89.9	91.6	99.0
Сентябрь	89.5	90.2	89.6	96.6
Октябрь	88.3	89.3	87.4	95.8
Ноябрь	86.9	88.5	85.4	95.9
Декабрь	84.7	88.6	81.5	95.7

Динамика оборота розничной торговли¹⁾
в % к среднемесячному значению 2013г.

1) Оценки данных с исключением сезонного и календарного факторов осуществлены с использованием программы "DEMETRA 2.2". При поступлении новых данных статистических наблюдений динамика может быть уточнена.

Рис. 1. Динамика оборота розничной торговли в 2014 – 2016 г.г.

Таблица 2.

Динамика показателей занятости в розничной торговле

Годы	Количество индивидуальных предпринимателей, занятых в розничной торговле (тыс. чел. на 1 января года)	Доля индивидуальных предпринимателей, занятых в розничной торговле (% на 1 января года)	Среднегодовая численность занятых в торговле в % к общей численности работников, занятых в экономике
2010	1779.1	45.0	17.9
2011	1769.0	43.3	18.0
2012	1709.8	41.7	18.1
2013	1654.7	40.8	18.3
2014	1442.2	40.8	18.7
2015	1437.1	39.8	15.7
2016	1418.7	38.4	15.0
2017	1415.6	37.6	14.9

Таблица 3.

Динамика сетевой торговли в розничном товарообороте

Годы	Количество действующих рынков (единиц на 1 января года)	Рост торговых площадей сетевой продовольственной розницы, тыс. кв. м	Доля торговых сетей в обороте розничной торговли, %
2010	3497	153.3	17.90
2011	3427	186.2	18.40
2012	3159	283.2	19.80
2013	2162	302.4	21.60
2014	1589	263.5	22.90
2015	1447	492.8	24.30
2016	1308	503.0*	26.9
2017	1300	-	-

*По данным прогноза.

Это привело к изменению структуры формирования оборота розничной торговли (см. табл. 3, 4). Данные табл. 3, 4 показывают, что в настоящее время круп-

ные сетевые организации розничной торговли постепенно вытесняют индивидуальных предпринимателей, малый и средний бизнес из сферы розничной торговли.

Таблица 4.

Структура формирования оборота розничной торговли по хозяйствующим субъектам

Хозяйствующие субъекты	Январь-сентябрь 2015 г. (в % к итогу в фактически действовавших ценах)	Январь-сентябрь 2016 г. (в % к итогу в фактически действовавших ценах)
Продажа товаров на розничных рынках и ярмарках	8.0	7.2
Индивидуальные предприниматели, осуществляющие розничную торговлю вне рынка	24.6	23.9
Микропредприятия розничной торговли	9.2	9.2
Малые предприятия розничной торговли	14.0	13.4
Субъекты среднего предпринимательства	2.3	2.8
Организации, не относящиеся к малому и среднему предпринимательству (крупные торговые сети)	43.5 (24.3)	41.9 (25.8)

В целом проведенный анализ свидетельствует о неудовлетворительном состоянии розничной торговли в Российской Федерации. При этом анализ макроэкономической ситуации свидетельствует о том, что в ближайшие годы общее положение в сфере розничной торговли вряд ли существенно улучшится, что обусловлено продолжающимся ростом потребительских цен, инфляцией и снижением реальных доходов населения. Так по данным Росстата (см. табл. 5) в России прирост потребительских цен в среднем за 2015 год достиг 15,5% к 2014 году, а в 2016 году 5,4 % по отношению к 2015 году. При этом средняя за январь-декабрь годовая инфляция в 2016 году в России составила 7,1%. [4]

Реальные доходы населения за 2016 год снизились на 5,9% в сравнении с 2015 годом. Это, наряду с ростом склонности населения к сбережению, привело к дальнейшему спаду оборота розничной торговли. Причем темпы его спада в начале 2017 года возросли.

Указанные обстоятельства обусловили острую проблему выживания предприятий розничной торговли. Особую остроту проблема выживания приоб-

ретают для предприятий розничной торговли малого и среднего бизнеса. Ее решение в складывающихся макроэкономических условиях Российской Федерации и отсутствии поддержки со стороны государства может быть достигнуто только существенным снижением внутренних издержек рассматриваемых предприятий. Статьи издержек предприятий розничной торговли приведены в табл. 6.

Из указанных статей расходов наиболее перспективными в части снижения издержек в настоящее время являются расходы на перевозки и расходы вследствие потерь товаров и продуктов при их перевозке, хранении и реализации, что обуславливает важную для современного состояния розничной торговли проблему их сокращения. Действенным инструментом сокращения этих издержек является оптимизация объемов и номенклатуры поставок товаров предприятиям розничной торговли. Их оптимизация может опираться на использование для формирования решений математического аппарата управления запасами [5].

Таблица 5.

Динамика потребительских цен, декабрь к декабрю предыдущего года и в среднем за январь-декабрь к предыдущему году, %

	2014		2015		2016	
	дек./дек.	январь-дек./ январь-дек.	дек./дек.	январь-дек./ январь-дек.	дек./дек.	январь-дек./ январь-дек.
Индекс потребительских цен	11,4	7,8	12,9	15,5	5,4	7,1
Продовольственные товары	15,4	10,1	14,0	19,1	4,6	6,0
Непродовольственные товары	8,1	5,4	13,7	14,2	6,5	8,2

Таблица 6.

Статьи издержек предприятий розничной торговли

1	Расходы на железнодорожные, водные, воздушные, автомобильные и гужевые перевозки
2	Расходы на оплату труда

3	Расходы на аренду и содержание зданий, сооружений, помещений и инвентаря
4	Амортизация основных фондов
5	Отчисления и затраты на ремонт основных средств
6	Износ санитарной одежды, столового белья, малоценных и быстроизнашивающихся предметов, столовой посуды и приборов
7	Расходы на топливо, газ, электроэнергию для производственных нужд
8	Расходы на хранение, подработку, подсортировку и упаковку товаров
9	Расходы на торговую рекламу
10	Проценты на пользование кредитов и займов
11	Потери товаров и продуктов при перевозке, хранении и реализации
12	Расходы на тару
13	Отчисления на социальные нужды
14	Налоги, отчисления, сборы, включаемые в издержки обращения
15	Прочие расходы

Список литературы

1. Торговля в России. 2015: Росстат. Т. 60. М., 2015. 243 с.
2. Динамика потребительских цен в России в период спада экономики // Бюллетень социально-экономического кризиса в России, 2016 № 9.
3. Анисимов Е.Г., Анисимов В.Г., Сауренко Т.Н., Чварков С.В. Экономическая политика в системе национальной безопасности Российской Федерации // Национальные приоритеты России. 2016. №3 (21). С. 22-32.
4. Динамика потребительских цен: итоги 2016 года // Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. Аналитический центр при Правительстве РФ, 2017.
5. Анисимов В.Г., Анисимов Е.Г., Сауренко Т.Н., Смоленский А.М. Модель определения рационального объема запасов продукции в цепях поставок со случайным спросом // Вестник Академии права и управления. 2017. №46 (1). С. 124-128.

Reference list

1. Trade in Russia. 2015: Rosstat. Vol. 60. M., 2015. 243 p.
2. Dynamics of consumer prices in Russia during the recession // Bulletin of the social and economic crisis in Russia, 2016 № 9.
3. Anisimov E., Anisimov V., Saurenko T., Chvarkov S. Economic policy in the system of national security of the Russian Federation // National priorities of Russia. 2016. №3 (21). P. 22-32.
4. Dynamics of consumer prices: results of 2016 // Bulletin on current trends of the Russian economy. Analytical Center under the Government of the Russian Federation, 2017.
5. Anisimov V., Anisimov E., Saurenko T., Smolenskiy A. Model to determine the rational amount of product inventory in supply chains with random demand // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2017. №46 (1). P. 124-128.

Мишина А.А.,
ведущий специалист ПАО «Сбербанк»

ФИНАНСОВЫЕ ИННОВАЦИИ: ПОДХОДЫ К КЛАССИФИКАЦИИ И ВИДАМ

В рамках данной статьи рассматриваются различные понятия финансовых инноваций, описываются их виды и роль в банковской системе. Также представлена классификация финансовых инноваций и их краткая характеристика.

Ключевые слова: инновация, финансовая инновация, банковская система, виды финансовых инноваций, классификация финансовых инноваций

Mishina A.,
Leading specialist of PJSC "Sberbank"

FINANCIAL INNOVATIONS: APPROACHES TO THE CLASSIFICATION AND TYPES

For the purposes of the article there are discussed various concepts of financial innovations, covered their types and role in the banking system. The classification of financial innovations and their brief characteristics are also presented.

Keywords: innovation, financial innovation, banking system, types of financial innovations, classification of financial innovations

Одной из основных структур в экономике любого современного государства является банковская система. Она призвана удовлетворить возрастающие потребности современного общества в банковских услугах и продуктах.

Банковская система – совокупность разных видов взаимосвязанных банков и других кредитных учреждений, действующих в рамках единой финансово-кредитной системы. В двухуровневой банковской системе на первом уровне находится центральный банк, а на втором уровне – сеть коммерческих банков и других расчетно-кредитных учреждений.[8]

Главной функцией банковской системы в целом является посредничество в перемещении денежных средств и кредитов между продавцами и покупателями, кредиторами и заемщиками.

В рыночной экономике роль банковской системы, безусловно, велика – с помощью неё регулируются денежные расчеты, осуществляется перераспределение и мобилизация капиталов и т.д. Джон Кейнс сравнивал банковскую систему с кровеносной системой организма, а капиталы – с кровью, питающей различные его части. Он считал, что государство может воздействовать на национальную экономику и оказывать поддержку тем отраслям, которые отстают от общего развития, регулируя с помощью банков движение потоков финансовых средств.

Банковская система постоянно развивается. Эволюция и обновление банковских продуктов и услуг происходит под влиянием различных экономических, политических и социальных факторов. К работе кредитных организаций не только предъявляются новые требования, но и предлагаются новые возможности для развития, создания и продвижения инновационного продукта. Банки выстраивают доверительные партнерские отношения с клиентами, предлагают всевозможные способы преумножения капитала, содействуют развитию деловой активности населения. Спрос и предложение финансовых услуг непрерывно растет, тем самым обостряя конкурентную борьбу между финансовыми организациями.

В условиях глобализации и трансформации российской экономики роль и значение инноваций невероятно высоки – инновационное развитие экономики рассматривается многими странами как один из основных и важнейших путей экономического роста, обеспечения конкурентоспособности. Опыт многих лет показывает необходимость объективной оценки влияния на банковский сектор новых тенденций в развитии научно-технической сферы, при которой трансформационные и структурные проблемы, неизбежно сопутствующие зарождению и развитию различных инноваций, учитывались бы и подвергались всестороннему исследованию. Особую актуаль-

ность приобретает изучение тенденций, на основании которых происходит развитие инновационной деятельности банков и небанковских кредитных организаций, а также определение специфики инновационного процесса в банковском секторе в настоящий момент.

Вопрос изучения инноваций невероятно важен, т.к. только грамотный подход к разработке и внедрению инновационных банковских технологий, финансовых операций и продуктов способствует максимальной доходности при допустимом уровне риска.

Специалисты полагают, что «в настоящее время существует большой разброс в трактовке понятий «новшество», «новация», «нововведение» и «инновация». Отметим, что они применяются, как правило, в двух случаях: для обозначения того, чего ранее не было, или того, что ранее было, но имеет качественно новые отличительные признаки».[4]

Согласно международному стандарту, инновация (нововведение) – это конечный результат творческой деятельности, получивший воплощение в виде новой или усовершенствованной продукции, реализуемой на рынке, либо нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности.[4]

В течение долгого времени сущность финансовой инновации и ее место в развитии банковской сферы является предметом исследований и споров. Чаще всего термин «финансовая инновация» используется для обозначения ряда действий финансового характера, обладающих определенной новизной. В настоящее время сформировалось несколько устойчивых позиций в восприятии «финансовой инновации».

Группа исследователей под финансовой инновацией подразумевает новые финансовые продукты и услуги, а инновационной считается деятельность коммерческого банка, связанная с их разработкой.

Современный экономический словарь определяет: «Финансовая инновация – разработанные финансовыми институтами новые финансовые продукты и процессы по переводу денег, выдаче и получению кредитов с использованием современных технических и информационных средств, компьютеров, Интернета».[8]

«Банковская инновация как совокупность принципиально новых банковских продуктов и услуг – это синтетическое понятие о цели и результате деятельности банка в сфере новых технологий, направленных на получение дополнительных доходов в процессе создания благоприятных условий формирования и размещения ресурсного потенциала при помощи внедрения нововведений, содействующих клиентам в получении прибыли» – утверждает О.И. Лаврушин.[2] И.Т. Балабанов определяет: «Банковская инновация – это реализованный в форме нового банковского продук-

та или операции конечный результат инновационной деятельности банка», а под инновационной деятельностью понимается при этом «системный процесс создания и реализации инновации».[1]

А.В. Муравьева в своей диссертации на тему: «Банковские инновации: мировой опыт и российская практика» предлагает следующее определение банковских инноваций: «банковская инновация как совокупность принципиально новых банковских продуктов и услуг – это синтетическое понятие о цели и результате деятельности банка в сфере новых технологий, направленных на получение дополнительных доходов в процессе создания благоприятных условий формирования и размещения ресурсного потенциала при помощи внедрения нововведений, содействующим клиентам в получении прибыли».[6]

О.В. Иванова трактует: «Банковские инновации – это конечный результат инновационной деятельности, специфический вид банковских инноваций, реализуемый банками на финансовых рынках или в собственной деятельности в форме нового или усовершенствованного банковского продукта, услуги, процесса, организационной формы или технологии с целью более эффективного формирования и размещения ресурсного потенциала коммерческого банка».[5]

А.В. Охлопков считает, что «Банковские инновации – это конечный результат научно-технической деятельности банка, получивший воплощение в виде нового или усовершенствованного продукта или услуги, направленный на лучшее удовлетворение имеющихся потребностей клиентов или формирование новых в процессе управления ресурсным потенциалом банка».[7]

Противоположный вариант подхода определяет финансовые инновации как информатизацию и автоматизацию финансовых процессов, внедрение новых методик и методологий финансовых операций. Без использования различных информационных технологий, на глобализирующихся финансовых рынках невозможно представить существование эффективного функционирующего банка.

Д.А. Назипов утверждает: «Банк, который не инвестирует в создание ИТ-систем, не концентрирует персонал и поддержку, неизбежно проигрывает, так как доступ к финансовым сервисам предельно упростился. Вскоре падет и последний рубеж на пути к полностью цифровому банку – будет регламентирована удаленная идентификация клиента для открытия счета».[9]

В мировой финансовой системе в условиях непрерывно растущей конкуренции, с одной стороны, и развитии глобального информационного общества, в котором главенствующая роль определена сети Интернет, с другой, банковской сфере необходимо грамотно подходить к организации менеджмента бизнес-

процессов, внедрять интеллектуальные автоматизированные системы управления и принятия решений.

Новые институциональные формы организации банковского бизнеса – изменение организационной структуры банка; постепенный переход к сетевой организации; постоянное инновационное обновление банковских продуктов и услуг – следует расценивать как финансовую инновацию.

Только при изучении инноваций можно добиться положительного результата от их внедрения. Следует различать инновации и видоизменения в продуктах и услугах финансовых организаций, технических и технологических процессах. Проведение инновационной политики в финансовой организации должно проходить последовательно, исходя из плана внедрения инноваций.

В мировой практике обычно выделяют следующие виды банковских инноваций:

- банковские продукты на новых сегментах: инвестиции в недвижимость, страховой бизнес, финансовый лизинг, трастовые операции и т.п.;

- инновации в новых областях денежно-финансового рынка, таких как рынки коммерческих бумаг, финансовых фьючерсов, финансовых опционов, некотируемых ценных бумаг;

- управление денежной наличностью и использование новых информационных технологий;

- услуги финансового посредничества, направленные на снижение операционных расходов и более эффективное управление активами и обязательствами, например, депозитные сертификаты, счета НАУ, депозитные счета денежного рынка и др.;

- новые продукты в традиционных сегментах рынка ссудных капиталов, например, инструменты с плавающей процентной ставкой, свопы, облигации с глубоким дисконтом, серийные облигации и т.д., а так же инструменты денежного рынка, имеющие характеристики как капитала, так и заемных денежных средств (ссуды и облигации участия, сертификаты инвестиций и т.п.).[2]

В современном банковском деле разнообразие инноваций отражает их классификация, которая имеет схожие и особенные черты, свойственные деятельности банков. Рассмотрим классификацию, которую предлагает В.С. Викулов. Данная классификация обеспечивает глубокое понимание финансовых инноваций.

Группы инноваций, предложенные В.С. Викуловым:

- радикальные (базовые), подразумевают применение инновационных технологий, внедрение новых видов продуктов и услуг, использование новейших методов управления, направленных на сотрудничество с клиентами. С целью реализации данной инновации клиентов разделяют по нескольким признакам, собирают необходимую информацию и разрабатывают совершенно новый продукт или услугу;

- комбинаторные, т.е. подразумевающие применение множества сочетаний различных имеющихся элементов (соединение нескольких услуг или продуктов в комплексное предложение и реализация на рынке как единый продукт);

- модифицирующие, создаются с целью внесения изменений в уже существующие продукты и услуги финансовой организации для продления жизненного цикла [3].

В.С. Викулов утверждает, что классификация инноваций возможна по причинам зарождения и выделяет реактивные и стратегические инновации.

Реактивные инновации – инновации, которые несут ответственность за сохранение финансовой организацией своего места на рынке. Данные инновации, как правило, являются реакцией на нововведения, например, банка-конкурента. Финансовые организации производят обновления спектра предлагаемых продуктов и услуг, а также технологических процессов, с целью преодоления потери значительной прибыли.

Стратегические инновации – инновации, позволяющие приобрести конкурентные преимущества в будущем. В результате внедрения стратегических инноваций финансовая организация продвигается на ступень выше и занимает новые конкурентные позиции.

Основательными инновациями являются радикальные и базовые инновации, поскольку, привнося инновации в финансовую организацию, они обладают наиболее значимым эффектом. Именно радикальные и базовые инновации первичны, т.к. основным предназначением комбинаторных и модифицирующих инноваций является корректировка существующих и устаревающих инноваций.

Инновации – лидеры и инновации – последователи выделяются в очередную группу «по времени». Инновации – лидеры – инновации, которые внедряются при наличии неточных расчетных рисковых показателей предполагаемой неудаче, финансовыми организациями. Данная инновация является новшеством для области внедрения и, при удачной разработке, приносит финансовой организации определенные конкурентные преимущества.

Инновации – последователи – нововведения с определенным лагом, которые осуществляет финансовая организация после внедрения предыдущей группы инноваций с желанием сохранить уже имеющиеся преимущества. Данная группа инноваций схожа с модифицирующими инновациями.

В.С. Викулов подразделяет инновации по объему воздействия на точечные и подсистемные. Точечные инновации – улучшение технологий на отдельном участке работы. Данные инновации не оказывают влияния на производственный процесс и не требуют больших материальных затрат, они связаны

с повышением эффективности нескольких операций во всем процессе. Системные инновации полностью противоположны точечным инновациям и определяют изменение всей структуры производственных отношений.

Приведенная выше классификация финансовых инноваций дает возможность определить закономерности возникновения и развития инновационных процессов в кредитных организациях.

Формируя свою инновационную деятельность, финансовая организация определяет формы и сроки продвижения собственных разработок на рынок.

Классификация финансовых инноваций дает возможность конструировать экономические и управленческие механизмы. Разработку инновацион-

ной стратегии банка определяет преобладание какого-либо типа инноваций.

Исходя из требований развивающегося рынка, чаще всего модернизируются существующие предложения, или инновации заимствуются в другой сфере деятельности, т.к. в финансовой сфере довольно проблематично и сложно создать абсолютную инновацию. Получение патента на услуги невозможно, следовательно, все инновационные продукты и услуги копируются конкурентами, тем самым получая быстрое распространение по всей финансовой сфере и переставая быть инновацией. Не смотря на сложность внедрения новшеств, конкурентоспособность финансовой организации, во многом, зависит от инновационных процессов.

Список литературы

1. Балабанов И.Т. Инновационный менеджмент: Учебник для вузов / И.Т. Балабанов. СПб: Питер, 2001. 304 с.
2. Банковский менеджмент / Под ред. О.И. Лаврушина. М.: КноРус, 2011. 554 с.
3. Викулов В.С. Типология банковских инноваций / В.С. Викулов // Финансовый менеджмент. 2004. № 6.
4. Гужина Г.Н. Банковские инновации для частных клиентов: проблемы и перспективы развития: монография / Г.Н. Гужина, Е.Ю. Баранова, А.А. Гужин, Н.М. Назаршоев. М.: Русайнс, 2017. 144 с.
5. Иванова О.В. О сущности банковских инноваций / Автореф. дисс...канд. экон. наук. Краснодар, 2011.
6. Муравьева А.В. Банковские инновации: мировой опыт и российская практика: дис...канд. экон. наук. М., 2005.
7. Охлопков А.В. Банковские инновации и особенности их реализации в современном банковском секторе России / Автореф. дисс...канд. экон. наук. М., 2011.
8. Райзберг Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. 6-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2017. 512 с.
9. [Электронный ресурс] <https://www.osp.ru/cw/2017/09/13052318/>

Reference list

1. Balabanov I. Innovation management: Textbook for higher education institutions / I. Balabanov. SBR.: Peter, 2001. 304 p.
2. Bank management / Under the editorship of O. Lavrushin. M.: KnoRus, 2011. 554 p.
3. Vikulov V. Typology of banking innovations / V. Vikulov // Financial management. 2004. №6.
4. Guzhina G. Banking innovation for private clients: Issues and prospects of development: Monograph / G. Guzhina, E. Baranova, A.Guzhin, N. Nazarshoev. M.: Rusyns, 2017. 144 p.
5. Ivanova O. About the nature of banking innovations / Synopsis of a thesis of PhD in Economics. Krasnodar, 2011.
6. Murav'eva A. Banking innovations: Global experience and the Russian practice: Synopsis of a thesis of PhD in Economics. M., 2005.
7. Okhlopov A. Banking innovations and peculiarities of their implementation in the modern banking sector of Russia / Synopsis of a thesis of PhD in Economics. M., 2011.
8. Raizberg B. The modern economic dictionary / B. Raizberg, L. Lozovskiy, E. Starodubtseva. 6th edition. revised and enlarged. M.:INFRA-M, 2017. 512 p.
9. [Electronic resource] <https://www.osp.ru/cw/2017/09/13052318/>

Абдрахманов А.И.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя
e-mail: albert_a19@mail.ru

Abdrakhmanov A.,

PhD in Law, Associate Professor of Chair of History of State and Law
of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Kikotya

Агаев А.И.,

аспирант Астраханского государственного университета
e-mail: asu@asu.edu.ru

Агаев А.,

Postgraduate student of the Astrakhan State University

Аль Али Насер Абдель Рахим,

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права
Московского института государственного управления и права
e-mail: naseraa@migup.ru

Ali Al Nasser Abdel Rahim,

PhD in Law, Associate Professor of Chair of International Law
of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Афанасьев П.Б.,

преподаватель Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
e-mail: vivat.79@gmail.com

Afanas'ev P.,

Educator of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Kikotya

Afanas'eva O.,

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair
"Criminal Law, Criminal Process and Criminalistics" of the Law Institute of the Russian University of Transport,
Chief Researcher of All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
e-mail: Afanasevaor@yandex.ru

Афанасьева О.Р.,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры
«Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика»
Юридического института Российского университета транспорта,
главный научный сотрудник
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России

Борисова Н.В.,

аспирант Российского государственного университета правосудия
e-mail: borisovanv100@mail.ru

Borisova N.,

Postgraduate student of the Russian State University of Justice

Галицкая А.А.,

аспирант кафедры «Гражданское право и гражданский процесс»
Юридического института Российского университета транспорта
e-mail: anna_galitskaya@mail.ru

Galitskaya A.,

Postgraduate student of the Chair "Civil Law and Civil Procedure"
of the Law Institute of the Russian University of Transport

Гончарова М.В.,

доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России
e-mail: maria-g2009@yandex.ru

Goncharova M.,

Doctor of Law, Associate Professor, Chief Researcher
of All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Грасмик К.И.,

кандидат экономических наук, научный сотрудник
Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского
e-mail: simpfor@yandex.ru

Grasmik K.,

PhD in Economics, Researcher of Dostoevsky Omsk State University

Духно Н.А.,

доктор юридических наук, профессор Российского университета транспорта
e-mail: info@ui-miit.ru

Dukhno N.,

Doctor of Law, Professor of the Russian University of Transport

Ережипалиев Д.И.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры общей юриспруденции и правовых основ безопасности
Национального Исследовательского Ядерного Университета,
старший научный сотрудник Научно-исследовательского института
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
e-mail: damirastr@mail.ru

Erezhipaliev D.,

PhD in Law, Associate Professor of Chair of General Jurisprudence and Legal Bases of Security
of the National Research Nuclear University, Senior Researcher of the Research Institute of Academy
of the Prosecutor's General Office of the Russian Federation

Иголина Н.А.,

кандидат юридических наук, заведующая отделом Научно-исследовательского института
Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации
e-mail: igonadezhda@yandex.ru

Igonina N.,

PhD in Law, Head of the Department
of the Research Institute of Academy of the Prosecutor's General Office of the Russian Federation

Матиенко Т.Л.,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры истории государства и права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
e-mail: pet4332@yandex.ru

Matienko T.,

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Chair of History of State and Law
of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. Kikotya

Кузнецов Е.С.,

аспирант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
e-mail: ekuznecov@hse.ru

Kuznetsov E.,

Postgraduate student of National Research University "Higher School of Economics"

Мишина А.А.,

ведущий специалист ПАО «Сбербанк»
e-mail: mb@sberbank.ru

Mishina A.,

Leading specialist of PJSC "Sberbank"

Никитина А.В.,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного, административного
и финансового права Хабаровского государственного университета экономики и права
e-mail: A_Nikitina@inbox.ru

Nikitina A.,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of Chair of Constitutional, Administrative and Financial Law
of the Khabarovsk State University of Economics and Law

Романько Э.А.,

аспирант Российского государственного университета правосудия
e-mail: etery.rom@gmail.com

Роман'ко Е.,

Postgraduate student of the Russian State University of Justice

Салихов Б.В.,

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и менеджмента
Российского государственного университета имени А.Н. Косыгина

e-mail: mgsusalikhov@yandex.ru

Salikhov B.,

Doctor of Economics, Professor, Professor of Chair of Economics and Management
of the Russian State University named after A. Kosygin

Смоленский А.М.,

стажёр Экономического факультета Российского университета дружбы народов

e-mail: rudnoleg@gmail.com

Smolenskiy A.,

Trainee of the Faculty of Economics of People's Friendship University of Russia

Федоров Р.В.,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права
Московского института государственного управления и права

e-mail: fedorovrv@migup.ru

Fedorov R.,

PhD in Law, Associate Professor of Chair of Theory and History of State and Law
of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Чеботарева А.А.,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Информационно-математические технологии
и информационное право» Российского университета транспорта

e-mail: anna_galitskaya@mail.ru

Chebotareva A.,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Chair "Information-Mathematical Technologies
and Information Law" of the Russian University of Transport

Червяков Н.Н.,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Московского института государственного управления и права

e-mail: spravki@migup.ru

Chervyakov N.,

PhD in Law, Associate Professor, Head of Chair of Theory and History of State and Law
of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Чернявский А.Г.,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин
Московского института государственного управления и права

e-mail: chernyavskyag@migup.ru

Chernyavskiy A.,

Doctor of Law, Professor, Head of Chair of State-Legal Disciplines of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Шамаров В.М.,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Московского института государственного управления и права

e-mail: V.Shamarov10@mail.ru

Shamarov V.,

Doctor of Law, Professor, Professor of Chair of State-Legal Disciplines
of the Moscow Institute of Public Administration and Law

Ширкин А.А.,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России

e-mail: seadas@yandex.ru

Shirkin A.,

PhD in Law, Senior Researcher of the Research Institute of Federal Service for the Execution of Sanctions of Russia

Шиян В.И.,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право, уголовный процесс и криминалистика»
Юридического института Российского университета транспорта
e-mail: valentina-shiyan@yandex.ru

Shiyan V.,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Chair "Criminal Law, Criminal Process and Criminalistics"
of the Law Institute of the Russian University of Transport

Шкодинский С.В.,

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории
Московского государственного областного университета,
главный научный сотрудник Центра отраслевой экономики
Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов Российской Федерации
e-mail: sh-serg@bk.ru

Shkodinskiy S.,

Doctor of Economics, Professor, Head of Chair of Economic Theory of the Moscow State Regional University,
Main Scientific Researcher of the Center of Branch Economy of the Research Finance Institute
of the Ministry of Finance of the Russian Federation

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Общие требования

К оформлению материалов, представляемых для публикации в журнале «Вестник Академии права и управления», который является междисциплинарным и охватывает следующие области знания: юридические науки, экономические науки, педагогические науки.

К публикации принимаются авторские материалы – научные (практические) статьи, обзоры (обзорные статьи), рецензии, научные отчеты, аналитические статьи, соответствующие **тематике** журнала.

1. Содержание статьи должно соответствовать тематике, научному уровню журнала. Авторский материал, предлагаемый к публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях.

Автор несет ответственность за точность воспроизведения имен, цитат, формул. Название статьи должно соответствовать содержанию.

2. Объем авторского оригинала (включая список литературы, таблицы и надписи к рисункам) не должен превышать 0,8 авторского листа (32 тысячи знаков, включая пробелы).

Предоставленный материал должен быть подготовлен в текстовом редакторе – **Microsoft Word**.

Рисунки предоставляются в формате ***.JPEG** или ***.bmp**. Подрисовочная подпись состоит из номера и названия (**Рисунок 1. ...**) Графики, диаграммы и прочее рекомендуется выполнять в программах **MS Excel** или **MS Graph**.

Таблицы должны иметь заголовки и порядковые номера. В тексте должны быть ссылки на представленные рисунки и таблицы. Сноски даются в тексте в [квадратных скобках], например: [3: с. 57], их нумерация должна соответствовать списку литературы, размещенному в конце статьи **в алфавитном порядке**, ссылки на комментарии приводятся в (**круглых скобках**).

Постраничные сноски не допускаются.

Допускаются смысловые выделения полужирным шрифтом.

3. В электронном виде материал для публикации предоставляется в виде нескольких отдельных файлов, названия которых должны начинаться с ФИО автора (авторов).

Структура основного файла, содержащего текст статьи на русском языке:

- УДК статьи – на первой странице в левом верхнем углу;
- название статьи;
- краткая информация об авторе (авторах) статьи;
- аннотация статьи на русском языке (информативное изложение содержания статьи, не более 800 знаков);

- ключевые слова на русском языке (до 15 слов или словосочетаний, характеризующих содержание статьи; приводятся в именительном падеже и печатаются строчными буквами, через запятые);

- текст статьи (текст – в формате А 4; гарнитура – Times New Roman; размер (кегель) шрифта – 14; межстрочный интервал – одинарный; все поля – 2 см, отступ (абзац) – 1 см, без переносов;
- список литературы приводится в алфавитном порядке – сначала указываются источники на русском языке, затем – на иностранных языках.

Информация, обязательная к представлению на английском языке:

- название статьи;
- ФИО, краткая информация об авторе (авторах) статьи (научная степень, звание, должность, место работы, e-mail);

- аннотация статьи;
- ключевые слова.

Сноски и список литературы оформляются в соответствии с ГОСТ 7.5-2008 (Библиографическая ссылка) (без разделительных тире). Обязательно указание издательства, а также общего количества страниц в источнике и интервала страниц для журнальных статей и публикаций в сборниках.

Количество источников в пристатейном библиографическом списке не более 35.

Как в русскоязычном, так и в англоязычных источниках, включенных в пристатейный список литературы, указываются все авторы каждой публикации (не более 3; если авторов больше – др.).

4. Отдельными файлами высылаются:

- копии всей содержащейся в материале графики – рисунков, схем (в формате JPEG или TIFF (разрешение не менее 300 dpi), а также формул и таблиц;
- анкета автора по представленной форме.

Форма анкеты автора (пожалуйста, заполняйте без сокращений)

ФИО (на русском и английском языках)	
Место работы (наименование организации на русском и английском языках)	
Должность, с указанием структурного подразделения (на русском и английском языках)	
Ученая степень (на русском и английском языках)	
Ученое звание (на русском и английском языках)	
Адрес электронной почты для контактов	
Адрес для отправки авторского экземпляра (обязательно указать индекс)	
Наименование статьи (на русском и английском языках)	

Статьи, подготовленные аспирантами, соискателями ученой степени кандидата наук, принимаются к рассмотрению только при наличии письменной рекомендации научного руководителя (заведующего кафедрой). Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Гонорары авторам не выплачиваются.

Напоминаем авторам: одно из требований ВАК – включение издания в систему Российского индекса научного цитирования, что сопряжено с размещением представленных материалов статей в открытом доступе в сети Интернет. Направляя материалы в редакцию журнала, автор заведомо соглашается на размещение своих материалов в открытом доступе в сети Интернет.

Авторскому коллективу выдается один экземпляр журнала.

Позиция редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.

Редакция оставляет за собой право редакционной правки статьи.

**Просьба к авторам высылать материалы в полном комплекте,
в ином случае они будут возвращаться без рецензирования.**

Подготовленные материалы необходимо отправить по адресу: rio@migup.ru

ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ
№ 1 (50)
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

– М.: АНО ВО «Московский институт государственного управления и права», 2018 – 146 с.

Журнал зарегистрирован
в Министерстве Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

СМИ зарегистрировано 28.04.2000 г.
с изменениями 30 апреля 2013 г.; 11 февраля 2015 г.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-60768

Подписано в печать 26.03.2018
Формат 60x84/8. Печать офсетная.
Гарнитура Myriad Pro.
Тираж 5000 экз.
Усл.-печ. л. 16,97

Адрес редакции:

115487, Москва, ул. Садовники, д. 2.
Тел./факс: (499) 271-66-52.
www.migup.ru; e-mail: rio@migup.ru
Подписной индекс – **45012**

Отпечатано в типографии
ООО «Сам Полиграфист»
Заказ № 39064-24